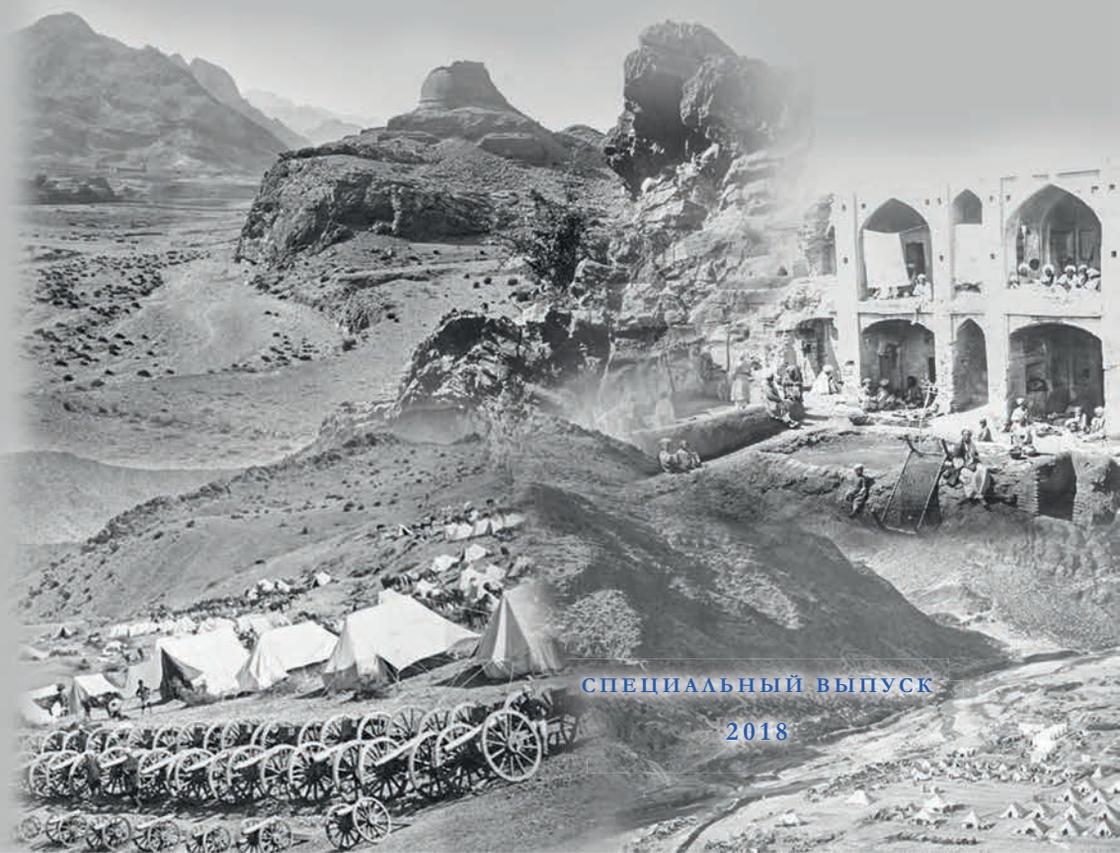

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЖИЗНЬ

ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР

история и геополитика

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

2018

ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР
ИСТОРИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЖИЗНЬ
2018

Руководитель проекта:

Главный редактор журнала «Международная жизнь»

А.Г.Оганесян

Ответственный редактор:

*Заместитель главного редактора - ответственный секретарь,
кандидат исторических наук*

Е.Б.Пядышева

Научный редактор:

Редактор журнала «Международная жизнь»

А.Д.Дубина

Литературные редакторы:

О.Н.Ивлиева

Н.В.Карпычева

Л.А.Подчашинская

Выпускающий редактор и дизайн:

И.Н.Знатнова

Технический редактор:

М.С.Тюрина

**Материалы, публикуемые в спецномере журнала «Международная жизнь»
«История без купюр», не обязательно отражают точку зрения редакции**

Адрес редакции: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: info@interaffairs.ru

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
РФ, 115093, г. Москва, Партийный переулок, д 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11
info@bukivedi.com тел. +7(495)926-63-96

Тираж 1000. Цена свободная.
Дата выхода в свет 10.12.2018. Заказ №5954.

© Редакция журнала «Международная жизнь». 2018.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

- Дмитрий Трофимов**, *заместитель
директора 4 ДСНГ МИД России*
О британской колониальной
политике в Индии 5
- Никита Ищенко**, *атташе Второго
департамента Азии МИД России*
Российская политика невмешательства
в афганские дела в конце 1880-х годов 21
- Кирилл Черевко**, *доктор исторических наук*
Противоречат ли международному праву
русско-китайские договоры о вхождении Приамурья
и Приморья в состав России в XIX веке?
К 160-летию Айгунского договора между
Россией и Китаем 1858 г. 42

СУДЬБЫ

- Фарид Анварбек**, *узбекский публицист*
Забытый создатель 55
- Борис Лунин**, *доктор исторических наук*
Василий Лаврентьевич Вяткин:
жизнь и деятельность 73
- Марина Сорокина**, *кандидат исторических наук*
Русская наука и искусство в Сербии 86
- Наталья Масоликова**, *историк*
Александр Мейендорф: ученый
и общественный деятель 101

ИЗ ЛИЧНЫХ ФАЙЛОВ

- Владимир Говязин**, *советник Посольства СССР*
(1977-1983 гг.) в Сирийской Арабской Республике
Сирия: время Президента
Хафеза Асада 121
- Анатолий Зайцев**, *Чрезвычайный и Полномочный*
Посол, кандидат экономических наук
Первый дипломатический скандал
на китайском приеме
Из вьетнамских воспоминаний 143
- Александра Осоргина**, *публицист*
Они сохранили русский дух
Из истории семьи Осоргиных 150

О БРИТАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ИНДИИ

Дмитрий Трофимов

*В основе всех явлений на Востоке лежит
отсутствие частной собственности на землю.
Вот настоящий ключ даже к восточному небу.*
К.Маркс

СТАВШЕЕ уже классическим вышеприведенное высказывание К.Маркса (выдержка из его переписки с Ф.Энгельсом) остается самой емкой характеристикой* традиционного восточного общества и служит напоминанием о смысле и направленности той единственной, по сути, революции, которая имела место за долгие столетия и тысячелетия индийской истории: государственно-общинное мироустройство, скрепленное системообразующими варново-кастовыми ценностями, оказалось перепахано ростками насажденной англичанами частной собственности, построенными ими железными дорогами и внедренными ими же новыми цивилизационными стандартами.

Дмитрий Трофимов - заместитель директора 4 ДСНГ МИД России.

**Как и любое лапидарное определение, высказывание К.Маркса характеризует главную тенденцию, намеренно сглаживая детали: частная собственность на Востоке, в Индии в частности, разумеется, существовала - и в древности, и в средневековье, и в условное новое время. Вопрос в другом: она практически никогда не играла, да и не могла играть там системообразующую и определяющую роль, как на Западе, будучи неизменно в приниженном и юридически бесправном состоянии, существуя от экспроприации до экспроприации, но при этом подпитывая периодически ржавеющий часовой механизм азиатского (государственного) способа производства.*

Ключевыми особенностями многовековой истории Индии были неустойчивость политической власти, децентрализованность и всеопределяющая кастовая система. Индостан, в отличие от Китая, Египта, Междуречья и мусульманского Востока, практически не знал устойчивых централизованных государств, хотя основные элементы, присущие так называемому государственному (или азиатскому) способу производства, в полной мере наблюдались и там: доминанта государства (пусть подчас и слабого), опиравшегося на власть-собственность и редистрибуцию ренты-налога; подчиненное и юридически не обеспеченное положение частной собственности на фоне абсолютного преобладания собственности государства (правителя), общины и храмов.

Основой социальной структуры Индии служила восходящая к древнеиндийским варнам и освященная индуизмом система каст, выступавшая одновременно своего рода противовесом слабой политической администрации. При этом смысл заложенной в этой жесткой иерархичности парадигмы обязательного реципрокного обмена (джаджмани) сводился прежде всего к тому, чтобы освятить и узаконить социальное и имущественное неравенство как в отдельно взятой общине, так и в индийском обществе в целом. Небезынтересно, что, даже внедрив в Индии частную собственность, парламентаризм и политические свободы, англичане так и не смогли сломать кастовые перегородки, успешно преодолевшие в своем круговороте уже четвертое тысячелетие и определяющие лицо и специфику Индии и в XXI веке.

Полноформатное британское владычество в Индии оказалось подготовлено ходом событий XV-XVIII веков, когда параллельно происходили два значимых процесса. Во-первых, движение традиционного маятника «централизации - децентрализации», пройдя через очередные две сменявшие друг друга относительно крупные империи (Делийский султанат и государство Великих Моголов), было фактически заблокировано несколькими исключительно разрушительными волнами вторжений со стороны Персии и Афганистана (сначала иранского Надир-шаха, а затем Ахмад-шаха дурранийского).

В результате очередная набиравшая обороты централизация (в лице стремительно расширявшейся державы Маратхов) получила непоправимый удар и плавно деградировала до того самого уровня «борьбы всех против всех», которая, в свою очередь, предопределила относительную легкость проникновения в Индию разномастных европейских торговцев, постепенно сдавших свои позиции британцам: первоначально в лице Английской Ост-Индской компании (далее - АОИК или Компания), а затем и напрямую - британской короне.

Расцвет индийской морской торговли (как собственной, так и в немалой степени транзитной - с поставками в Европу редких экзотических товаров и пряностей из Юго-Восточной Азии) и будившие равно алчность и воображение истории о сказочных богатствах правителей Индостана вызвали к жизни нескончаемые экспедиции, нацеленные на поиски кратчайших путей в Индию и получение контроля за сулящей баснословный барыш «дорогой специей»*. Первыми были португальцы, однако звезда их колониальной империи к этому времени уже быстро клонилась к закату**. Им на смену приходят голландцы, вскоре, впрочем, принимающие решение перенести свою деятельность в места произрастания перца, корицы, гвоздики и мускатного ореха - на острова Молуккского архипелага***.

*Так, например, успешно монополизировавшая торговлю пряностями АОИК получала прибыль в размере 2000-2500%.

**Португальская торговая монополия в Индийском океане была подорвана голландцами и англичанами уже к концу XVII века. С этого времени заканчивается и процветание Гоа, Диу и Дамана, единственных португальских колониальных анклавов в Индии, оставшихся под управлением Лиссабона вплоть до 1962 г. Одна из главных португальских жемчужин в Индии - семь островов с расположенным на них Бомбеем - были подарены английскому королю Карлу II в качестве приданого за португальскую принцессу Екатерину де Браганса в 1661 году. Не прошло и 7 лет, и Карл II сдал острова в аренду АОИК за символическую сумму в 10 фунтов золотом в год. С 1687 г. в Бомбей будет перенесена штаб-квартира Компании в Западной Азии.

***В целом голландцы благополучно избежали жесткой конкуренции с англичанами в Индии: в любом случае, вероятность победы в этом состязании потомков гезов была более чем сомнительна (случившийся несколько позже успешный захват Великобританией владений буров в Южной Африке стал тому наглядным доказательством).

Казалось, что реальную конкуренцию британцам в Индии могут составить французы, однако удача отвернулась от последних уже в 1757 году в битве при Палаше (в европейской традиции - при Плессе), когда патронируемый Французской Ост-Индской компанией бенгальский наваб Сирадж уд-Даула потерпел сокрушительное поражение от нанятого АОИК полковника Роберта Клайва: результат - покорение англичанами Бенгалии, ставшей на долгие годы их ключевым плацдармом в Индии, и начало конца французской колониальной империи в Индии*. Столь же неудачной для французов окажется и их ставка на княжество Майсур, правители которого (сначала Хайдер Али, а затем его сын Типу-Султан**), опираясь на помощь Парижа, проводят успешную военную реформу, создают едва ли не самую боеспособную армию в Индии и в какой-то момент чуть было не выбивают оттуда англичан.

Поражение в 1799 году при Серингапатаме положило конец существованию последнего независимого индийского княжества и окончательно похоронило французские колониальные проекты. Впрочем, Франции, последовательно двигавшейся от предреволюционного упадка к постреволюционному хаосу, в то время уже явно было не до Индии...

Утверждение британской колониальной империи в Индии проходило в три основных этапа:

1) XVII - первая половина XVIII века: преимущественно торговая экспансия, осуществляемая АОИК через созданную ею систему факторий;

**Победа при Плессе стала, по сути, первым значимым эпизодом на восточном театре Семилетней войны. Спустя четыре года французы потеряют свой административный центр в Индии - крепость Пондишерри, которая будет разрушена англичанами до основания. Парижский мирный договор 1763 г., правда, вернет Франции ее владения в Индии, но лишит ее права воздвигать там укрепления, а также держать войска в Бенгалии.*

***Находившийся в тайных сношениях с французской Директорией Типу-Султан всячески подчеркивал свои франкофонские настроения: дошло до того, что абсолютный монарх позволил посадить в своих владениях «дерево свободы» и даже записался в один республиканский парижский клуб как «citoyen Tirou» («гражданин Типу»).*

2) вторая половина XVIII - середина XIX века: преимущественно территориальная экспансия, на основе которой создается система прямого управления АОИК захваченными землями при их полном и практически бесконтрольном ограблении; при этом номинальная независимость подконтрольных индийских княжеств сохраняется.

Политическая власть АОИК и штаты индийского правительства были определены еще статутом 1773 года; вслед за этим бенгальский губернатор был сделан генерал-губернатором и совместно со своим советом из четырех членов стал контролировать действия мадрасской и бомбейской администраций в вопросах мира и войны, а также получил законодательную власть; высшие судебные места были учреждены в Калькутте, с назначаемыми от короны судьями.

Начиная с конца XVIII века наблюдается постепенное установление контроля британского правительства и парламента за деятельностью АОИК: первым тревожным звонком для Компании стал суд Палаты лордов над первым генерал-губернатором Индии У.Гастингсом (1773-1785 гг.), обвиненным в «насилии и вымогательстве»; в 1813 году была официально отменена монополия компании на торговлю с Индией; Парламентский акт 1833 года еще более ограничил функции компании, оставив за ней в основном статус административной организации, практически управлявшей Индией, причем теперь уже под очень строгим присмотром лондонского Контрольного совета.

3) 1858-1947 годы: несоответствие методов АОИК новым целям и потребностям Великобритании и ее быстрорастущей капиталистической промышленности (нуждавшейся во все увеличивавшихся, но при этом стабильных и предсказуемых рынках), завершение (после победы над сикхами в Пенджабе в 1849 г.) военно-политического завоевания Индии и, наконец, непосредственные уроки потрясшего основы формировавшейся колониальной системы сипайского восстания - все это и предопределило появление знаменитого Акта о лучшем управлении Индии (An Act for the Better Government of India).

Этот подготовленный лордом Пальмерстоном парламентский билль от 2 августа 1858 года окончательно и бесповоротно передал управление Индией от Ост-Индской компании британской короне. Именно с этого времени Индия в полной мере становится колонией Великобритании. На смену практиковавшейся АОИК грубой ломке традиционных структур, сопряженной с постоянным насилием и беззаконием, приходит постепенная и тщательно продуманная трансформация (с ориентацией на европейскую модель), реализуемая в рамках общебританского правового пространства и исключавшая насилие в качестве основного инструмента воздействия на новых подданных.

Вслед за Актом о лучшем управлении Индии во второй половине XIX века следует целая серия преобразований и нововведений, призванных сгладить накопившееся в индийском обществе недовольство и повысить эффективность колониального управления Индией. Так, уже в ноябре 1858 года в специальном обращении к индийским князьям, ее вассалам, королева Виктория продекларировала твердое намерение «допустить своих подданных, какой бы национальности и религии они ни были, к исполнению всяких должностей, насколько им это позволяет их воспитание, образование и способности».

Главным же стало объявленное королевой решение об отмене введенной генерал-губернатором Дж.Дальхузи так называемой «выморочной» системы, по которой княжества, оставшиеся без прямых наследников мужского пола, автоматически присоединялись к английским владениям*. Отныне вводилось право передачи княжества по наследству приемным сыновьям (если линия прямого наследования прерывалась). Кроме того, британская корона обязалась со вниманием отнестись к существованию в Индии

**В немалой степени именно это нововведение генерал-губернатора (в целом весьма успешного и просвещенного администратора) спровоцировало серьезнейшую волну недовольства (особенно после аннексии Ауда), наложившуюся на известную историю с «неправильными» патронами и вылившуюся в кровавое сипайское восстание, начавшееся вскоре после отставки Дж.Дальхузи.*

традиционной кастовой системы: просвещение просвещением, но в традиционной среде надо было и меру знать! Были также приняты законы, препятствовавшие арендодателям произвольно повышать арендную плату. Многие постоянные арендаторы получили право отчуждать свои земли.

В 1869-1872 годах (при вице-короле лорде Майо) учредили земледельческий департамент и ввели областную систему финансового хозяйства, давшую толчок к развитию местного самоуправления. Было также подготовлено уничтожение старых таможенных границ, долго отделявших одну область от другой и стеснявших торговлю между британскими владениями и вассальными государствами, заложено множество новых дорог, рельсовых путей и каналов.

В 1880-1881 годах (при вице-короле лорде Рипоне) была отменена цензура, существовавшая для туземной печати, введено местное сельское и городское самоуправление, на широких избирательных началах учреждена комиссия по народному образованию с целью широкого распространения образования. Особенное внимание обращалось на начальное народное и женское образование. Лорд Рипон добивался также того, чтобы предоставить высшему классу индийских судей право юрисдикции по проступкам англичан: эта идея, впрочем, вызвала в Лондоне неудовольствие и не была реализована.

Вся эта серия законов, актов и обязательств ставила своей целью уважать привычные нормы и тем самым избежать в дальнейшем накопления недовольства.

Разумеется, привнесение большей гибкости, толерантности и даже определенных элементов либерализации несколько не меняло принципиальные колониальные установки, наиболее отчетливо сформулированные еще шестым генерал-губернатором Индии (1798-1805 гг.) лордом Уэлсли: первая установка - англичане должны быть единственными обладателями Индии и вторая - туземные раджи могут сохранить внешние знаки своей власти, но должны отказаться от всякой политической самостоятельности.

Попробуем проанализировать основные особенности, а также результаты британской колониальной политики в Индии как в период до принятия Акта о лучшем управлении, так и после него.

РЕГИОНАЛИЗМ ИЛИ КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП «РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ»

И руководство Компании, и британская колониальная администрация неизменно меняли региональных союзников, противопоставляя их друг другу, и тем эффективнее добивались их зависимости и лояльности. При этом все же приоритет отдавался арийско-мусульманскому северу (особо выделим Бенгалию и Пенджаб), а стародравидскому югу подчас не доставались даже клиентальные функции. Смешанный индо-мусульманский принцип формирования считался залогом подконтрольности отрядов сипаев*; когда же в 1857 году он дал серьезный сбой, англичане сочли за благо сделать ставку на только недавно покоренных непальцев-гуркхов** и сикхов*** Пенджаба.

**В основе своей это была бенгальская армия, на две трети набранная из представителей высоких каст раджпутов, брахманов и джатов Ауда, а на одну треть - из мусульман Бенгалии. Первыми отряды наемников-сипаев под командованием офицеров-европейцев начали создавать французы, а англичане просто переняли успешный опыт. Впоследствии руководство АОИК ухитрилось регулярно сдавать прекрасно обученные и хорошо вооруженные подразделения сипаев в наем любым заинтересованным индийским князьям в обмен на право практически бесконтрольного сбора налогов с тех или иных княжеских наделов.*

***Колониальные войска гуркхов, набравшиеся из непальских добровольцев, появились как результат непальской войны 1814-1815 гг., в ходе которой горцы отстаивали свою независимость от численно превосходивших их войск АОИК. Наемники-гуркхи приняли самое деятельное участие в подавлении антиколониальных восстаний сикхов, сипаев и афганцев. Отличавшиеся фантастической выносливостью, легендарным бесстрашием, строжайшей дисциплиной и верностью присяге, элитные подразделения гуркхов успешно воевали под английскими знаменами на фронтах Первой и Второй мировых войн, а также на Фолклендах в 1982 г. Действующая британская бригада гуркхов насчитывает сегодня свыше 3600 человек. Шесть батальонов гуркхов остались инкорпорированы и в состав независимой индийской армии.*

****Активно пополнять ряды наемных войск равно воинственными и свободолюбивыми сикхами британцы начинают после окончательного покорения Пенджаба в 1849 г. Прирожденные воины (напоминанием о чем служит обязательная для всех сикхов-мужчин фамильное имя «сингх», в переводе с санскрита означающее «лев») они и по сей день пропорционально доминируют в вооруженных силах Индии, где занимают 20% всех должностей, составляя при этом менее 2% населения страны; исключительное место сикхи занимают и в политической элите Индии. Такое положение, несомненно, является прямым следствием британской колониальной политики XIX-XX вв.*

Гуркхи в британской армии

КОНТРОЛЬ РУКАМИ КОНТРОЛИРУЕМЫХ

Наиболее наглядным примером эффективности этой установки в военной области можно считать то, что вплоть до 1931 года империя удерживала под своим контролем более чем 300-миллионное население Индии силами присланного из Британии 60-тысячного полицейского и воинского контингентов.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ И СУДЕБНОЙ ОБЛАСТИ

В 1861 году британский Парламент принял закон об организации законосовещательных индийских советов при генерал-губернаторе и губернаторах провинций. Хотя члены этих советов назначались, а не избирались, законом оговаривалось, что по-

ловина их должна состоять из лиц, не занятых на службе и тем самым не зависящих от администрации.

Вслед за этим в 1880-х годах были изданы законы о местном выборном самоуправлении. Несмотря на то что выборы оставались многоступенчатыми, а образовательный и имущественный ценз позволял участвовать в них едва ли 1% населения страны, начало избирательной процедуре было положено.

В 1890-х годах муниципальные советы стали избирать некоторых своих членов в провинциальные законодательные советы при губернаторах, а также в Индийский законодательный совет при генерал-губернаторе. Вкупе с последовательно внедрявшейся европейской системой судопроизводства все это в конечном счете способствовало утверждению первоначально чуждых восточной ментальности элементов правового сознания.

ХОД И НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Эти понятия трансформации Индии во многом определялись спецификой этапов развития английского капитализма. В XVII и отчасти в XVIII веках первоначальное накопление капитала обуславливало преобладание примитивного ограбления индийских земель руками АОИК; во многом аналогичную роль играла и постепенно цивилизовавшаяся торговая экспансия. С начала XIX века акцент все больше делается на превращение Индии в рынок сбыта английского промышленного производства, непосредственным результатом чего становится массовое разорение индийских ремесленных хозяйств.

С другой стороны, приток английских товаров в Индию поспособствовал и резкому увеличению индийского экспорта в Англию и другие страны Европы: из Индии вывозились индиго, пряности, хлопок, шерсть, джут, чай, кофе и опиум*.

**Индийский (прежде всего бенгальский) опиум сыграл ключевую роль в попытках колониального закабаления Великобританией восточных районов императорского Китая: так называемые «опиумные войны».*

Для обеспечения быстрого увеличения количества вывозимого сырья англичане активно создавали плантационные хозяйства капиталистического типа. При этом к традиционным статьям индийского экспорта постепенно прибавлялись и новые, включая производство зерна.

Рост торговли и товарности земледелия способствуют все более заметному росту частнособственнического уклада, который постепенно начинает теснить традиционную общину. Здесь, впрочем, принципиально важно то, что ее разложение так и не стало необратимым даже по состоянию на начало XXI века: касты и индуизм и поныне «живее всех живых». Численно преобладающая деревня все это время успешно сопротивляется трансформации, которая тем не менее набирает темп и вес: но происходит это почти исключительно за счет городов.

Строительство железных дорог и создание начальной промышленной инфраструктуры (банки, предприятия связи, плантации) способствовали возникновению многочисленных национальных производств, в том числе на базе предприятий мануфактурного типа, что уже к концу XIX века привело к возрождению ручного ткачества. Устойчивые же элементы современного капиталистического уклада (чисто индийские, а не паевые с англичанами, промышленные предприятия, электростанции, банки, разнопрофильные компании) появятся в Индии уже в начале XX века.

ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

Ключевое значение в этой области имела запущенная в 1835 году по инициативе Т.Маколея, члена Высшего совета при генерал-губернаторе, реформа образования в Индии, смысл которой заключался в том, чтобы начать подготовку кадров колониальной администрации из самих индийцев, создав из них «прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума». По сути, речь шла о формировании новой индий-

Калькуттский университет

ской элиты, которая прежде всего должна была стать (и забегая вперед, признаем - стала) не столько проводником британского влияния, сколько надежным межцивилизационным посредником и толмачем, а в случае необходимости и эффективным амортизатором между британцами и индийцами.

Активно поддержанная У.Бентинком реформа зиждилась на идее перевода высшего, а также школьного (начиная с шестого класса) образования с санскрита и персидского на английский язык; кроме того, английский должен был стать единственным языком межнационального делового и даже повседневного общения горожан (по понятным причинам деревня осталась фактически незатронутой языковой реформой). Начиная с 1857 года, когда англичане создали в Индии первые три университета - Калькуттский, Бомбейский и Мадрасский, число индийских университетов и колледжей с преподаванием на английском языке и по английским программам обучения неуклонно растет; одновременно все большее число индийцев, прежде всего, разумеется, выходцев из местной кастовой аристократии, получали образование в самой Англии, в том числе в ее лучших университетах - Кембридже и Оксфорде.

Оглядываясь назад, следует признать полный успех языковой и образовательной реформ: Т.Маколей и У.Бентинк совершен-

но по наитию нащупали ту самую реперную точку, которая стала никак не менее, а в чем-то и более определяющей, чем основополагающие изменения в социально-экономическом укладе. Всеобщее распространение английского языка оказало колоссальное влияние на централизацию и сплочение страны, некогда напоминавшей лоскутное одеяло княжеств и укладов. А пережившая своих британских творцов новая индийская элита стала одним из двух (наряду с одновременно сотворенной местной буржуазией) главных элементов становления и последующего сохранения оригинальнейшей индийской демократической системы.

БЕНГАЛЬСКИЙ РЕНЕССАНС

На протяжении всего предколониального и колониального (с 1858 г.) периода особое, едва ли не центральное место в истории Индии принадлежало Бенгалии: это была одна из наиболее развитых и густонаселенных (свыше 50% от общего числа жителей субконтинента) областей страны, избранная форпостом АОИК, где вплоть до 1911 года располагалась и столица всей Британской Индии - Калькутта. Именно там образовательная и реформаторская деятельность англичан дала наиболее пышные всходы в XIX-XX веках, вызвав к жизни беспрецедентный всплеск как автохтонных, так и синтетических (европейско-индийских) течений в философии, живописи и литературе, объединенных идеей просвещения и межцивилизационной конвергенции.

Достаточно вспомнить имена Рам Мохан Роя (выступал со своего рода экуменической концепцией единого Бога, за реформацию индуизма и переустройство индийского общества по образцу западной цивилизации), Рамакришны и Вивекананды, и, наконец, выходцев из брахманского рода Тагоров - от деда (Дварканатха: одного из первых индийских промышленников и соратника Роя) к отцу (Дебендранатху) и внуку, Рабиндранату,

создавшему бенгальский литературный язык и бенгальскую литературу и первым среди неевропейцев удостоенному Нобелевской премии. Позже влияние «брахмоистов»* распространилось среди образованных слоев населения в Мадрасе и Бомбее, причем везде просветители активно сотрудничали с англичанами, которые под их влиянием издавали законы против «сати» и в защиту гражданских браков...

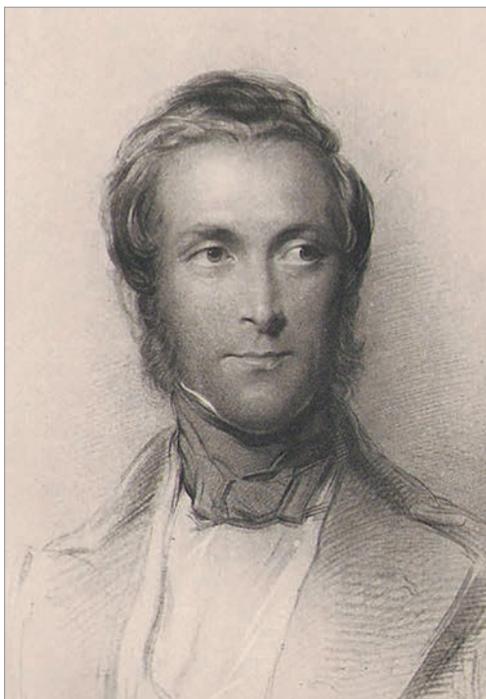
ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР (ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ)

Как это часто бывает в истории, немалое влияние на ход и направленность английской колониальной политики в Индии оказывал и личностный фактор. Коррупционированность и жестокость Р.Клайва или У.Гастингса уравновешивалась благотворными реформаторскими нововведениями У.Бентинка или централизаторскими усилиями Дж.Дальхузи.

Вспомним наиболее значимые гражданские преобразования 14-го по счету генерал-губернатора Индии (1828-1835 гг.) лорда Уильяма Бентинка: он привел в порядок финансы, ввел законодательный запрет на варварский обычай сжигания вдов - «сати» и очистил страну от секты вешателей-«тхагов». Его усилиями в 1835 году в Калькутте была открыта медицинская коллегия, а также введена свобода печати. Человек порядочный, он честно докладывал о злоупотреблениях и существующих проблемах. Своим знаменитым высказыванием 1834 года («Равнины Индии белеют костями ткачей») именно он впервые привлек внимание Лондона к тяжелым социальным последствиям масштабного проникновения на индийский рынок дешевых английских промышленных (прежде всего текстильных) товаров.

**Речь идет о членах и последователях просветительского общества «Брахмо Самадж», созданного Рам Мохан Роем в 1830 г.*

Главной исторической заслугой 20-го генерал-губернатора Индии (1848-1856 гг.) первого маркиза Джеймса Дальхузи стала проведенная им централизация прежде раздробленной Индии, по итогам которой были фактически окончательно сформированы ее современные границы и административное деление. При нем были проложены первые в Южной Азии железные дороги, учреждены дешевая почта, электрический телеграф и пароходное сообщение с Англией через Красное море, создана сеть межрегиональных хоросительных каналов

*Генерал-губернатор Индии Джеймс Дальхузи
(1848-1856 гг.)*

(в частности, Гангский канал); наконец, был достроен и модернизирован проходивший по северной части индийского субконтинента древний «Великий колесный путь». Вслед за своим предшественником У.Бентинком он активно боролся против убийства девочек и человеческих жертвоприношений.

Подводить окончательные итоги британской колониальной политики в Индии по-прежнему представляется преждевременным: начатая англичанами всеобъемлющая трансформация индийской социально-экономической и цивилизационной матрицы все еще не завершена. Внедрение структурообразующего и юридически

защищенного частнособственнического уклада, хотя и стало своего рода первой революцией во всей многотысячелетней истории Индии, не обеспечило тем не менее полномасштабную системную модернизацию численно довлеющей традиционной деревенской общины и не сломало освященные индуизмом кастовые перегородки.

Запущенный англичанами процесс преодоления многовековой региональной раздробленности и синтеза единого централизованного пространства, основанного на принципах правового государства, в целом дал позитивные результаты. Однозначно успешным следует считать создание ориентированной на синтетические ценности новой индийской элиты, национальной буржуазии и растущего среднего класса. Не беда, что потенциально реформаторская часть общества все еще составляет абсолютное меньшинство, преобразования никогда и не требуют сознательную включенность в них широких слоев населения.

Другое дело - сохраняющаяся инерционность массового мышления, способная периодически блокировать любые чуждые исконным ценностям начинания. С этой точки зрения сохранение, казалось бы, выпадающих из современности кастовых перегородок представляется скорее фактором оправданным и стабилизирующим, ведь принадлежащим преимущественно к высшим кастам политикам так было легче вести страну по пути модернизации, опираясь на свой особый статус, неизменно сплывающий под их началом простолюдинов. Права была королева Виктория, когда в 1858 году обещала со вниманием отнестись к существованию в Индии традиционной кастовой системы...

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В АФГАНСКИЕ ДЕЛА В КОНЦЕ 1880-х ГОДОВ

Никита Ищенко

*В дела страны этой можно вмешаться не на риск,
а лишь на основании зрело обдуманного плана,
в котором должны быть предусмотрены
и все последствия¹.*

*И.А.Зиновьев**,
директор Азиатского департамента
МИД Российской империи

АКТИВНОЕ продвижение Российской империи на юг в XIX веке сблизило ее границы с рубежами британских владений в Индии. Завоевания России в Средней Азии вызывали крайнюю обеспокоенность англичан, видевших в каждом шаге русского солдата в южном направлении посягательство на «жемчужину британской короны». Встреча двух европейских империй на границах Афганистана зародила противостояние, которое вошло в историю под названием «Большая игра»**.

Никита Ищенко - атташе Второго департамента Азии МИД России.

**В 1883-1891 гг. И.А.Зиновьев занимал должность директора Азиатского департамента МИД. В 1881 г. успешно вел переговоры с персидским правительством по разграничению между Персией и Российской империей. В 1887 г. подписал русско-английский протокол по определению северо-западной границы Афганистана. В 1891-1897 гг. - посол в Стокгольме, в 1897-1909 гг. - посол в Константинополе.*

***Название «Большая игра» дано английским офицером А.Колли, погибшим в 1842 г. в бухарском плену. Широкою известность термин приобрел благодаря роману Р.Киплинга «Ким».*

В конце 80-х годов XIX века хрупкое геополитическое равновесие едва не пошатнулось из-за адресованных русскому правительству предложений афганских и белуджских ханов принять участие во внутренних делах управляемых ими территорий, входивших в сферу влияния Англии.

Наиболее значимое обращение за помощью к России последовало от двоюродного брата афганского эмира Абдурахман-хана, правителя Северного Афганистана (Чарвелаята) по имени Исхак-хан, восставшего в 1888 году против центральной власти в Кабуле. «Большое туркестанское несчастье»² - так назвал эти события кабульский эмир. Исхак-хан предлагал включить в состав Российской империи подвластные ему земли и принять русское подданство.

Первая в истории попытка одной из сторон внутриафганского конфликта заручиться поддержкой России и тем самым втянуть северного соседа в афганскую усобицу не удалась. Часть правительства Александра III была прельщена предложением новых территориальных приобретений, но здравый смысл восторжествовал. Чего нельзя сказать о событиях 1979 года, когда СССР, получив подобное обращение Кабула, все же вступил в афганский конфликт.

Источником для настоящего исследования являются материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот: переписка русских дипломатов, военных и чиновников, непосредственно участвовавших в рассматриваемых событиях. Нельзя также оставить без внимания и автобиографию Абдурахман-хана под названием «Венец истории», в которой эмир дает свою, хотя и весьма субъективную, оценку значительному периоду своего правления.

Принимая во внимание очевидную важность данного политического эпизода и его возможное влияние на дальнейшее противостояние России и Великобритании, было бы интересно узнать, как британские власти рассматривали и реагировали на эти события. К сожалению, в исследованных материалах

АВПРИ такой информации нет. Здесь же мы сосредоточимся на характеристике действий русской власти, дипломатов и военных, а также на отношении императора Александра III к идее участия России в афганской смуте.

Начало русской экспансии в Средней Азии было положено еще в 1801 году императором Павлом I, когда, в соответствии с идеей осуществления совместного с Наполеоном похода, русское войско выдвинулось в направлении Индии. Как известно, поход этот закончился, едва успев начаться, однако сама мысль о возможном завоевании русскими главной английской колонии вызывала серьезную озабоченность в Лондоне.

С расширением своих владений на Индостане к началу XIX века Великобритания вплотную подошла к границам владений афганцев, лишь недавно (в 1747 г.) впервые образовавших независимое государство.

Его правители обеспечивали устойчивость центральной власти во многом за счет грабительских походов в Северную Индию, завоевывая лояльность местной знати раздачей награбленного, в том числе земельных наделов, ханам многочисленных пуштунских племен, которые и в современном Афганистане являются определяющим фактором политической системы государства³.

Опасаясь возможных экономических убытков Ост-Индской компании*, а также для противодействия усилению Афганистана британцы различными способами начали вмешиваться во внутренние дела своего нового соседа. В результате в 1801 году шах Заман, внук первого афганского правителя Ахмад-шаха Дуррани, был убит, в стране началась смута, ожесточенная борьба за власть, в которой Англия играла не последнюю роль. Смена правящего клана, всевозрастающее давление на Афганистан со стороны Англии и как итог - Первая (1838-1842 гг.), а затем Вторая (1878-1880 гг.) англо-афганские войны, окончившиеся

**Основанная в 1600 г. Британская Ост-Индская компания была упразднена в 1874 г.*

военным поражением британцев, но в политическом контексте приведшие к установлению в Афганистане протектората Великобритании.

После того как Российская империя распространила свою власть на Бухарский эмират (1868 г.), Хивинское (1873 г.) и Кокандское (1876 г.) ханства, а также после окончательного усмирения туркменских племен взятием Мерва (1884 г.) русские и афганцы стали соседями, а Афганистан - буфером между двумя империями.

В среде британской элиты существовало мнение об Афганистане и афганцах, выраженное участником Второй англо-афганской войны Г.Беллью в 1880 году: «Он [афганец] имеет свои достоинства и недостатки, и, на наш взгляд, второе сильно преобладает над первым. Он не способен управлять ни самим собой, ни другими и, к сожалению, нуждается в хозяине. Если мы не возьмем эту роль на себя, это сделает Россия»⁴.

Начало 80-х годов XIX века для России, Великобритании и Афганистана ознаменовалось обновлением политического руководства: в 1881 году в России на престол взошел Александр III (1881-1894 гг.), британский кабинет в 1880 году возглавил представитель либеральной партии У.Гладстон (1868-1874; 1880-1885; 1886; 1892-1894 гг.), а к власти в Кабуле в 1880 году пришел эмир Абдуррахман-хан.

Русский политический агент в Бухаре Н.В.Чарыков* описывает последствия смены власти в Великобритании следующим образом: «Либералы, как известно, круто отказались от «spirited policy», то есть активной внешней политики предшествовавшего консервативного кабинета. Вместо того чтобы продолжать наступление в сторону Туркестана, устанавливать в ущерб афганцам «научную границу» и присоединять Кандагар, министерство

**Н.В.Чарыков (1855-1930 гг.) после службы в Средней Азии занимал должности в посольствах в Болгарии, Германии и при Святом престоле Папы Римского. Был чрезвычайным посланником в Сербии (1900-1905 гг.), Чрезвычайным и Полномочным Послом в Голландии (1905-1908 гг.) и Константинополе (1909-1912 гг.). В 1908-1909 гг. занимал пост товарища (заместителя) министра иностранных дел.*

Гладстона, напротив, решило вернуться к системе мира и дружбы в Азии и распорядилось безотлагательно вывести английские войска из Афганистана»⁵.

Однако некоторые территории на юге страны, приобретенные по итогам войны с афганцами, британцы не вернули афганскому эмиру⁶, а «система мира и дружбы в Азии» была нарушена в 1885 году, если не считать Третью англо-бирманскую войну (1885-1887 гг.), еще одним инцидентом - вооруженным столкновением афганцев под руководством британских командиров с русскими на реке Кушке. По итогам этого инцидента было подписано Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении афганских владений⁷. Предмет спора между афганцами и русскими - туркменский оазис Пандждех⁸ вошел в состав России, и вплоть до распада СССР основанная в его пределах крепость Кушка оставалась самым южным населенным пунктом государства.

Положение доставшейся в 1880 году в управление Абдуррахман-хану страны, только что пережившей войну с Британией и испытывавшей на себе всю тяжесть политической неопределенности, административного хаоса и экономического упадка, которые непременно следуют за вооруженными конфликтами в этом разрозненном государстве, где ни один из знатных ханов никогда не уступит и малой доли своей власти для поддержания центростремительных сил, наиболее красноречиво описывает сам кабульский эмир: «Слабость власти афганского государя была настолько велика, что всякий раз один правитель, отъехав на несколько фарсах* от столицы, по своем возвращении обнаруживал правителем кого-то другого, и ничего больше ему не оставалось, как бежать»⁹.

Афганский эмир был лишен возможности вести независимую внешнюю политику, взамен он получал свободу действий во внутренних делах, а также денежную субсидию от британского пра-

*Фарсах (перс. - فرسخ) - персидская мера длины. Среднеазиатский фарсах в XIX в. составлял около 8 верст, или 8534,25 м.

вительства¹⁰. Министр иностранных дел Н.К.Гирс (1882-1895 гг.) отмечал, что Абдуррахман-хан «может держаться в Афганистане благодаря лишь выдаваемой ему английским правительством субсидии, а для обеспечения себя этой субсидией он должен был обязаться воздерживаться от каких бы то ни было внешних сношений помимо Англии», но при этом «афганскими властями тщательно принимаются меры к предупреждению столкновений с нами»¹¹. Н.В.Чарыков в своих донесениях подчеркивал, что «отношения самого Абдуррахман-хана к русским не давали повода к неудовольствиям»¹².

После того, как Абдуррахман-хан в 1880 году покинул пределы русских владений в Средней Азии, где подобно своему предшественнику Шер Али-хану и многим другим опальным афганцам после него жил в изгнании вместе со своими сыновьями Насрулла-ханом и Хабибулла-ханом, будущим эмиром Афганистана, он утверждает свое право на кабульский престол и начинает вести ожесточенную борьбу за власть на всей территории страны. Мятежи против эмира в разных частях государства будут вспыхивать практически в течение всего правления Абдуррахман-хана.

Степень твердости русского правительства в его нежелании вмешиваться в афганские дела испытал в середине 1880-х годов прибывший осенью 1885 года в Мешхед в качестве корреспондента газеты «Новое время» Н.А.Нотович*, авантюрист, чьи приключения достойны отдельного повествования. Не имея на то никаких полномочий правительства, Н.А.Нотович, помимо прочего, вел переписку с ханом Герата, тайно встречался с его посланником, который от имени гератского правителя предлагал русским как можно скорее занять этот город. За помощь в этом хан просил утвердить его наследственным правителем Герата и вознаграждение в 100 тыс. рублей¹³.

**Н.А.Нотович наиболее широко известен как автор книги «Неизвестная жизнь Иисуса Христа» («Тибетское Евангелие»), якобы содержащей ранние проповеди Иисуса и предполагающей, что Иисус от 12 до 30 лет жил в Индии.*

Русские официальные лица категорически отвергали подобные инициативы, которые могли бы поставить под сомнение мирное расположение русских по отношению к Афганистану. Так, посланник в Тегеране А.А.Мельников сделал Н.А.Нотовичу «весьма внушительное замечание по поводу его мешхедских походов»¹⁴.

Используя свои контакты с ханом Калата* Н.А.Нотович привез из Белуджистана письмо на персидском языке, написанное по поручению хана, на имя «знаменитейшего, славнейшего, благороднейшего, величайшего визиря царя царей, убежища мира, самодержца всероссийского, освободителя всех мусульман Азии от тирании и притеснений»¹⁵, то есть на имя первого министра, в котором от имени белуджского правителя выражался призыв к русским властям противостоять англичанам в Белуджистане и даже в Северной Индии.

Вышеупомянутое послание начинается такими словами: «С давних пор Калат и весь народ ожидают появления войска русского императора, шахиншаха, убежища мира, которые придут с тем, чтобы освободить Индию от владычества англичан, которые терзают мусульман. Полагаясь на Всевышнего и уповая на то, что Россия делается нашей соседкой, мы постоянно возносим молитвы наши к Престолу Творца вселенной о прибытии русских войск»¹⁶.

Вероятно, именно результатом действий Н.А.Нотовича в Белуджистане стало посольство белуджских ханов, прибывшее в июле 1888 года через Мешхед в Ашхабад. Четыре старейшины белуджских племен надеялись получить от русских военную помощь для открытого сопротивления усилившемуся после Второй англо-афганской войны влиянию англичан в Белуджистане, а также для борьбы с враждебными белуджскими племенами¹⁷, подпавшими под влияние Великобритании. Однако их просьба была отклонена, и ханы, снабженные в Ашхабаде деньгами и подарками, отправились домой.

*Калат - город в пакистанской провинции Белуджистан.

В отличие от Белуджистана, который не имел общих границ с Россией, Чарвелят граничил с Бухарским эмиратом по реке Амударье, и связи населения по обоим берегам этой реки были весьма интенсивными. Сам Исхак-хан, проживший в изгнании в Самарканде вместе с Абдуррахман-ханом десять лет (1870-1880 гг.), поддерживал регулярные контакты с русской администрацией Средней Азии¹⁸. В мае 1888 года в Самарканде с позволения русских властей обосновался родственник Исхак-хана Ахмад-хан, через которого правитель Северного Афганистана вел переписку с русскими.

Начальник военного гарнизона в городе Керки* В.В.Христиани непрерывно докладывал о прибытии к нему посланников губернатора Чарвелята. От одного из них 18 июня 1888 года, в день начала восстания, В.В.Христиани получил известие об отложении Исхак-хана и желании объявить самостоятельным весь Северный Афганистан, а также о его намерении просить русского подданства¹⁹. Исхак-хан отказался повиноваться эмиру Кабула и решил вести войну против него, полагая при этом «действовать от имени русского царя»²⁰.

Поводом к восстанию послужил вызов эмиром Абдуррахман-ханом в Кабул 15 чарвелятских начальников, а также самого Исхак-хана²¹, которых в столице ожидала неминуемая смерть.

Пользуясь возмущением узбекского большинства Чарвелята, вызванным колонизацией провинции пуштунской знатью, сопровождавшейся увеличением налогов, а также естественным тяготением туземцев к своим соплеменникам, проживавшим в Бухаре, будучи сам пуштунским ханом, двоюродный брат кабульского эмира сумел завоевать расположение местных жителей. Не желая подчиняться воле судьбы и смиренно принять смерть в столице, Исхак-хан избирает последнее средство борьбы - обращение к русским, чей авторитет в глазах населения Средней Азии значительно вырос после победы при Кушке²².

*Керки (с 1999 г. - Атамурат) - город в современном Туркменистане.

11 августа в Керки прибыл другой гонец Исхак-хана - Гулям Кадыр-хан с большой свитой, подарками, а также письмами к русскому императору и генерал-губернатору Туркестана Н.О.Розенбаху. Этому посланцу было поручено просить помощи оружием, патронами и посылкой русских войск в Северный Афганистан.

Н.В.Чарыков писал в Петербург: «Афганцы и узбеки Чарвелаята поклялись поддерживать Исхак-хана, надеясь через него заменить господство Абдуррахман-хана господством русских»²³. Сообщалось также о том, что враждебные Абдуррахману жители горных провинций, разделяющих Кабул и Чарвелаят, приняли сторону мятежного правителя. Ходили слухи о том, что он получил предложения поддержки из Герата, которые, однако, впоследствии не подтвердились. Правитель Северного Афганистана готовился к боевым действиям, взимал с торговцев 100 тыс. рупий на военные расходы, стал титуловаться эмиром, чеканить свою монету.

Н.В.Чарыков выделял две основные причины обращения Исхак-хана за помощью к русскому правительству: политическую - возможность стать автономным правителем провинции под покровительством Российской империи, и социально-экономическую - возбуждая в населении Чарвелаята надежду на получение покровительства русского царя, «Исхак-хан затрагивает самую чувствительную сторону жизни местных узбеков и, вероятно, даже афганцев, которые испытывают на себе тяжесть произвола и жестокости нынешнего эмира. Нет сомнений, что безопасность, мир, порядок и материальное благосостояние, которые господствуют в русских среднеазиатских владениях и с коими афганцы за последнее время все ближе знакомятся, должны казаться жителям Чарвелаята чрезвычайно привлекательными и что ради достижения подобного результата туземное население готово поддержать Исхак-хана против эмира Абдуррахмана»²⁴.

Генерал-губернатор Туркестана Н.О.Розенбах в телеграмме военному министру П.С.Ванновскому описывает подняв-

шиеся в приграничных с Афганистаном районах волнения: «Возбуждение умов пограничного населения чрезвычайное, может распространиться на Бухарское ханство. Необходимо категорическое объявление туземцам со стороны Русского Правительства, что оно в распрю афганцев между собою не вмешивается, и если кто-нибудь нарушит порядок по эту сторону афганской границы, то виновный подвергнется строжайшему наказанию»²⁵.

Появились сообщения о грабежах бухарских жителей «шайками афганцев», появившихся у Босаги*, в связи с чем начальник керкинского гарнизона В.В.Христиани просил направить ему скорейшие указания, оказывать ли ему помощь и защиту бухарским жителям в случае нападения на них афганцев. Опасения высказывались также начальником Закаспийской области генералом А.В.Комаровым.

Градус напряженности дошел до того, что генерал-губернатор Туркестана и начальник Закаспийской области обратились к военному министру с просьбой увеличить русское военное присутствие в Керки и Пяндже** «ввиду необходимости принять надежные меры к обеспечению безопасности наших границ»²⁶ в случае, если бы события в Чарвеляте вызвали волнение среди местного населения.

Н.О.Розенбах сообщал о необходимости объявить от лица русского правительства, что оно не будет участвовать во внутриафганском конфликте, «чтобы туземцам, а именно афганским туркменам, которые, не чувствуя над собою твердой власти, могут произвести грабежи на левом берегу Амударьи, в районе занятом русскими войсками», но «будет подвергать строгому наказанию нарушителей порядка по сю сторону афганской границы»²⁷.

Н.В.Чарыков полагал, что участие в конфликте Бухарского правительства будет расцениваться и афганцами, и

*Босага - село на узбекско-афганской границе.

**Пяндж - город в Таджикистане на берегу одноименной реки.

англичанами как вмешательство русских. Дипломат принял решение «доверительно и дружественно, но категорически»²⁸ обратиться к бухарскому эмиру Сеид-Абдул Ахад-хану (1885-1910 гг.) с тем, чтобы тот ни в коем случае не вмешивался в афганские дела.

Отношение последнего к возможному военному конфликту в Афганистане, как пишет Н.О.Розенбах Александру III, «определяется не только сознанием необходимости подчиняться воле императорского правительства, но и надеждой с помощью России вернуть себе Балхскую провинцию* Северного Афганистана, находившуюся еще в первой половине текущего столетия в зависимости от Бухары»²⁹.

Представляет интерес хранящийся в АВПРИ «Журнал Особого совещания для обсуждения вопросов, связанных с событиями в Афганистане», которое состоялось 29 августа 1888 года. Этот документ обнаруживает расхождение между военными и дипломатами во взглядах на то, как следует вести себя русскому правительству в сложившейся ситуации. В заседании приняли участие министр иностранных дел Н.К.Гирс, военный министр П.С.Ванновский, исправляющий должность начальника Главного штаба генерал-лейтенант Ф.К.Величко, начальник Азиатского департамента МИД тайный советник И.А.Зиновьев, заведующий азиатской частью Главного штаба генерал-майор Л.Ф.Костенко и полковник К.В.Церпицкий. Все представители военного ведомства хорошо знали Среднюю Азию, стали участниками туркестанских походов разных лет.

Собравшиеся были единодушны в необходимости удовлетворить просьбы Н.О.Розенбаха и А.В.Комарова: усилить гарнизон в городе Керки батальоном из Самарканда и сосредоточить военный отряд в Пяндже на случай волнений; объявить местному населению Бухары о решительном невмешательстве

**Область на севере Афганистана со столицей в Мазари-Шарифе, населенная преимущественно узбеками.*

русских в распри в Афганистане (в соответствии с предложением П.С.Ванновского, было решено сделать это объявление от лица генерал-губернатора Туркестана). Предметом спора стал вопрос о русском участии в афганском конфликте в той или иной форме.

Признавая необходимость воздержаться от полного исполнения просьб Исхак-хана, П.С.Ванновский тем не менее считал необходимым «воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы ослабить Афганистан» и наказать эмира, «вполне поддавшегося влиянию Англии»³⁰. Для этого предлагалось оказать Исхак-хану помощь «негласной уступкой ему безвозмездно на каком-либо пункте границы Чарвеляята нескольких тысяч ружей с достаточным количеством патронов»³¹.

Военный министр полагал, что отказ от помощи Исхак-хану был бы воспринят им лично и населением Чарвеляята как проявление страха вызвать против себя недовольство англичан, что повредило бы «обаянию» русских в глазах местного населения. Поддержка Исхак-хана представлялась ему полезной для исправления «существующего неблагоприятного для нас порядка вещей в Афганистане»³².

Необходимо отметить, что П.С.Ванновский и впоследствии не изменил своей позиции по данному вопросу. В октябре 1888 года в Петербурге состоялась встреча военного министра с Н.О.Розенбахом, которую П.С.Ванновский начал словами: «Напрасно Вы не дали ружья Исхак-хану»³³, а в продолжение длительного разговора, как сообщает Н.О.Розенбах, «не было и намека на выражение мне какого-либо одобрения за мою деятельность в Туркестанском крае»³⁴.

Негласная помощь оружием, по мнению военных, должна была служить «основной нашей цели в Азии - ослаблению английского влияния и увеличению нашего» и «показать узбекам, что мы не бросаем совершенно на произвол судьбы приверженное нам население»³⁵.

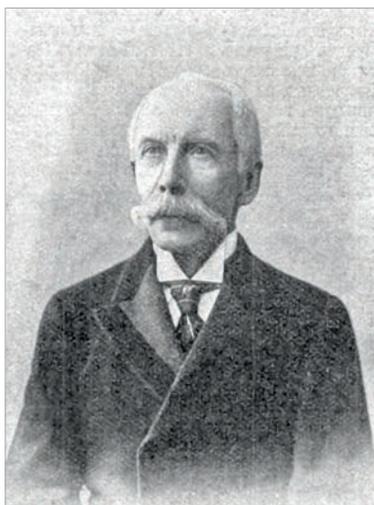
Н.К.Гирс возражал, что помощь Исхак-хану могла быть оправдана, только если бы ему удалось отстоять свою неза-

висимость: «Успех предприятия правителя Чарвелаята весьма сомнителен», а «в случае его возможного поражения мы вынуждены будем отказать ему в дальнейшей помощи, а такой оборот дела не только не поднимет нашего обаяния, но, напротив того, скомпрометирует нас в глазах соседних населений»³⁶.

И.А.Зиновьев на заседании Особого собрания описал картину событий в Афганистане так: «Самое предприятие Исхак-хана объясняется его безвыходным положением. Он знает, что в Кабуле, куда он вызван эмиром, его ожидает смерть и что ввиду этого ему остается выбрать между открытым восстанием и бегством. Весьма понятно, что, прежде нежели прибегнуть к последнему средству, он хочет попытаться счастья, но едва ли было бы осторожно ставить политику императорского правительства в зависимость от личных расчетов и удобств афганского предводителя, о котором мы имеем лишь крайне недостаточные сведения. Нам ничего неизвестно, между прочим, ни о средствах, коими правитель Чарвелаята располагает на случай борьбы с эмиром, ни о том, насколько он пользуется доверием и сочувствием населения управляемой им области»³⁷.

Николай Карлович Гирс

*Иван Алексеевич Зиновьев,
фотопортрет 1901 года*

Директор Азиатского департамента МИД подчеркивал опасность попадания оружия в руки враждебных России сил в случае поражения Исхак-хана. Также дипломат отмечал, что в случае вступления России в конфликт дело может не обойтись одной негласной уступкой оружия: «Мы сами, ради поддержания нашего обаяния, легко можем быть поставлены в необходимость оказать Исхак-хану более действительное содействие... и таким образом вовлечены будем в политические осложнения, которые, пожалуй, окажутся несвоевременными»³⁸. К тому же И.А.Зиновьев считал положение России в Средней Азии достаточно прочным для того, чтобы «грозить Англии»: «Если только наступит минута, когда признано будет необходимым изменить настоящие отношения, то от нас самих будет зависеть дать делу желаемый оборот»³⁹.

Восстание Исхак-хана окончилось поражением, и 24 сентября 1888 года он с сыном Исмаил-ханом бежит в Самарканд, где будет жить до самой смерти в 1909 году. Двое его сторонников из числа афганских беков и до полутора тысяч жителей Чарвеляята бежали на территорию Бухары, где им было позволено остаться «под условием жить мирно, воздерживаться от всяких происков»⁴⁰.

Представители русской администрации в Средней Азии с самого начала конфликта придерживались осторожной линии. На первое предложение со стороны Исхак-хана поддержать восставших начальник военного гарнизона города Керки В.В.Христиани ответил так: «Чтобы они на помощь русских войск не рассчитывали, что нам дела нет до их домашних ссор и что Россия в увеличении своей территории не нуждается»⁴¹. На депеше Н.В.Чарыкова, в которой дословно передавался ответ В.В.Христиани, Александр III собственноручно написал: «Пусть себе, нам действительно «никакого дела до этого нет»⁴².

Во время доклада министра иностранных дел Н.К.Гирса императору об отложении Исхак-хана и его намерении решить вопрос «русским именем» император одобрил действия

В.В.Христиани и данный Н.В.Чарыковым бухарскому правительству совет не вмешиваться ни под каким предлогом в афганские дела. Александр III поручил сообщить генерал-губернатору Туркестана, что «ввиду готовящихся в Афганистане событий императорское правительство должно занять выжидательное положение, всего лучше обеспечивающее нашу свободу действий в будущем»⁴³.

На обращение Гулам Кадыр-хана император просил передать Исхак-хану следующее: «Мы не считаем возможным принимать какое бы то ни было участие в его рискованном предприятии, в своевременности коего мы отчасти сомневаемся»⁴⁴.

В политическом отношении власть Российской империи в Средней Азии к 1888 году хоть и стала более прочной, но все же русская администрация небезосновательно опасалась волнений. Экономическая выгода торговых сношений с Россией и относительное для Средней Азии материальное благополучие Бухары сглаживали противоречия, но любая дестабилизация могла побудить местное население к восстанию.

Заслуживает внимания донесение служившего русским властям разведчика о прошедшем на базаре Бухары за несколько дней до получения известий об отложении Исхак-хана слухе о том, что между русскими и афганцами возле Керки произошло сражение, в котором русские потеряли 200 человек убитыми и ранеными. Сообщалось, что «по получении в городе этого известия некоторые бухарцы стали покупать оружие, говоря, что если афганцам удастся получить перевес над русскими, то и они, бухарцы, попытают счастья против русских»⁴⁵. Подобное положение дел характеризует неустойчивость русской власти в Средней Азии в глазах местных жителей. Совершенно естественно, что в таких условиях Александром III принималась во внимание вероятность получить удар в спину.

Осложнения в Чарвелаяте представлялись крайне несвоевременными для русских интересов в регионе - в первую очередь неудобства затрагивали торгово-экономическую

сферу. Состояние казны Российской империи после окончания Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, последовавшее увеличение иностранных займов - факторы отнюдь не благоприятствовавшие ведению войны с Великобританией, располагавшей куда большими средствами на военные расходы.

Сразу после столкновения на Кушке в 1885 году английский Парламент одобрил выделение 11 млн. фунтов на укрепление позиций Великобритании, в том числе и в Средней Азии. Сам премьер-министр У.Гладстон охарактеризовал это парламентское слушание как «самое крупное голосование по кредиту за последние 17 лет со времен Крымской войны»⁴⁶.

Англичане также имели возможность нести бóльшие расходы на содержание своих агентов. Русский генеральный консул в Мешхеде П.М.Власов сразу после открытия консульства в 1889 году докладывает в Санкт-Петербург: «За минимальную норму содержания, здесь сколько-нибудь приличного для русского агента, я признал содержание в 1000 рублей золотом в год, что составляет лишь половину содержания, получаемого нештатными агентами-мусульманами великобританского генерального консульства в Хоросане»⁴⁷.

Что касается приграничной русско-афганской торговли, Исхак-хан сразу после разрыва с эмиром Кабула, чтобы как-то расположить к себе русских, открыто разрешил свободный ввоз товаров русских купцов в Чарвелят⁴⁸, чего до этого не происходило. Однако, по словам Н.В.Чарыкова, русские товары и раньше беспрепятственно проникали в Чарвелят посредством афганских и бухарских торговцев. Русские подданные, купцы, торговали и в Кабуле.

В исследованной дипломатической переписке высоко оценивается значение Закаспийской железной дороги, которая в 1888 году после ее соединения с Самаркандом начала приносить доход и для повышения экономических результатов работы которой необходим был мир. Н.О.Розенбах в своем всеподданнейшем отчете царю от того же года отмечает, что «железная дорога и соседство русских сильно подвинули рус-

скую торговлю в Северном Афганистане и положили начало непосредственным доверчивым отношениям между русскими и афганцами»⁴⁹.

Помимо развития железной дороги, большое значение имело установление речного сообщения на Амударье, куда была переведена некоторая часть упраздненной в 1883 году Аральской флотилии. О необходимости учреждения такого пароходства в первом же своем письме после коронации в 1883 году пишет бухарскому эмиру Музаффар-хану сам император Александр III, подчеркивая, что «выгоды этого пути для обоюдной торговли уже давно были оценены русскими подданными, имеющими коммерческие интересы в Бухаре и Хиве»⁵⁰.

Воцарившаяся после восстания Исхак-хана в Чарвеляйте анархия, по сообщению Н.О.Розенбаха, затруднила и замедлила пограничные сношения и русскую торговлю. Однако вооруженный конфликт полностью остановил бы ее как в Северном Афганистане, так и на приграничной территории Бухарского эмирата.

Важно и то, что в 80-х годах XIX века, несмотря на продолжавшееся соперничество не только в регионе, но и мире, Россия и Англия вели активную работу по определению северной границы Афганистана, а по сути - границы сфер влияния Российской империи и Великобритании⁵¹.

Военный вопрос при этом не терял своей актуальности и поднимался в прессе обеих стран. Битва при Кушке 1885 года еще была свежа в памяти, равно как и Русско-турецкая война 1877-1878 годов, принесящая немало трудностей российским финансам, ставшая одной из причин общественного недовольства, результатом которого было убийство Александра II. Такие шаги русских властей, как поддержка восстания Исхак-хана, положительный ответ на воззвание белуджских ханов и тем более военный поход на Герат - «ключ к Индии», - нарушили бы статус-кво, свели бы на нет дипломатические усилия по недопущению большой войны между Россией и Англией.

Некоторым деятелям, прежде всего представителям военного ведомства, отражавшим, как писали советские историки, «точку зрения агрессивно настроенных военно-феодалных кругов России»⁵², участие в политических распрях в Афганистане представлялось оправданным. С его помощью предполагалось если не увеличить русские владения в Средней Азии, то, по крайней мере, побороться с англичанами руками афганцев. Однако возможные негативные последствия - упадок торговли, еще большие финансовые осложнения, усугубление политической неустойчивости России в Средней Азии, а также отсутствие безоговорочной уверенности в положительном исходе борьбы мятежного правителя Чарвелята с Абдуррахман-ханом - заставляли придерживаться более сдержанной политики. Наконец, поддержка двоюродного брата эмира, предлагавшего включение своих территорий в состав Российской империи, вполне могла трактоваться как нарушение соглашения об афганском разграничении от 1885 года, что делало возможным начало военного конфликта с Англией.

Из дипломатической переписки о мятеже правителя Чарвелята и по другим делам того же периода можно также сделать вывод о том, как отличалась позиция той или иной части жителей Афганистана по отношению к власти русских и англичан уже в 80-х годах XIX века: от лояльности преимущественно узбекского населения северной части страны к русским до условно проанглийской направленности жителей южных и восточных пределов афганского государства и часто отмечающихся в донесениях разведчиков антирусских настроений туркмен⁵³. Влияние этнического фактора в отношении афганского населения к России, а затем СССР, с одной стороны, и к Англии, а впоследствии и к США - с другой, в разной степени остается актуальным по сей день.

В целом восстание Исхак-хана в русской истории - это еще один характерный для внешней политики царя-миротворца Александра III пример «невмешательства», которое почти на

90 лет отсрочило появление русских войск в Афганистане. Русский император сдержал слово, которое было закреплено в договорах между Россией и Великобританией по афганскому вопросу - не оказывать влияния на это среднеазиатское государство, чего всегда так боялись в Лондоне.

¹АВПРИ. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 696 (Обращение Исхак-хана к русскому правительству). Л. 72.

²*Абдурахман-хан*. Тадж ат-таварих. Бомбей, 1904. С. 231.

³Российский исследователь национального вопроса в Афганистане Ю.П.Лалетин отмечает, что сохранение афганским государством черт союза племен послужило предпосылкой воздействию племенной структуры на государство, что повлияло, в свою очередь, на политическую фрагментацию Афганистана. *Лалетин Ю.В.* Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии. М., 2008. С. 82-83.

⁴*Bellew H.W.* The Races of Afghanistan, being a brief account of the principal nations inhabiting that country. Calcutta, 1880. С. 55. «He has his virtues and he has his vices, and to our mind the latter overbalance the former very heavily. He is not fit to govern either himself or others, and sadly wants a master. If we don't take up that role, Russia will».

⁵*Чарыков Н.В.* Мирное завоевание Мерва (из воспоминаний о походе генерала А.В.Комарова 1885 г.) // Исторический вестник. 1914. №11. С. 512.

⁶АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1169 (Депеши посла и военного агента в Лондоне). Л. 91. Англичане оставили за собой часть Белуджистана, в частности ныне пакистанские города Чаман и Пишин. По сообщению русского военного агента в Лондоне А.П.Горлова, основанием такого шага британцы объявили то, что «Пишин не есть исконная земля афганцев, но населена чужими Афганистану племенами, присоединенными к нему лишь мечем».

⁷Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952. С. 264-266.

⁸Пандждех (в различных источниках также Пенде или Пенджде) - перс. «пять деревень» (پنج دره). В 1890 г. в окрестностях Пендинского оазиса была возведена крепость Кушка, ныне Серхетабад, самый южный город Туркменистана.

⁹*Абдурахман-хан*. Указ. соч. Бомбей, 1904. С. 196.

تختی اپ زا خسرف دن چ هاش داپ تقو هک دوب دایز ردق نیان اتسن اغفا تن طل س فعض
دیامن رارف هک نیان زج هب و دیدیم هاش داپ ار یرگی د تخج ارم تقو دوشیم چراخ دوخ
تشادن مراچ چی

¹⁰АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3063 (Донесения генерального консула в Мешхеде Власова). Л. 29. В своем отчете по Афганистану от 1890 г. генконсул

России в Мешхеде П.М.Власов так описал непростой характер взаимоотношений Абдуррахман-хана с англичанами: «Уплачивая ежегодно эмиру весьма крупную субсидию, Англия считает себя вправе требовать взамен таковой его к себе повиновения и влиять на ход не одних лишь внешних, но также и внутренних событий в Афганистане. Совершенно иначе, по видимому, смотрит на свои обязательства к Англии Абдуррахман-хан: за получаемую субсидию он считает себя обязанным, да и то лишь условно, если то не нарушает его собственных интересов, служить оплотом Англии против наступательных движений русских на Индию и никаких других обязательств признавать не хочет».

¹¹АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 69-70.

¹²Там же. Л. 17.

¹³Там же. Д. 1305 (По поводу поездки Нотовича в Мешхед). Л. 22.

¹⁴Там же. Л. 53.

¹⁵Там же. Л. 44.

¹⁶Там же.

¹⁷Там же. Д. 687 (О прибытии в Мешхед белуджских ханов). Л. 1.

¹⁸Там же. Д. 1271 (Донесения Чарькова). Л. 164. По сообщению Н.В.Чарькова, осенью 1885 г. «вновь посланный в Мазари-Шариф сведущий разведчик» лично встречался с Исхак-ханом.

¹⁹Там же. Д. 696. Л. 16.

²⁰Там же. Л. 19.

²¹Там же. Л. 14.

²²Там же. Л. 28. Из донесения Н.В.Чарькова от 11 мая 1885 г. о положении дел в Афганистане: «Ширабадский разведчик Мулла Заман доносит, что победа над афганцами на р. Кушке произвела в Северном Афганистане с Кундузом и Бадахшаном сильное впечатление и возбуждение в узбекском населении, которое надеется, в случае появления на берегах Амударьи небольшого русского отряда, выгнать афганцев и восстановить потомственных правителей или подчиниться русским. В народе открыто говорят, что с поражением афганцев на Кушке нанесено поражение и англичанам, так как они руководили и боем, и всеми делами...»

²³Там же. Д. 696. Л. 2.

²⁴Там же. Л. 15.

²⁵Там же. Л. 36.

²⁶Там же. Л. 66.

²⁷Там же. Л. 63-64.

²⁸Там же. Л. 17.

²⁹Там же. Д. 1262 (Всепопданнейшие доклады генерал-губернатора Туркестана). Л. 8.

³⁰Там же. Д. 696. Л. 67.

- ³¹Там же. Л. 67.
- ³²Там же. Л. 68.
- ³³Записки Н.А. фон-Рохенбаха // Русская старина. 1916. № 5. С. 214.
- ³⁴Там же.
- ³⁵АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 73.
- ³⁶Там же. Л. 69.
- ³⁷Там же. Л. 70.
- ³⁸Там же. Л. 71.
- ³⁹Там же.
- ⁴⁰Там же. Л. 74.
- ⁴¹Там же. Л. 18.
- ⁴²Там же. Л. 10.
- ⁴³Там же. Л. 61.
- ⁴⁴Там же. Л. 32.
- ⁴⁵Там же. Л. 16.
- ⁴⁶*Gladstone W.E.* Sudan and Afghanistan. The Vote of Credit. Speech delivered by The Right Hon. W.E.Gladstone, M.P., in The House of Commons, Monday, April 27, 1885. London. 1885. С. 11.
- ⁴⁷АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3046 (Об агентах Генерального консульства в Мешхеде). Л. 12.
- ⁴⁸Там же. Д. 696. Л. 4.
- ⁴⁹Там же. Д. 1262. Л. 30.
- ⁵⁰Там же. Д. 1311 (Об учреждении пароходства на Амударье). Л. 164.
- ⁵¹Там же. Д. 1169. Л. 201. Из донесения посла России в Лондоне Е.Е.Стааля от 11 февраля 1888 г.: «Вчера открылась Парламентская сессия 1888 года и тронная речь прочитана обычным порядком перед коммунами, собравшимися в Палате пэров, [в котором]... чуть ли не вступительная графа посвящается упоминанию о благополучном исходе предпринятого совместно с императорским правительством афганского разграничения и выражена надежда на устранение всяких дальнейших недоразумений между Россией и Англией по вопросу об Азиатских владениях сих двух держав».
- ⁵²*Н.А.Халфин.* Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и реакция русского царизма // Труды Среднеазиатского университета. Вып. 68. 1955. С. 117.
- ⁵³АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 696. Л. 73. П.С.Ванновский условно разделял жителей Афганистана на две группы по характеру их отношения к России: «Собственно афганцы, если не враждебны нам, то и не особенно привержены, узбеки же, населяющие Чарвелят, несомненно, преданы нам».

ПРОТИВОРЕЧАТ ЛИ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ РУССКО-КИТАЙСКИЕ ДОГОВОРЫ О ВХОЖДЕНИИ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ В СОСТАВ РОССИИ В XIX ВЕКЕ?

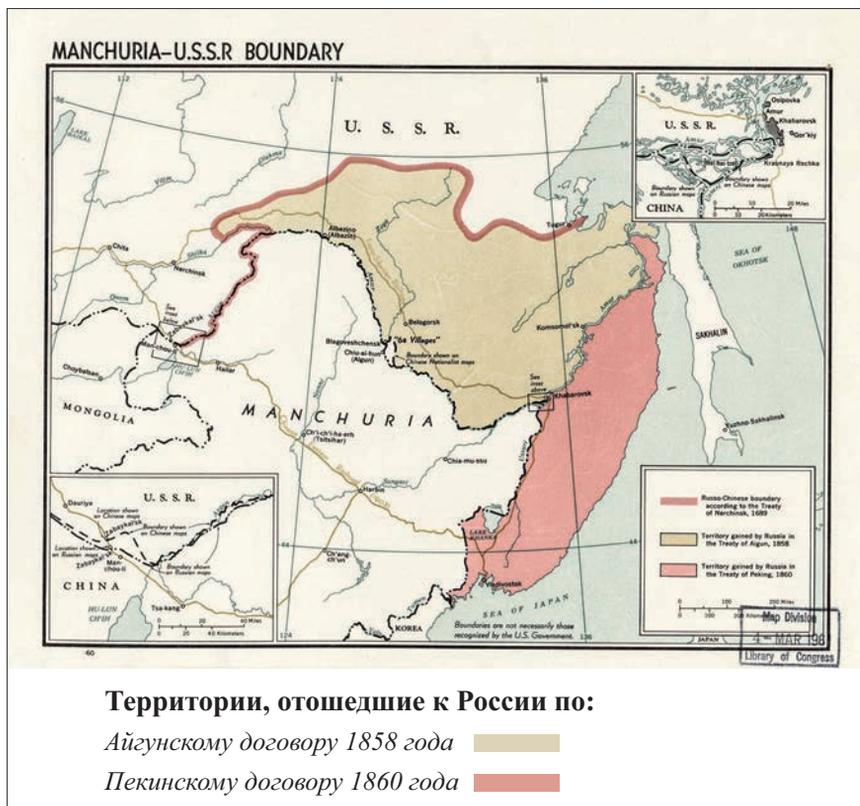
**К 160-ЛЕТИЮ АЙГУНСКОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ
РОССИЕЙ И КИТАЕМ 1858 г.**

Кирилл Черевко

8 ОКТЯБРЯ 1849 года Особый комитет принял решение организовать секретную экспедицию под руководством подполковника Генерального штаба Н.Г.Ахте (Агте) для того, чтобы, во-первых, точно установить направление хребта гор, идущего от Горбицы (северного притока Шилки) к востоку, «как являющегося границей с Китаем по Нерчинскому договору 1689 года», и, во-вторых, изучить не разграниченное по этому договору пространство «между рекой Удой и расположенным на юге от нее пограничным хребтом».

При этом генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев-Амурский решительно выступил против представленной Н.Г.Ахте в связи с его экспедицией 1852 года точки зрения МИД

Кирилл Черевко - доктор исторических наук.

России в лице графа К.В.Нессельроде о поисках границы юго-восточнее реки Уды.

22 апреля 1853 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев-Амурский доложил императору Николаю I о важности Амурской экспедиции выдающегося русского исследователя Дальнего Востока капитана II ранга Г.И.Невельского, который доказал в 1849 году мореходность входа в устье Амура, основал ряд постов в Приморье и, исходя из характера первого русско-китайского договора 1689 года, высказал мнение о «несомненных правах наших на реку Амур», а также дозволении в связи с этим сплава наших судов по Амуру с целью переброски в дальнейшем подкреплений русскому порту Петропавловску-

Камчатскому в период Крымской агрессивной войны Англии и Франции с 1853 года против России на Дальнем Востоке.

Император счел доводы докладчика основательными, повелел написать Пекинскому трибуналу внешних сношений о том, что, по существующим трактатам, граница от Горбицы должна идти до истоков Уды по хребту, до моря протяженному, с тем что «реки, текущие с этого хребта в южную сторону, должны состоять во владении Китайского государства, а реки, по всем прочим направлениям текущие с этого хребта, - во владении Российского государства, но так как на всем этом пространстве пограничные знаки не поставлены, то поэтому и приглашается китайское правительство прислать своих уполномоченных для постановления этих знаков ввиду разграничения пространства до моря, оставшегося до усмотрения не разграниченным».

Исполняя это повеление, Н.Н.Муравьев-Амурский задал вопрос: «Как возможно искать границу там, где ее по трактату нет?»¹

Действительно, по Нерчинскому договору, граница между двумя государствами была согласована по «первому камню» к северу от Амура по вершинам гор от истока Горбицы, «даже до моря протяженных», при оставлении неразграниченным пространства между рекой Удой и непоименованными ограниченными горами, которые до границы надлежат с добавлением в русском тексте договора слов о горах «до моря... близ Амура», обозначенных как пограничные, что не вызвало на переговорах возражения послов цинского Китая.

Включение этих слов в текст договора имело важное значение для определения самой южной границы неразграниченного Удского пространства как достигающего гор на левом берегу Амура, в отличие от его маньчжурского текста, вплоть до устья этой реки при ее впадении в море. В пользу этой точки зрения свидетельствует использование в качестве географических ориентиров государственной границы в XVII-XVIII веках вершин гор, образующих в данном случае в их западной части (Хинганшань), в отличие от восточной (Хинган-алинь), цепь или хребет, а также таких водных преград, как реки, озера или моря. Это

представляло собой обычную практику в международном праве новой и новейшей истории.

Однако, как справедливо аргументировал российский представитель, данные объекты с определенными собственными названиями вообще отсутствовали на местности при попытке их выявления.

Так, в маньчжурском тексте Нерчинского договора государственной границей в его сверенном официальном русском переводе назван Большой Хинган (позднее китайцы назвали его Внешним), в котором находятся истоки Горбицы, достигающий моря, а в латинском тексте маньчжурской стороны - вершины гор над устьем Горбицы, тянущиеся до моря, причем какого моря, Охотского или Восточного (позднее - Японского), не указывалось.

Эти географические ориентиры необходимо, с позиций международного права, указывать точно. Иначе возможны принципиальные расхождения в определении сторонами государственной границы между ними, приводящие к абсурду, как это имело место в данном случае, когда цинский Китай - вследствие вообще несоответствующих действительности географических представлений о пограничных горах - сделал Нерчинский договор в своей основной части, с этой точки зрения, ничтожным, превратив их фактически в неограниченное пространство, где уже с середины XIX века действовал принцип эффективной оккупации. Таковым со стороны цинского Китая при отсутствии ее фактически после сплава русских военных судов по Амуру в середине XIX века и учреждения в его низовьях и на морском побережье Уссурийского края (Приморья) военно-морских постов России стало левобережье Амура и Приморье в силу владения ими на основе права эффективной оккупации².

Является неверной точка зрения тех ученых, которые топоним «Большой Хинган» - неправильный перевод с маньчжурского нарицательных слов «большие (высокие) каменные горы» - пытались в русском переводе представить как якобы соответствующий собственному названию «Каменные горы». Он не является

«первым камнем» от левого берега Амура, по Нерчинскому договору. Написание в оригинальном русском тексте этого договора названия «Каменные горы» с прописной буквы как собственного названия не свидетельствует о том, что в действительности оно было таковым, так как в его оригинальном русском тексте все имена писались с прописной буквы³.

Подтверждением того, что границу предполагалось сторонами провести по «первому камню», является выраженное русскими послами 25 августа 1689 года предложение о проведении границы от Горбицы «по первым каменным горам [т. е., как выяснилось позднее, по цепи гор Олёкминский становик, Тукурингра, Соктахан, Джагды, Селемджинский хребет] и по вершинам сих гор... до моря протягнение [имеющих]» и 26 августа того же года, «чтобы быть границе от реки Горбицы с вершины прямо камнем до самого моря, который лежит подле реки Амур»⁴.

Обоснованием этих слов служит изображение гор, тянувшихся на восток к морю, на русской карте воеводы А.И.Бейтона 1684 года, который руководил тогда обороной города Албазина от вооруженных отрядов Китая, превосходящих по силе русские.

Несмотря на расхождения с Н.Н.Муравьевым, выразившим точку зрения экспедиции Г.И.Невельского по вопросу о границе к югу от реки Уда, в 1849-1852 годах экспедиция Н.Г.Ахте собрала ценные сведения по вопросу о границе в Нерчинском договоре об основной западной части восточного участка границы между двумя странами.

На этнографической карте, составленной Н.Г.Ахте по итогам его экспедиции, в 1853 году изображен Становой хребет от устья Горбицы, который идет на восток до истоков реки Буреи, а затем резко поворачивает на юг вдоль Буреинского хребта (Гинкан, т. е. Хинган-алинь), причем территория от этого хребта вплоть до реки Амур и моря обозначена как неразграниченное пространство, исходя из Нерчинского договора, а большинство обитающих на левобережье Амура подвластных Китаю племен между реками Ольдой и Буреей за незначительным исключением названы независимыми от обоих государств.

По отчету Н.Г.Ахте, племена, живущие южнее реки Тугур и по притокам Амгуни, относили себя к подданным России.

Важным обстоятельством является то, что член его экспедиции Л.Е.Шварц на основе анализа памятных знаков в Удском пространстве на деревьях установил, что фактически оно занято «большой частью русскими тунгусами, а другие [т. е. только часть] кочующие там племена тунгусов платят больше подати Китаю»*.

Нарушением международного права является также факт несовпадения латинского и русского текстов Нерчинского договора.

Позицию Г.И.Невельского и Н.Н.Муравьева-Амурского значительно усиливали данные путешествий штурмана Д.И.Орлова в 1851-1852 годах, который, вопреки мнению о пограничных пирамидах между Становым хребтом и левобережьем Амура, ссылаясь на специально опрошенных местных жителей, пришел к выводу, что инспекционные поездки маньчжуров ограничивались побережьем этой реки. При этом

Портрет графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского. К.Е.Маковский, 1863, Иркутск

*Русскими, или удскими тунгусами называли тогда часто тунгусские, точнее, эвенкийские племена.

к середине XIX века зона эффективной оккупации Россией Удского неразграниченного пространства, заселенного *ее подданными* тунгусами, передвинулась от Тайканского к Тугурскому хребту на юг.

12 мая 1855 года Н.Н.Муравьев-Амурский близ устья притока Амура реки Кумары встретил четыре лодки с маньчжурскими чиновниками, предложив им провести переговоры о границе на Мариинском посту, а позднее - обозначить ее по Амуру.

По мнению Г.И.Невельского, последнее противоречило его точке зрения, в соответствии с которой район к востоку от реки Уссури и до побережья Японского моря, по договору с Китаем, должен был остаться за Россией. Однако его уполномоченные, как обыкновенно, уклонились от проведения переговоров, сославшись на письмо Сената России в Пекин, посланное в 1853 году, в котором содержалось согласие, исходя из Нерчинского договора, утвердить границу от истоков реки Горбица по горным хребтам, «даже до моря протяженным». Это первоначальное, предварительное согласие коренным образом отличалось от позиции Г.И.Невельского, считавшего, что цепь этих горных хребтов, начиная с Малого Хингана (в других вариантах в маньчжурской и китайской транскрипциях как Хинкан и Синьан), то есть Буреинского хребта, поворачивает на юго-восток и выходит к (Японскому) морю южнее реки Уссури и что «без морского побережья и бассейна реки Уссури Амур не представляет для России значения»*.

**Его позиция восходит к карте бельгийского китаевода Дюгальда, повторенной в сводных китайских атласах периода правления Цяньлуна (1735-1793 гг.) и др., подтвержденной академиком А.Ф.Миддендорфом, и к тому же установившим, что пограничная цепь гор, ограничивающая площадь в 50 тыс. верст к югу от Станового хребта до «первого камня» на левобережье Амура, по Нерчинскому договору, оставлена за Россией. Согласно этим картам, Г.И.Невельской сделал свой вывод, что эта цепь гор не достигает Охотского моря, намного расширяя неразграниченное пространство.*

Н.Н.Муравьев-Амурский, настаивая на точке зрения Г.И.Невельского, объяснил маньчжурам, что он действует в этом вопросе по повелению своего государя.

Переговоры окончились безрезультатно, так как маньчжуры не поверили, что Николай I изменил свою позицию, полагая, что Н.Н.Муравьев-Амурский действует самовольно.

Но получив направленное в конце 1857 года Пекинскому трибуналу внешних сношений подтверждение из России об этом изменении ее позиции, последний заявил, что возникшие недоразумения не приведут к разрыву 200-летней дружбы с Россией.

14 мая 1858 года Н.Н.Муравьев-Амурский на переговорах в городе Айгунь с главнокомандующим амурскими силами Китая цзяньцзюнем князем И Шанем, родственником богдыхана, которому он поручил подписать новый Айгунский трактат с Россией, предложил заключить договор на упомянутых российских условиях, подчеркнув опасность оккупации иностранными державами, противниками России и Китая - Великобританией и Францией, устья Амура и морского побережья к востоку от реки Уссури.

Маньчжуры начали было возражать, утверждая, что они собирают с коренных жителей этих районов как его владельцы дань, что в этих краях у них якобы всегда имеются караулы и что вообще Уссурийский бассейн является родиной царствующей династии Китая и поэтому уступить его России было бы равносильно измене.

На это глава русской делегации заявил, что «ни по Амуру от Хингана до моря, ни по Уссури, ни на побережье этой страны никогда китайских караулов не было, что местное население никогда Пекину дань не платило, что в конце XVII века Россия приобрела право на нее и что, как доказано точными нашими исследованиями в 1850-1853 годах, имеет на нее полное право по смыслу первого пункта Нерчинского трактата».

Это означало, продолжил русский представитель, что, по нашему мнению, Амурский край в указанный период после его открытия и первоначального хозяйственно-культурного освоения

Геннадий Иванович Невельской - российский адмирал

Россией в результате его заселения русскими вошел в ее состав на основе одного из изначальных, действующих и в данном случае принципов международного права. Необходимость же владения Россией этим краем вплоть до низовьев Амура и Приуссурийским краем, что соответствовало международному праву, Н.Н.Муравьев объяснил блокадой побережья этой страны «англо-французами,

бывшими в дружбе с Китаем, а с нами в войне», что «ясно доказывает, что эти нации признавали этот край не китайским, а русским». И далее: «Родина же царствующей в Китае маньчжурской династии находится не в Уссурийском бассейне, а в бассейне реки Нингуты, впадающей в Сунгари, близ города Нингуты, на которую Россия не претендует. Если же в Приуссурийском крае и находятся китайцы, то это беглые преступники, которые скрылись здесь, как бы в другом государстве, во избежание наказания, определенного им по китайским законам», и поэтому лишь Россия стремилась к проведению точной границы в пространстве, неразграниченном по Нерчинскому договору⁵.

Китайские уполномоченные не смогли ничего возразить на опровержения русского представителя и подписали 16 мая 1858 года Айгунский трактат о границе с Россией по реке Амур, выторговав у нее только уступку не указывать границу в Приморье к востоку от реки Усури, чтобы избежать наказания со стороны своего правительства «за измену»⁶.

К тому же в маньчжурском тексте договора, в отличие от русского, русским разрешалось свободно плавать не только по рекам Сахалян-ула (Амур), Сунгари-ула и Уссур-ула (Уссури), но и Сунгари-ула (Сунгари).

Что касается Удского пространства - территории к югу от реки Уда, то, по нашему мнению, наиболее обоснованной является точка зрения доктора исторических наук Н.Ф.Демидовой, согласно которой к середине 50-х годов XIX века русские экспедиции, существенно изменив представление о рельефе местности, позволили по-иному истолковать географические ориентиры договора и определить неразграниченное пространство на восточном участке русско-китайской границы, полностью включив его в состав России.

Что же касается Кяхтинского договора 1727 года, то обращает на себя внимание упоминание в этом договоре пограничного с Россией места Химкон-Тугур, где на водоразделе рек Амгунь (Хинкон) и Тугур (Тугурик) в 1690 году полководец цинского Китая Бахай установил в горной местности Вейике-алинь пограничный столб, позднее разрушенный. Данный факт не был принят во внимание властями цинского Китая на переговорах с Россией в середине 50-х годов XIX века.

С международно-правовой точки зрения важно то, что Г.И.Невельской при своем рассмотрении пограничного Селемджинского хребта как хребта Хинган-алинь, состоящего из Ям-алинь, Дуссеалинь и Эткиль-алинь, переходящего в Буреинский, считал эти горы, поворачивающимися в месте Химкон-Тугурик на юг, а не продолжающимися к морю на северо-восток.

Почтовая марка СССР из серии «Адмиралы России», посвященная Г.И.Невельскому, 1989 г.

Однако со второй половины XVIII - первой половины XIX века в этом пространстве в противоположность китайской стороне, которая стремилась демаркацией границы подменить ее делимитацию, происходит его активное фактическое освоение Россией, то есть осуществляется на практике принцип эффективной оккупации, как отмечалось выше, - один из основных принципов международного права на владение государственной территорией⁷.

В результате на заключительном периоде этого процесса на печатных картах Сибири и России неразграниченный участок Удского пространства был включен в состав Русского государства, и международному сообществу оставалось лишь оформить произошедшие изменения в договорном порядке.

Правда, при упомянутом проведении границы по ответвлению горной цепи не к северу, а к югу от Амура до моря, по мнению историка-русиста, а не юриста-международника Н.Ф.Демидовой, Россия исходила из сугубо стратегических соображений, а не реальных географических ориентиров, так как в этом случае пограничный хребет оказался пересекающим эту реку в южном направлении и оканчивался бы в Маньчжурии, не доходя до моря, в противоречие с Нерчинским договором по горам близ реки Амурского устья*.

Но для нас здесь самым важным является ссылка Н.Ф.Демидовой на единственный неоспоримый аргумент российской стороны, что распределение сфер влияния в постепенно расширявшемся неразграниченном пространстве южнее реки Уды, в основном к началу XIX века, завершилось фактическим освоением его большинством русского и эвенкийского населения (так называемых «удских тунгусов») Удского ведомства⁸, хотя этому на практике противоречит исключение, при котором, несмотря на полностью маньчжурское население вблизи устья реки Зеи на левобережье

*См. чертежи казачьего головы А.И.Бейтона 1684 г. и подьячего Сибирского приказа И.Петелина 1699 г.

Амура («маньчжурский клин»), оно осталось на территории другого государства - России после проведения государственной границы, по русско-китайскому Айгунскому договору 1858 года.

Итак, несмотря на утверждения некоторых историков и политических деятелей Китая о том, что на территории Российской Федерации расположено несколько тысяч квадратных километров его «утраченных территорий», в том числе Приамурье и Приморье, в результате приобретения их нашей страной, по договорам XVII-XIX веков, в настоящей статье было показано, что к России была присоединена на основе права первого открытия и первоначального хозяйственного освоения в XVII веке большая часть последних, фактически отторгнутая от нее в результате агрессивной войны цинского Китая, по Нерчинскому договору 1689 года, который не соответствует принципам международного права, так как, в частности, на местности отсутствуют географические ориентиры его границ с Россией, обозначенные в текстах этого договора как горный хребет Хинган, а не просто горы Хинган, якобы «протягнённый» к тому же от истоков не реки (в основном латинском тексте), а реки Горбица прямо на восток до самого моря.

Указанный факт привел к абсурду, что сделало Нерчинский договор с точки зрения международного права недействительным и позволило России в 1858 году провести с Китаем в городе Айгуне новые переговоры о государственной границе с целью восстановления своих исконных прав (правооснований) в данном регионе, это было осуществлено с учетом использования, в отличие от Китая, эффективной оккупации на переговорах о реальных границах в Приморье и привело к совместному владению им по Айгунскому договору 1858 года, а затем включению в состав России по Пекинскому договору 1860 года в обоих случаях в соответствии с приведенными принципами международного права.

Россия будет всегда помнить о подвиге экспедиции русских моряков во главе с Г.И.Невельским, которая открыла судоходность устья Амура, сделала в тяжелых климатических условиях первые героические шаги в освоении этого края и тем самым обеспечила успех переговоров генерал-губернатора Восточной

Сибири Н.Н.Муравьева-Амурского о воссоединении этих земель с нашей страной.

Заключение Айгунского договора в 1858 году и Пекинского договора в 1860 году, которые окончательно разрешили проблему государственной принадлежности Приморья, писал известный японский специалист по русско-китайским отношениям Кэнъити Ёсида, не являлось результатом военных действий или демонстрации силы, а завершило многолетние усилия правительства России, направленные на восстановление ее прав на территории, вошедшие в ее состав в первой половине XVII века⁹.

¹Граф Н.Н.Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам собеседников и печатным источникам. Кн. 2. М., 1891. С. 236.

²Клименко Б.М. Государственная граница. М., 1972. С. 99-101.

³Границы Китая / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2000. С. 28; Русско-китайские договорно-правовые акты (1689-1896) / Под общей редакцией акад. В.С.Мясникова. М., 2004. С. 585.

⁴Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II. С. 555, 651.

⁵Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849-1855. Хабаровск, 1969. С. 150.

⁶Невельской Г.И. Границы Китая: история формирования / Институт Дальнего Востока РАН. М., 2001. С. 103.

⁷Клименко Б.М. Указ. соч. С. 99-101.

⁸Демидова Н.Ф. Эволюция понятия «Удское неразграниченное пространство» в ходе становления русско-китайской границы в XVII-XIX вв. / Институт Дальнего Востока АН СССР. М., 1976. №73. С. 181, 190.

⁹Этот правильный вывод он сделал вопреки утверждениям некоторых ученых, что восстановление границ России на Дальнем Востоке в середине XIX в. произошло в результате ее вооруженного вмешательства, которые не противоречат его выводу о том, что Россия при этом нарушила делимитацию границы по Нерчинскому договору 1689 г., по которому северные пределы неразграниченного Удского пространства якобы проходили по р. Уда (по-китайски Шавли, т. е. р. Мая - по левому притоку Уды до ее впадения в Уду и далее до моря), а южные - согласно карте 1690 г. члена цинского посольства в Нерчинске Лантаня - от водораздела рек Амгунь и Тугур через перевал Дзэрсыке по хребтам Бюко и Альский (Хинган-алинь), за хребтом Тайкан, реками Тыль, Тором и Ала (Сулунь) якобы без перерыва до моря. Ёсида К. Россия-но тоё синсюцу то Неручинску дзёяку (Продвижение России на Восток и Нерчинский договор). Токио, 1984. С. 355, 362-363.

ЗАБЫТЫЙ СОЗИДАТЕЛЬ

Фарид Анварбек

СЕРЕДИНА XIX века. В Западном крае Российской империи запылало польское восстание. Правитель края граф Муравьев пытается путем жесточайшего террора подавить его, что вызывает протест цивилизованного мира и расширение восстания. Тогда Петербург отзывает Муравьева из Вильно и назначает нового генерал-губернатора - видного российского генерала, героя Кавказской войны Константина Петровича фон Кауфмана. После детального анализа обстановки генерал принимает однозначное решение: в разоренном и ослабленном крае достичь мира можно только путем компромисса и умелого диалога. Со свойственными ему энергией, твердостью и тактом он осуществляет ряд мер, что приводит к ослаблению, а затем и затуханию восстания. Далее Кауфман умело распутывает его клубок, нити которого вначале затейливо петляют в пределах генерал-губернаторства, затем неожиданно пересекают границу края и обрываются в Петербурге - одним из зачинателей восстания оказался высокопоставленный чиновник Иосафат Огрызко, польский шляхтич. Кауфман передает собранный материал в суд.

На смелый, решительный шаг генерала гневно отреагировал граф Шувалов, один из влиятельных вельмож России, женатый, кстати, на польке. И Кауфмана внезапно отзывают из Вильно, он впадает в немилость и более двух лет пребывает в полной безвест-

Фарид Анварбек - узбекский публицист.

*Генерал Константин Петрович фон Кауфман.
Художник К.О.Брож, гравировал Л.А.Серяков*

ности - на скромную пенсию живет в Петербурге. Генералу 49 лет. Впереди маячит беспросветная старость. Он не востребован. Финиш! Но судьба распорядилась иначе - на восточном небосклоне поднималась еще еле различимая его звезда.

Предки Кауфмана - выходцы из австрийской Швабии. Один из них - Эбергард Кауфман в 1462 году получил из рук римского императора дворянство. Родной дед генерала принял русское подданство и служил в Дунайской армии графа Румянцева. Отец, Петр Федорович фон Кауфман, участвовал в походах Су-

ворова, брал Париж в 1812 году при Кутузове, участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 годов.

Георгиевский кавалер Константин Петрович фон Кауфман родился в Польше в 1818 году. Основные этапы его жизненного пути: гимназия, главное инженерное училище, боевая служба на Кавказе, участие в турецкой кампании, где он был дважды ранен. Многовековая дворянская традиция с ее неизменными атрибутами - приверженностью государственной службе, патриотизмом, честью, строгим воспитанием - наложила отпечаток на его разнообразную государственную деятельность.

В 1865 году генерал Черняев с отрядом в 1500 штыков и артиллерией покидает Чимкент и направляется в сторону Ташкента.

Его сопровождают 400 милиционеров из местных казахов. После небольших боев он присоединяет город к российской короне. По одну сторону неширокой реки - серая масса глинобитных домов с зелеными пятнами садов, население около 100 тыс. человек, по другую сторону, где предстояло заложить новый город, - пустыри с редкими строениями и небольшими островками садов и огородов. Позже генерал Романовский присоединит к России Ходжент, а оренбургский генерал-губернатор Кржижановский - Ура-тюбе и Джизак. В Петербург летят победные реляции, иронически воспринимаемые военным министром Милютиным - быстрые и легкие успехи в действиях против слабо организованного противника кружили головы царским чиновникам.

Решение Александра II о дальнейшем продвижении России в глубь Средней Азии оспаривали военный министр Милютин и министр иностранных дел Горчаков исходя из следующих соображений: это приведет к обострению отношений с Англией, набеги племен на приграничные губернии с целью разбоя можно пресечь превентивными силовыми мерами, дефицит орошаемых земель будет серьезным препятствием для миграции крестьян из России, плохое качество хлопка и его низкие урожаи не сулят высоких доходов, недра на предмет сырьевых ресурсов не изучены, создание новых инфраструктур потребует колоссальных затрат.

Несмотря на столь веские аргументы министров, Александр II 11 июня 1867 года издает указ о создании Туркестанского края (генерал-губернаторства). Для умелого управления обширным краем нужен человек, обладающий административными и военными навыками. И в поисках такого человека Александр II вспомнил про опального генерала фон Кауфмана, деловые и личные качества которого ему были известны.

Уже 14 июня 1867 года состоялось назначение Кауфмана генерал-губернатором края и командующим войсками Туркестанского военного округа с обширными полномочиями царского наместника. Кроме административного управления краем, Кауфману вменялось путем переговоров или силой наращивать его территорию до определенных безопасных рубежей, на что Милютин при встречах

с Кауфманом сочувственно разводил руками - такова воля государя. Поэтому первые годы управления краем Кауфман проводил в военных походах, присоединяя Самарканд, Хиву и Коканд.

После назначения на эту должность на прощальной аудиенции перед отъездом в Ташкент Кауфман сказал Александру II: «Я не боюсь никакого контроля над собою и своими действиями, ни явного, ни тайного, не уклонюсь от последнего в каком бы то ни было виде. Но прошу как особой милости: никогда, пока я буду в крае, не посылать ко мне «синих мундиров». «Будь по-твоему», - ответил ему император.

7 ноября 1867 года Кауфман прибывает в Ташкент. Город наполняет ему военный лагерь - заметно преобладание среди населения людей в армейской форме. В городе процветают азартные игры и бесшабашные кутежи. Благодаря наличию больших денег, в карты проигрывались целые состояния. На фоне дамского дефицита преуспевали публичные дома, в армии были широко распространены венерические болезни. Обстановка требовала принятия экстренных решений и осуществления широких преобразований в незнакомом доселе мире, и в кратчайший срок.

Для налаживания контактов с коренным населением и устранения всякого рода подозрений Кауфман обращается к местным жителям с воззванием, где особо подчеркивает сохранение их основных ценностей: веры, народных обычаев, судей и судебных органов. Отменяются непосильные налоги, юридически защищаются права женщин. Кауфман разрабатывает проект «Положение об управлении краем», отправляет на утверждение в Петербург, но некомпетентные чиновники возвращают его на доработку. Тогда Кауфман откладывает «Положение» в долгий ящик и многие годы правит краем самодержавно, умело пользуясь предписанием Александра II «принимать все те меры, которые он [Кауфман] считает полезными и неотложно необходимыми для устройства края».

После завершения военных походов Кауфман вплотную приступает к обустройству края. Там преобладает поливное земледелие. Ощущается острая нехватка орошаемых земель. Вопросы

землепользования были крайне запутаны, и решение их требовало деликатного подхода. Обрабатываемая земля оставалась собственностью коренного населения, их права на нее неприкосновенны. Освоение же новых земель и их последующее заселение, по мнению Кауфмана, могли принять затяжной характер из-за отсутствия средств на ирригационные работы. Следовательно, необходимо было повысить плодородие уже освоенных «работающих» гектаров.

В первую очередь Кауфман обратил внимание на основные культуры края - хлопок и рис. Традиционно возделываемый хлопок был низкого качества, невысокой урожайности, использовался он исключительно для местных нужд. Необходимо было развивать промышленное хлопководство - потенциальную основу экономического расцвета края.

Кауфман отправляет на стажировку в США (штат Техас) двух толковых чиновников - Бродовского и Смолевского. Через 1,5 года по возвращении они представили отчет, где изложили свои соображения о развитии промышленного хлопководства в крае. Кауфман без промедления выделяет средства на строительство под Ташкентом хлопковой фермы с опытным полем для возделывания американского и египетского хлопка. Первые семена этих культур бесплатно раздаются дехканам и всем желающим. На достав-

Император Александр II

ленной из-за рубежа технике за небольшую плату производится очистка и упаковка хлопка. Вскоре процесс пошел - хлопкоробы закупают технику, получают первые урожаи высококачественного хлопка. Через несколько лет туркестанский хлопок уже на одну треть обеспечивает российские мануфактуры, а миллионы рублей, ранее предназначенные для закупки хлопка в США, поступают в край и направляются на его дальнейшее экономическое развитие.

Выращивание традиционного красного риса сопровождалось образованием шлейфа заболоченных водоемов - очагов возникновения малярии и болотной лихорадки. По распоряжению Кауфмана в 1873 году из Франции были выписаны несколько пудов японского суходольного риса и розданы населению. Расход воды на него был невелик, но он не выдерживал знойного солнца и трудно поддавался обработке. Поиски продолжались и неожиданно вывели на рис сорта «арпа-шала», некогда завезенного странником-мудрой. Красный и белый рис стали постепенно уступать место их более неприхотливому собрату. Другая завезенная культура - американская кукуруза - также приглянулась дехканам.

В традиционном для края шелководстве сортировка шелковых грен обычно велась «на глазок», что приводило за счет больших грен к снижению качества шелковых тканей. По распоряжению Кауфмана создаются опытная станция и школа шелководства. Рукводили школой видные специалисты - Ошанин и Вилькинс. С помощью микроскопа отлаживается четкое отделение большой грены от здоровой. На европейских станках дети дехкан проходят обучение по размотке шелковых нитей. Станция и школа размещались на одной из тихих, тенистых улиц Ташкента, которая впоследствии получила свое историческое название Шелковичная (позже улица была переименована в честь Германа Лопатина, затем Навруз и т. д.).

Традиционные столовые сорта винограда, возделываемые в крае, не годились для качественного виноделия. По распоряжению Кауфмана для производства высококачественных вин были доставлены и посажены отборные лозы из виноградников Франции и Испании - прародители известных сухих и десертных вин Узбе-

кистана. Заработала винодельческая отрасль, и лучшие сорта вин и шампанского стали приносить приличный доход.

С целью обеспечения армии верховыми лошадьми и гужевым транспортом Кауфман выделяет средства для постройки завода. Из косяков лошадей, присылаемых в качестве подарка генерал-губернатору бухарским эмиром и кокандским ханом, отбирались лучшие экземпляры и скрещивались с аргамаками и карабаирами. По его же указанию в Москву были направлены несколько казаков для доставки в Ташкент голландских коров и быков для улучшения местного рогатого скота.

Также Кауфман содействовал развитию садоводства, особенно разведению доселе неизвестных в крае ягод - малины, смородины, крыжовника, кизила, клубники, земляники, а также овощей - артишоков, спаржи, редиса, цветной капусты. Много помогал в этом ему любитель садоводства, офицер генштаба Корольков. Примечательна реакция Кауфмана, когда из его сада были выкорчеваны и похищены дорогие экземпляры клубники: «Что ж, это, видно, не простой вор, а хозяин... у себя хочет развести редкостную ягоду... я для того и выписывал, чтобы распространять... не мешайте таким хозяевам».

При содействии администрации коренные жители проявили инициативу в разведении табака, домашних гусей и уток. В целях развития искусственного лесоразведения по распоряжению Кауфмана создали три лесопитомника. Пчеловодства до Кауфмана там не существовало. В 1872 году при его содействии были выписаны 12 образцовых ульев и розданы желающим. Через несколько лет в близлежащих горах Ташкента стояло до 300 ульев.

Мысль о создании химической лаборатории принадлежит горному инженеру Татаринovu. При содействии Кауфмана ее открыли в 1869 году. Возглавлять лабораторию назначили ученого из горного института Н.Б.Тейха. В 1872 году при лаборатории был построен небольшой газовый завод для изучения местных ископаемых углей. И своевременно: в год его открытия разразилась эпидемия холеры, и завод обильно снабжал город дегтем и дегтярной водой. В 1872 году при лаборатории открылась метеостанция,

в которой, помимо известных приборов, появился сейсмометр для регистрации землетрясений. Химическая лаборатория выполняла большое количество анализов пищевых продуктов, руд, строительных материалов, воды и др.

Наконец, в 1880 году открыли астрономическую обсерваторию, которая со временем приобрела определенный вес в научных кругах. Ее телескоп был сопоставим с Пулковским. Одно время обсерваторией заведовал известный астрофизик Стратонов. Также по инициативе Кауфмана осуществили комплекс других работ: постройка ташкентского госпиталя, налаживание почтового телеграфного сообщения, строительство ряда мостов через крупные реки, организация ярмарок в Ташкенте, Ходженте, Самарканде с приглашением на них купцов из Петербурга и даже из Вены, создание статистического комитета, проведение переписи населения, мощение дорог и их освещение.

Кауфман большое внимание уделял вопросам культуры и народного образования. По его личному распоряжению в 1868 году открылась публичная библиотека, действующая и поныне. Первым библиотекарем был назначен Н.В.Дмитровский, которого Кауфман знал по Вильно. О работе библиотеки его постоянно информировали, он всегда интересовался новыми поступлениями, принимал активное участие в ее жизни. Например, он весьма своеобразно отреагировал на циркуляр министра внутренних дел об уничтожении некоторых крамольных иностранных книг. На сей счет Кауфман приказал Дмитровскому: «Ни уничтожать книги, ни портить листы в них, я вам не разрешаю. Книги пишутся не для этого. Я понимаю, что существуют произведения, читать которые могут не все. Я даже не запрещаю вам выдавать эти книги для чтения. Я не откажу в них человеку образованному, человеку серьезному. Потрудитесь запереть эти книги в шкаф и ключ держите у себя, а если кто-нибудь будет обращаться, каждый раз докладывать мне: разрешить или не разрешить выдачу этих книг я беру на себя».

Кауфман пригласил из Петербурга известного библиографа В.И.Межова с целью составления Туркестанского сборника -

Памятник К.П.Кауфману, открытый в Ташкенте 4 июля 1913 г.

своеобразной энциклопедии края. В нее вошли материалы, касающиеся Туркестанского края и опубликованные в разных странах и на разных языках, включая газетные статьи и заметки. За три-четыре года Межов «выдал на гора» около 300 томов. Англичане, переняв опыт Кауфмана и Межова, также приступили к составлению подобного сборника по Индии.

По инициативе Кауфмана в 1870 году открываются периодические издания «Туркестанские ведомости» и «Туземная газета» (на языках коренного населения). Первым редактором был назначен известный деятель народного образования края Н.П.Остроумов. По настоянию Кауфмана в Ташкенте для желающих организуются публичные лекции по ознакомлению с грамматикой местных языков. За создание национальных словарей присуждается премия.

Система народного образования - объект постоянной заботы Кауфмана. Она является, по его мнению, кузницей образованных, высокоинтеллектуальных специалистов, от которых зависит экономическое процветание края. До Кауфмана народное образова-

ние для коренных жителей было сосредоточено в руках духовенства. В низших мусульманских школах обучали писать, а также читать Коран на арабском языке. В высших школах или медресе количество изучаемых дисциплин резко возрастало: толкование Корана, математика, география, история, восточная литература. При Кауфмане открывается ряд смешанных русско-национальных школ, где, кроме грамотности, обучали различным ремеслам, шло приобщение к общечеловеческим знаниям - краткий путь к ценностям мировой цивилизации.

Придавая большое значение народному образованию, еще в начале своего правления Кауфман пригласил из Казани Остроумова, тогда молодого человека, но уже достаточно опытного педагога. И в результате их постоянного общения и взаимодействия эта отрасль была, как говорится, «поставлена на ноги»: среди вновь созданных 60 учебных заведений - учительская семинария, две мужские и две женские гимназии, 17 городских училищ, 13 мужских приходских школ, татарская, еврейская и немецкая школы грамотности.

Были заложены основы для открытия училища Среднеазиатской железной дороги, реального училища и кадетского корпуса. Часто в сопровождении личной охраны (казачьей полусотни) генерал участвовал в закладке зданий учебных заведений. Посещая их, он обходил классы, по ходу давая советы, делая замечания. Супруга генерала, Юлия Маврикиевна, в строго назначенное время, как истинная немка, открывала заседание совета ташкентских приютов. По ее настоянию, кроме образования, дети получали навыки ведения домашних дел.

Для комплексного изучения края Кауфман привлекал многих российских и иностранных ученых - геологов, географов, гляциологов, биологов, паразитологов и т. д. Среди них - Северцов, Барбот-де-Марни, Федченко, Миддендорф, Романовский, Мушкетов и другие. Выделялись необходимые средства на снаряжение научных экспедиций и издание их трудов.

Как представитель Российской империи, Кауфман успешно проводил дипломатическую работу с ближайшими соседями. В те-

чение долгих лет шел спор с Китаем о двух провинциях - Кульдже и Кашгарии. Для прекращения затяжного спора по рекомендации Кауфмана Петербург счел целесообразным за крупную контрибуцию вернуть Кульджу Китаю. Англичане, правившие в Индии, прилагали немало усилий (где силой, где путем подкупа) склонить на свою сторону Афганистан в борьбе за Среднюю Азию. Отдельные афганские племена, вооруженные и обученные англичанами, совершали набеги на приграничные земли Закаспийского края. Английские агенты транзитом через Афганистан проникали в среднеазиатские ханства для сбора разведанных и работы с местными правителями.

Авторитет Кауфмана среди мусульманского населения был достаточно высок, и афганский шах Шерали, прослышавший немало хорошего о Кауфмане, пошел с ним, хотя и осторожно, на сближение. Дальнейшие дипломатические усилия Кауфмана позволили склонить афганского правителя на сторону России. Но позже министры Шувалов и Горчаков, идя на уступки Англии, отзывают русского посла из Афганистана, чем сводят результат дипломатических усилий Кауфмана к нулю. А вскоре шах Шерали скончался.

В то время среднеазиатские Кокандское и Хивинское ханства доставляли немало хлопот, и Кауфман с присущим ему тактом улаживал возникавшие противоречия, а в случае острых ситуаций (вооруженных выступлений, работоторговли и т. п.) совершал военные походы. Цивилизованные отношения также были установлены с Бухарским эмиратом. По рекомендации Кауфмана бухарского эмира со всеми почестями встречали в Петербурге - его по установленному этикету принимал российский монарх. По предложению Кауфмана бухарский эмир и хивинский хан оставались в их наследственных престолах. Из их владений были присоединены к России лишь земли, необходимые для безопасности границ империи. Они служили в качестве передовых постов, обращенных лицом к вековому сопернику России в Азии - Англии.

Благодаря гибкой политике, авторитет Кауфмана на всем пространстве Азии был достаточно высок. «Хитрая лисица», - по определению Биконсфельда (Англия) - он был «непобедимым ти-

гром» и «праведным «ярим-падишахом» (полуцарем)» в устах мусульман. Человек, снабженный охранным документом от «ярим-падишаха», Кауфмана, мог без конвоя свободно передвигаться не только в пределах Туркестана, но и в соседних ханствах.

Проявляя великодушие, Кауфман умело превращал поверженного врага в союзника, преданного вассала. Этот блистательный прием использовался Англией по отношению к Трансваалю. Многогранная созидательная деятельность Кауфмана в Туркестане, активное приобщение коренного населения к масштабным преобразованиям снискали ему, а в его лице и России. притягательность и уважение.

Уже после кончины Кауфмана генералу Комарову нанесли визит четыре хана из Белуджистана (западная провинция Индии, сейчас Пакистана) и просили принять их под российское покровительство, избавив тем самым от англичан, а также просили оружие. Прощение их было тактично отклонено Петербургом ввиду значительного удаления провинции от российских границ.

Особое отношение было у Кауфмана к религии. Еще на Кавказе, ознакомившись с исламом и досконально изучив Коран и шариат, Кауфман понял, что законы Магомета, как и законы Моисея, рассматривают свое царство и царство земное как единое целое, то есть религия и ее институты духовного управления посредством мечетей, синагог и т. д. и государство, общество и политика тесно переплетаются между собой. Они не допускают один из важнейших принципов христианства, выраженный в каноне: Богу - Богово, а Кесарю - кесарево. Поэтому христианство и ислам находятся в непримиримом противоречии.

С исламом имеются два способа борьбы: либо преследование, либо полное игнорирование, никакой духовной иерархии, но полная веротерпимость, полная свобода молитв и обрядов по законам Магомета или Моисея. Любой имам или мулла в глазах государства - не более чем обыватель. Благодаря этим принципам, разработанным Кауфманом, Туркестанский край без жандармов (просьба Кауфмана к Александру II) и муфтиев в политическом и религиозном отношении был миром тишины и спокойствия.

Кауфман пресекал любые акты, направленные против нарушения порядка: насильственный захват земель у коренного населения, притеснение кочевников со стороны казачества, призывы мулл-фанатиков к насильственным действиям. Иногда приходилось по горячим следам принимать волевые решения. В Кульдже Кауфман пригрозил применить санкции против судьи (из пришлых немцев), который насильственно удерживал молодую жену чиновника из коренных. При посещении Аулеаты (Джамбула) к Кауфману обратились родственники именитого казаха Канаева, упрятого в тюрьму местным судьей, - он в отместку за убийство его родственника, согласно народному обычаю адату (месть) разграбил соседний аул. Кауфман отменяет решение судьи и отпускает Канаева, но приказывает возместить убытки потерпевшему аулу, так как он совершил ограбление, согласно народному обычаю.

Кауфман всегда возглавлял все крупные внешнеполитические операции и переговоры. Проводы и встречи генерала были знаменательными событиями в жизни Ташкента. Например, 13 июля 1880 года после успешных переговоров с Китаем по провинции Кульджа генерал возвращается в Ташкент. Ему устраивают торжественную встречу: высшие административные и военные чины собрались у его резиденции (Белого дома), основная трасса, по которой должен проследовать генерал, заполнена народом. Производится несколько пушечных выстрелов. Генерал, едущий в коляске в сопровождении казачьей сотни, отвечает на приветствия. У резиденции под звуки оркестра генерал выходит из коляски, здоровается с почетным караулом, затем направляется в зал.

В управлении краем у Кауфмана не было мелочей. Например, он запретил открывать кабаки и продавать водку в местах компактного проживания коренного населения. Под запретом была также продажа опия, анаши и кукнара. Для населения он открыл кредитные кассы, работающие под маленький процент, с целью искоренения слоя ростовщиков, бравших за ссуду 150% годовых. При Кауфмане Ташкент стремительно отстраивался, приобретая цивилизованный вид. Усилился приток гражданского населения. На постоянное жительство прибывали семьи военных, служащих.

Многие дамы приехали из Петербурга и Москвы. Это были милые образованные женщины. Они оказали положительное влияние на многие сферы жизни. Например, по их инициативе открылся кружок любителей драматического искусства - прообраз будущего театра. С их приездом заметно стали убывать азартные игры, а кутежи приняли более пристойный вид.

Одним из символов сильной власти, по замыслу Кауфмана, должен был стать дворец, резиденция генерал-губернатора - роскошное белое здание на берегу речки (впоследствии здание Совмина, в котором размещены в настоящее время публичная библиотека и другие учреждения) с зеленым садом, внутренними фонтанами, множеством меблированных комнат. Дворец расположился в ожерелье прекрасного тенистого сада с фонтанами, водопадами и беседками. Во дворце часто устраивали приемы.

Например, под Новый год, 31 декабря, генерал-губернатор давал бал, на который приглашались, часто с семьями, высшие военачальники, видные чиновники, купцы, сановники из коренного населения. Бал проходил, как и в далеком Петербурге, по строго установленному этикету. Около 300 гостей собиравались в главном зале, и их взоры были обращены на высокую двухстворчатую дверь.

В определенное время в проеме двери в полном своем блеске появлялся генерал-губернатор Кауфман: среднего роста, у него было овальное лицо, открытый лоб, гладкие густые седые волосы, закинутые назад, живой твердый взгляд удлиненных глаз, густые усы и брови. Роскошная генеральская форма, гармонирующая с благородным видом, плотно облегла фигуру, на плечах - сверкающие эполеты с вензелями Александра II, на широкой груди - кресты и звезды. Он раскланивался с гостями, обходя их ряды, любезно разговаривал с некоторыми из них. Затем генерал с высшими чинами и дамами удалялся в гостиную.

Чуть позже под звуки оркестра дверь гостиной открывалась и начиналось торжественное шествие многих пар во главе с генерал-губернатором. Выход из гостиной повторялся два раза. Затем огромную залу с высокими колоннами заполняли пары и под звуки вальса, кадрили, полонеза скользили по надраенному паркету.

Бал завершился в соседнем зале, за столами, уставленными различными яствами и напитками.

За определенные достижения в инженерном деле в 1873 году Кауфман избирается почетным членом Петербургской академии наук. Наделенный огромными полномочиями и почти безграничной властью в крае, он никогда не злоупотреблял ею.

За обеденным столом Кауфман редко сидел один. Даже при отсутствии его супруги, которая часто уезжала в Петербург, компанию ему обычно составляли его личный адъютант Берг, заходившие к нему по разным делам военные, чиновники, купцы, ученые, местная знать. За трапезой он был любезным хозяином и приятным собеседником. На заседаниях Кауфман нередко прерывал чтение докладов, закуривал папиросу и для разрядки весело и непринужденно, а часто и остроумно, рассказывал какой-нибудь анекдот или забавный случай. Их у него было множество.

Генерал умел мастерски вести разговор с собеседником, детально вникая в его тему, часто интересовался семейными делами, для каждого находил манеру общения, иногда шутил, но при этом не обижал собеседника. В часы отдыха в кругу приближенных генерал вспоминал отдельные эпизоды своей жизни.

Однажды, при походе на Хиву, боевой отряд Кауфмана пересек безводную жаркую пустыню. Запасы воды - на исходе, а впереди маячили многие километры песков. Чтобы предотвратить неминуемую гибель отряда, Кауфман собрал конных джигитов, участвовавших в этом трудном походе, и обещал тысячу золотых червонцев тому, кто привезет первым пучок свежего камыша. Джигиты поскакали в разные стороны.

Долго тянулись часы ожидания, иссякли последние капли драгоценной влаги, и наконец один из джигитов привез долгожданный зеленый пучок камыша и тотчас получил обещанное. Отряд был спасен. По завершении успешного похода на Хиву Кауфман был приглашен в Петербург, а затем последовал в Берлин для встречи с германским императором.

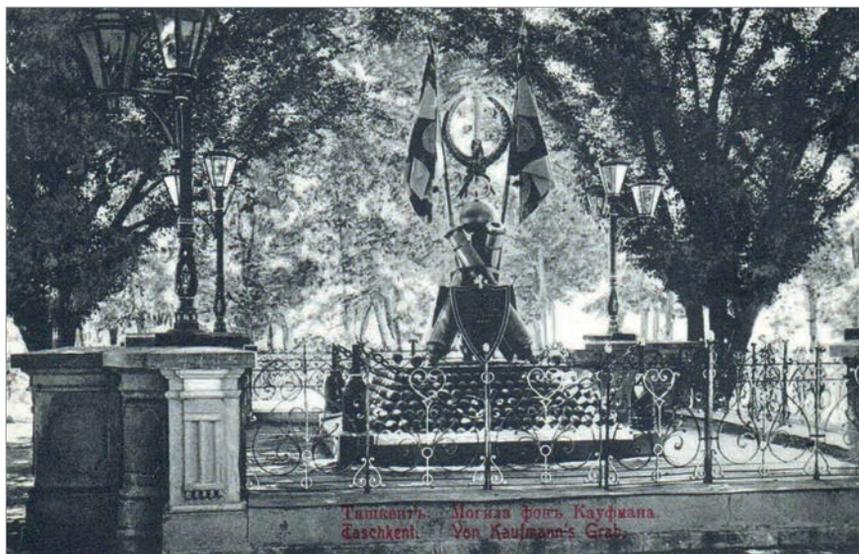
После одного случая на Кавказе он не всегда доверял европейской медицине. В то время Кауфман был ранен в ногу и рана

долго не заживала и гноилась, несмотря на усиленное лечение. Наконец врачи выносят суровый вердикт: раненую ногу ампутировать. Но местный мусульманский лекарь взялся вылечить ногу и добился успеха.

14 лет активной созидательной жизни отдал Кауфман Туркестанскому краю. Это были годы постоянной умственной напряженности, принятия неотложных волевых решений, тяжелых и опасных для жизни военных походов, психологически трудоемкой работы с различными социальными слоями населения. Организм постепенно вырабатывал свой ресурс. Последние годы его преследовали неудачи: возникшая по вине Петербурга (Шувалова, Горчакова) напряженность с Афганистаном, кончина афганского шаха Шерали, перед которым Кауфман чувствовал себя виноватым, заключение трудного мира с Китаем.

Ближайшее окружение Кауфмана подметило, что после напряженных поездок в Китай и Афганистан организаторская и нравственная мощь генерала была надломлена, появились первые признаки скрытого недуга. Прежний мудрый, энергичный организатор уступил место апатичному генерал-губернатору - организаторская машина вдруг остановилась. Он был, как всегда, приветлив, внимательно выслушивал доклады, делал необходимые распоряжения, но прежнего орла в нем уже не чувствовалось. Последней каплей стала весть о трагической смерти Александра II после совершенного покушения.

В 1882 году Кауфмана сокрушил тяжелый инсульт. Он лишился дара речи и фактически сознания. 4 мая 1882 года генерал скончался. Тело его было забальзамировано и находилось в зале генерал-губернаторского дома в ожидании приезда из Петербурга супруги и сына. Со всеми почестями генерал был похоронен на территории Константиновского сквера (потом сквера Революции, сейчас это сквер Амира Темура). После завершения строительства Спасо-Преображенского военного собора в 1889 году (он располагался на центральной площади Ташкента, сейчас - площади Мустакиллик) останки генерала перенесли и поместили в склеп у правой южной двери собора, который после октября 1917 года

Могила К.П.Кауфмана в Ташкенте

был снесен, и склеп с останками первого устроителя Туркестанского края Константина Петровича фон Кауфмана теперь, кажется, потерян навсегда. На стене склепа была медная золоченая доска с надписью: «Генерал-адъютант, инженер-генерал Константин Петрович фон Кауфман, кавалер святого Георгия II степени, святого Владимира I степени, святого Александра Невского, Белого Орла, святой Анны I степени, святого Станислава I степени и других Российских и Иностранных орденов. Первый Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа в 1867-1882 гг. Покоритель Самарканда (1868 г.), Хивинского ханства (1873 г.) и Кокандского ханства (1875 г.). Устроитель Туркестанского края».

Кауфман был первым и наиболее выдающимся генерал-губернатором Туркестанского края. Последующие правители края (Черняев, Розенбах, Вревский, Духовский, Иванов, Тевяшев) уступали ему и по деловым качествам, и по тому весомому вкладу, который он внес в обустройство края. Кауфман имел редкое для одного человека переплетение качеств и способностей: духовных

и интеллектуальных, административных и военных. Строевой генерал Черняев, сменивший Кауфмана после его кончины, герой турецкой кампании, оказался явно не на своем месте. Многие, созданное Кауфманом, он пытался уничтожить: закрыл хлопковую ферму, библиотеку, химлабораторию, школу шелководства, была ликвидирована Аральская флотилия. Зуд разрушения у Черняева нарастал, но вскоре его отозвали в Петербург. Сменивший его Розенбах, за сравнительно короткий срок восстановил то, что было создано Кауфманом.

В истории Туркестана Кауфман, как никто иной, оставил яркий след. Долгое время его имя хранилось в народной памяти. О нем напоминали железнодорожная станция Кауфманская, Константиновский сквер, где Кауфману установили памятник, в его честь издавались юбилейные сборники, устраивались вечера. Благодаря значительной удаленности от Петербурга и сосредоточения в руках огромной власти, Кауфман в результате многолетних преобразований края создал в пределах Российской империи евразийское «государство» со сравнительно цивилизованным комфортом, нарождающейся рыночной системой, отсутствием расового и кастового подхода при получении образования.

И люди из России потянулись в Азию не ради экзотики, а ради дела. В этом евразийском «патриархальном» мире дышалось и думалось легче, чем непосредственно под сенью двуглавого орла. На одном из юбилейных вечеров в честь Кауфмана известный ташкентский казий (судья) так сказал о нем: «Покойный генерал Кауфман был человеком весьма умным и умел обходиться с людьми разного рода - высокими и малыми, учеными и неучеными. Таких людей немного бывает на свете. Думаю, что в России таких умных начальников не очень много. За его умение обходиться со всякими людьми местные очень любили его и до сих пор вспоминают с большим уважением».

ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ВЯТКИН: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Борис Лунин

КОГДА речь заходит о вкладе русских ученых в развитие науки и культуры Средней Азии, мысль неминуемо обращается к имени В.Л.Вяткина. Действительно, дела и дни Вяткина оставили о себе самую долгую и добрую память, всеобщее уважение и признание.

Сложен и своеобразен был его жизненный путь. Он родился 18 августа 1869 года в семье простого семиреченского казака. Взрослея, обнаружил, что, подобно отцу, на казацкий лад крепко скроен, силен физически, подвижен.

Уже со школьных лет Вяткин обращал на себя внимание ясно выраженной тягой к знаниям, пристрастием к чтению встречающейся ему научно-популярной литературы исторического содержания. В 1894 году он закончил обучение в открытой 20 годами ранее Учительской семинарии в Ташкенте и во время учебы проявлял неослабевающий интерес к истории Востока.

Некоторое время Вяткин учительствовал в городе Ош, а переселившись в Самарканд (ставший местом постоянного жительства), поступил на службу в областное правление в скромной должности делопроизводителя. Здесь он с присущей ему энергией и пытливостью стал обретать репутацию краеведа, страстно интересующегося многовековой историей Средней

Борис Лунин - доктор исторических наук.

Азии, и прежде всего прошлым Самарканда с его памятниками старины. Увлеченно и бескорыстно отдавал Вяткин много сил их учету и описанию.

Будучи членом Самаркандского статистического комитета, выполнял функции его библиотекаря. При живейшем участии Вяткина в 1896 году был открыт «Музеум Самаркандского статистического комитета» краеведческого профиля, а спустя 15 лет Вяткину удалось добиться строительства специального музейного здания.

Лингвист-самоучка Вяткин свободно владел таджикским, узбекским, персидским языками и арабской письменностью. Это позволяло ему еще и накапливать навыки и опыт изучения текстов старинных восточных рукописей как ценных исторических источников и, в частности, расширять свои познания в сфере исторической топографии и топонимики. Успешно осуществлял Вяткин и критически аналитическое сопоставление текстов различных рукописей по тому или иному отдельному вопросу и на одну и ту же тему.

Как и других исследователей, внимание Вяткина привлекали следы и руины расположенного в черте города обширного поселения городского типа, так называемого городища Афрасиаб с его многовековыми культурными отложениями.

Многочисленные посещения Вяткиным городища и проводимые из года в год изыскания разведочного типа стяжали Вяткину признание, обогащая представление об этом примечательном памятнике древности и средневековья.

Так, например, в ходе предварительных раскопок на Афрасиабе Вяткин вскрыл руины двух, как оказалось, существовавших последовательно на одном и том же месте соборных мечетей: ранней - саманидской (или караханидской) и поздней - хорезмшахской, хотя эта датировка для самого Вяткина оставалась неясной. Вяткину же наука обязана находением на Афрасиабе остатков обширного здания с замечательными алебастровыми резными панелями, он же зафиксировал находки на городище ряда различных предметов древности эпохи Саманидов.

*Афрасиаб - древнее городище, расположенное
в северной части современного города Самарканда*

Ширился круг и других привлекавших внимание Вяткина памятников на землях Самарканда и прилегающей к нему округи. С течением времени это дало ему возможность выступить с рядом обративших на себя внимание видных ученых России публикаций на страницах «Трудов» и «Обзоров», издававшихся областными статистическими комитетами Туркестанского края. В их числе были такие публикации, как «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета» (1902 г.), «О вакуфах Самаркандской области» и другие. Их высоко оценил крупнейший востоковед академик В.В.Бартольд, обычно сдержанный и даже скупой на похвалы, констатировавший, что «работы В.Л.Вяткина занимают совершенно исключительное место среди работ по истории Туркестана»¹.

Столь же сочувственно были встречены ученым миром осуществлявшиеся Вяткиным комментированные переводы

на русский язык текстов таких научно значимых источников для изучения истории Средней Азии, как «Бабур-намэ», «Самаркандский вилает» Мухаммеда Салиха, «Кандия малая» ан-Насафи ас-Самарканди, «Самарийа» Мир Тахир-Ходжи и другие.

В 1903 году Вяткин был назначен штатным смотрителем памятников Самарканда. Невозможно было сделать лучший выбор. Уже до этого ученый осуществлял учет историко-архитектурных памятников, пропагандировал в печати их научно-культурное значение, горячо ратовал за их сохранность, рьяно пресекал попытки их разбора на строительные нужды и т. д. На новой своей должности (кстати сказать, с предельно малой ее оплатой) Вяткин составил точный план расположения памятников старины, привлекая к делу военных топографов, добился осуществления съемок и нивелировки окружавших Самарканд древних поселений, остатков защитных стен.

Энергией и, можно сказать, фанатичной настойчивостью добивался Вяткин хотя и очень незначительных средств, но позволявших все же осуществлять некоторые укрепительные работы памятников старины и, в частности, памятников, пострадавших при сильном землетрясении 1907 года в Самарканде.

На землях старого Самарканда Вяткин обнаружил и затем собрал уникальную коллекцию кайраков - замечательных памятников средневековья (V-VIII вв. хиджры). Речь идет о гладко окатанных крупных размеров гальках-гольшах, использовавшихся в качестве надгробных камней с односторонними надписями арабским шрифтом с прописными датами. Им было собрано более 250 кайраков. Переводились Вяткиным и надписи на других надгробиях от средних веков до нового времени.

В опубликованной в 1899 году рецензии на книгу Стэнли Лэн-Пуля «Мусульманские династии» Вяткин сумел, в частности, уточнить на основе письменных источников даты правления эмиров из бухарской династии Мангытов.

Известность и признание заслуг Вяткина возрастали из года в год. По предложению В.В.Бартольда, С.Ф.Ольденбурга

и П.М.Мелиоранского он был избран член-корреспондентом Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, созданного в 1903 году при Министерстве иностранных дел².

Постепенно ширилось и число собиравшихся Вяткиным восточных рукописей (всего было собрано 190 томов, 273 названия). Среди них было немало редчайших и научно ценных книг. Например, безымянная (под псевдонимом Шади) стихотворная хроника подвигов Шейбани-хана «Фатх-намэ», написанная при жизни самого Шейбани-хана и, очевидно, по его повелению и изобилующая фактическими данными.

Исключительно ценным являлся также сборник XVI века, сохранившийся в себе до 700 документов судебного и нотариального характера и принадлежавший судье Мулле Бек Мухаммед Омар Бию (1588-1591 гг.), и многие другие рукописи «вяткинского собрания», в числе которых немало и уникальных произведений о дервишском движении в Средней Азии.

Из рукописей нового времени Вяткину удалось приобрести рукопись Муниса - Агахи «Фирдаус ал-икбал» (Райский сад счастья) и Агахи «Зубдат ал-таварих» (Сливки летописей) и «Гульшен-и-девлет» (Цветник счастья)³.

Для широты кругозора Вяткина характерно, что его также интересовали жизнь, деятельность и творчество Алишера Навои. Тем паче, что знаменитый поэт и мыслитель жил некоторое время в Самарканде и учился в медресе у видного законоведа и знатока арабского языка Фазлуллы Абу-Лейси вплоть до того времени, когда Навои вернулся в родной город Герат, вызванный туда другом своего детства Султаном Хусейном, ставшим в 1468 году правителем Герата.

Вяткин хорошо знал произведения Навои, собирал списки его сочинений, а также восточные рукописи с различными сведениями о жизни и творчестве Навои. В 1898 году Вяткин напечатал очерк «Герат при Тимуридах», уделив в нем большое внимание пребыванию в Герате Алишера Навои.

Вяткину принадлежало также компетентное описание современных ему книжных и рукописных рынков Бухары и Самарканда.

В 1902 году состоялось личное знакомство Вяткина с Василием Владимировичем Бартольд, посетившим Самарканд в ходе своей очередной научной поездки по Средней Азии.

Для Вяткина это знакомство имело тем большее значение, что с тех пор его связи с Бартольдом станут еще более тесными и постоянными.

Василий Владимирович Бартольд

В лице такого глубоко эрудированного ученого и блестящего знатока истории Средней Азии, каким был Бартольд, Вяткин обрел на многие годы требовательного, но благожелательного научного наставника. И это важно в тем большей степени, что Вяткину приходилось работать в нелегкой общественной атмосфере провинциального Самарканда тех дней, о чем он писал: «Трудно давалась мусульманская история человеку... бредущему положительно в потемках... Я нуждался в самых элементарных указаниях... Здесь, в Самарканде, никто историей не занимается

и [не с кем] поспорить о предметах, близких сердцу... Видишь равнодушие окружающих к тому делу, которому отдаешься».

Эту сторону дела отметил и Бартольд, говоря, что у археолога- и историка-самоучки Вяткина, «бескорыстного и одинокого труженика», обнаруживается «такое увлечение научными интересами и такое понимание научных задач, какое не часто при-

ходится встречать у окончивших курс университета», притом что «Вяткин является лучшим знатоком самаркандских памятников».

По возвращении из Средней Азии в Петербург Бартольд сумел убедить Императорскую археологическую комиссию в острой необходимости усилить охрану памятников старины Самарканда и учредить в этих целях штатную должность их постоянного смотрителя с предоставлением ему права привлекать к законной ответственности лиц, виновных в разрушении памятников. По ходатайству комиссии такая должность была учреждена со скромным ежемесячным окладом в 50 рублей, в должности смотрителя был вполне закономерно утвержден В.Л.Вяткин.

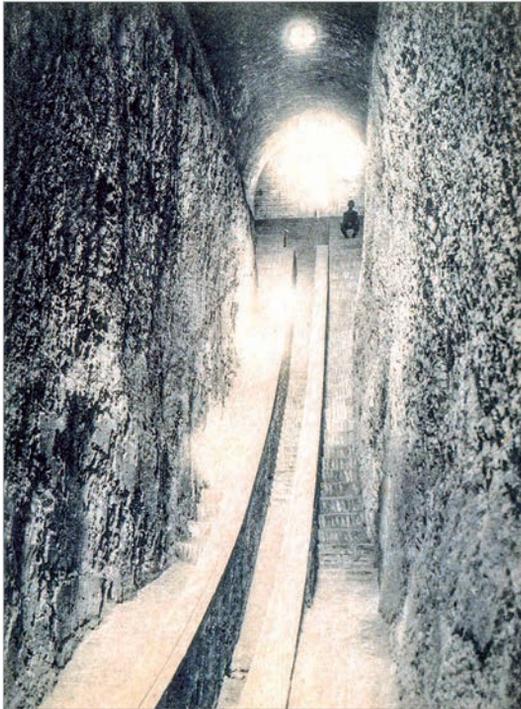
В том, что, несмотря на плохую сохранность и запустение, выдающиеся историко-архитектурные памятники Самарканда дошли до наших дней и постепенно стали восстанавливаться и реставрироваться, - большая заслуга Вяткина.

Особо отметим, что интерес Вяткина к старинным рукописям, содержащим те или иные сведения по Самарканду, был напрямую связан с одним из самых замечательных научных открытий начала века - открытием остатков памятника зодчества и науки средневекового Востока, не имевшего подобных себе во всей мировой архитектуре.

Как и другие исследователи Востока, Вяткин принимал деятельное участие в поисках места нахождения прославленной обсерватории Улугбека, внука Тимура, но они не давали положительного результата, хотя подчас и были близки к истине. Ключ к разгадке вопроса был найден именно Вяткиным. Привлекая к делу своего соратника, местного любителя старины Абу Саида Махзума, Вяткин совместно с ним изучал один из документов середины XVII века и встретил упоминание о пункте «Тал-и-расад» (Холм обсерватории) в местности Накши-Джахан у арыка «Оби Рахмат» (Благословенные воды). Действовавший и при Вяткине арык этот находился у идентичного «Холму обсерватории» холма, известного в народе под именем «По-и-расад» (Подножие обсерватории).

*Процесс раскопки секстанта обсерватории
В.Л.Вяткиным*

*Самарканд. Вид остатков секстанта
обсерватории Улугбека*

В 1908-1909 годах Вяткин провел здесь раскопки, увенчавшиеся обнаружением остатков обсерватории Улугбека (ее «круглой стены») и, что самое главное, расчисткой уходящей в толщу земли искусственно высеченной узкой щели (траншеи) глубиной до 10 метров и вмещавшей в себя нижнюю часть громадного главного инструмента обсерватории - вертикального меридианального квадранта с двумя тщательно обработанными мраморными дугами, разделенными на градусы. В этих дугах были вытесаны два прямоугольных желобка, в которые, очевидно, вставлялись медные брусья с более мелкими насечками. Последнее давало возможность наиболее точного отсчета высоты стояния солнца в зените при прохождении через меридиан обсерватории⁴.

Вяткин же высказал соображения о первоначальной структуре обсерватории со стенами, заканчивавшимися сводом. Стены и свод имели глазурованную облицовку⁵.

Вяткин исходил при этом еще и из свидетельства Бабура: «У подошвы Кухака Мирза Улугбек («море знаний и разума») воздвиг огромной высоты трехэтажное (трехъярусное) здание обсерватории для составления астрономических таблиц». Последующее изучение остатков обсерватории рядом исследователей во многом подтвердило соображения Вяткина, хотя и с некоторыми уточнениями и с учетом иных возможных вариантов и с привлечением данных других средневековых источников.

Восточное отделение Русского археологического общества наградило В.Л.Вяткина как «известного исследователя археологических богатств Туркестана» и «открывателя руин обсерватории Улугбека» медалью имени академика В.Р.Розена.

Вяткин был, что называется, душой возникшей после революции 1917 года Самаркандской комиссии Турккомстариса (Комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестана), а по преобразовании Турккомстариса в Узбеккомстарис возглавил его. Вяткин оставался неизменным советником и консультантом всех посещавших Самарканд археологических, историко-архитектурных экспедиций и отдельных ученых.

В самом Самарканде не было, пожалуй, ни одного жителя, не знавшего привычной фигуры Вяткина - неутомимого исследователя истории Самарканда и знатока истории едва ли не каждой старой улицы города.

Под руководством В.Л.Вяткина начинали в 1920-х годах свою раскопчную деятельность в Самарканде М.Е.Массон и В.А.Шишкин - в последующем широко известные и авторитетные среднеазиатские археологи. Принимал участие в раскопках тех лет и С.П.Бородин - в дальнейшем популярный русский писатель, автор таких произведений, как «Последняя Бухара», «Дмитрий Донской», «Звезды над Самаркандом» (время последних походов Тимура) и др.

В итоге своих многолетних наблюдений на Афрасиабе Вяткину удалось определить также места нахождения кварталов местных гончаров, уточнить сведения о бывшей сети оросительных каналов. Пытался он и установить последовательную шкалу культурных напластований по смене форм и типов находимой в городище керамики.

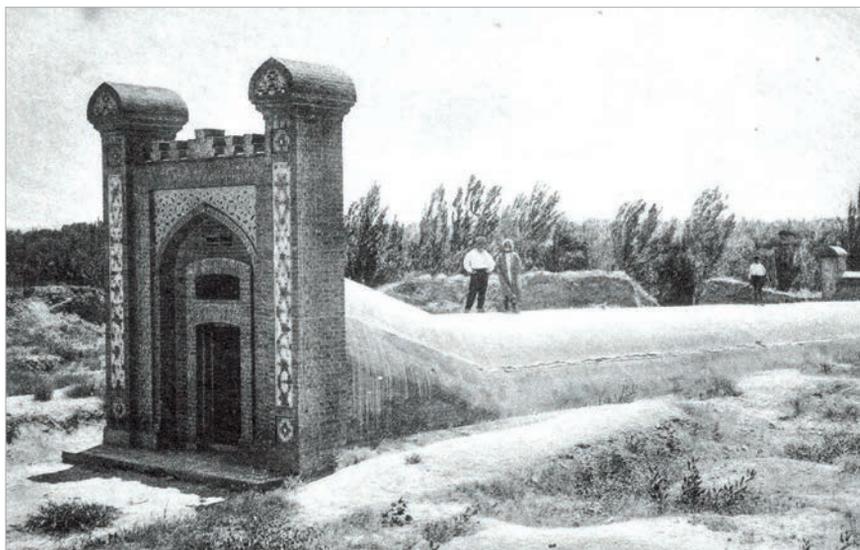
В 1927 году увидела свет книга В.Л.Вяткина «Афрасиаб - городище бывшего Самарканда». Критики были единодушны, отмечая ценность сосредоточенных в ней фактического материала и научно важных наблюдений автора. Констатировались и менее выразительные места книги и особенно недостаток в ней более широких исторических обобщений. Здесь сказывалось, конечно, то, что автор книги являлся археологом-самоучкой и требовать от него более совершенной методологии и методики археологических изысканий - качеств, только обретавших свое значение в масштабах всей страны, - было бы неправомерно*. Да к тому же все сделанное Вяткиным на поприще археологии Самарканда и его округи само по себе давало ему право на признание его несомненных заслуг.

В последние годы жизни Вяткин принимал участие в археологических изысканиях и вне Самарканда (учет памятников старины в Бухаре, обследование здесь же мавзолея Исмаила Самани, раскопки на землях древнего Термеза, описание памятников древности в Хорезме и т. д.).

Наши представления о Вяткине были бы неполными без учета данных о его участии в общественно-культурной педагогической деятельности. Он был одним из инициаторов открытия первой в Туркестане мусульманской библиотеки-читальни в старинном медресе Улугбека (1908 г.) и вечерних курсов по изучению узбекского языка (1909 г.).

В 1918 году был издан его «Учебник узбекского языка для русских школ» (второе издание - в 1923 г.). Его перу принадлежали

**Кстати сказать, в архиве Вяткина хранится множество черновых набросков к более обширному труду по древностям Афрасиаба.*

Самарканд. 1929 г. Внешний вид остатков обсерватории Улугбека

и учебники по персидскому языку. Он был также одним из преподавателей Самаркандского института просвещения (Инпроса).

В том же году В.Л.Вяткин был избран почетным членом Туркестанского народного университета (Ташкент), а позднее - почетным членом первого (по времени открытия) в Туркестане высшего светского учебного заведения - Восточного института.

До конца жизни Вяткин оставался руководителем и гидом множества экскурсий, как для местного населения, так и для гостей города, по памятникам Самарканда, видел в этом долг старейшего краеведа.

Скончался Василий Лаврентьевич Вяткин 26 июня 1932 года. В знак внимания к его научным и общественным заслугам он был похоронен на Регистане - центральной площади Самарканда. А в 1934 году останки его были перенесены к месту открытия им руин обсерватории Улугбека и в наши дни перезахоронены вновь.

Согласно воле покойного, собранные им коллекции предметов древности, находившиеся в его личном владении, были переданы родному для Вяткина самаркандскому музею.

Посмертно был опубликован подготовленный им к печати вакуфный документ самаркандского мавзолея XV века Ишрат-хана - династической усыпальницы женщин и детей из рода Тимуридов. Текст документа проливал дополнительный свет на воссоздание былого облика мавзолея и на социально-экономическую жизнь того времени⁶.

Выше нам уже приходилось отмечать, с каким вниманием и одобрением воспринимали видные ученые России энергичную и многопользную деятельность Вяткина.

Характерен пример с выдающимся востоковедом-индологом и знатоком культуры и искусства Востока академиком С.В.Ольденбургом. Когда в 1932 году ему довелось побывать в Самарканде, он «искренне сожалел, что не застал уже в живых глубочайшего и непревзойденного знатока Самарканда и его памятников В.Л.Вяткина». В личном письме в Петербург С.Ф.Ольденбург писал: «Был в Самарканде. Мало времени, но много впечатлений. Посетил созданный хлопотами Вяткина музей, беседовал с местными краеведами, слушал их восторженные отзывы о Вяткине. Потом подумалось, что путь в науку не всегда и не обязательно связан с университетским значком. Суть в том, чтобы прирожденные автодидакты накапливали добротный запас знаний, обладали любовью к делу, преданностью науке, остальное приложится»⁷. Василий Лаврентьевич Вяткин - наглядное тому подтверждение.

В дополнение ко всему справедливо будет особо отметить и подчеркнуть, что Василий Лаврентьевич Вяткин был, несомненно, одним из самых видных и ярких представителей массового краеведческого движения, набравшего силу в конце XIX - начале XX веков по всей России и палачески разгромленного в начале 1930-х годов репрессивными органами сталинизма по указке сверху.

⁶Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1911. С. 263. Позднее другой видный востоковед проф. А.Ю.Якубовский также

отметит ценность работ Вяткина «по богатству собранных им материалов». *Якубовский А.Ю.* Из истории археологического изучения Самарканда // Труды Отдела истории культуры и искусств Востока Государственного Эрмитажа. Том II. Л., 1940. С. 303.

²*Назирова Н.Н.* Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

³Подробнее см.: Перечень восточных рукописей В.Л.Вяткина / Составитель Б.С.Сергеев // Труды государственной публичной библиотеки УзССР. Том I. Ташкент, 1935. С. 60-62; Собрание восточных рукописей В.Л.Вяткина и изучение дервишской литературы // Там же. С. 49-51 (А.А.Молчанов); *Бетгер Е.К.* Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина // Труды Ташкентского государственного университета, археология Средней Азии. Том V. Ташкент, 1960. С. 124-127; *Лунин Б.В.* Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1962. №6. С. 30-39; *Гулямов Я.Г.* Воспоминания о В.Л.Вяткине // Там же. 1969. №11. С. 45-49.

⁴Новейшее описание квадранта и остатков самой обсерватории см.: *Нильсен В.А.* Обсерватория Улугбека в Самарканде. Ташкент, 1986. С. 50.

⁵*Вяткин В.Л.* Отчет о раскопках обсерватории Мирзы Улугбека // Известия Русского комитета для изучения Средней Азии. №11. Серия II. СПб., 1912.

⁶*Вяткин В.Л.* Вакуфный документ Ишрат-хана // Мавзолей Ишрат-хана. Монографический сборник. Ташкент, 1958. С. 109-136.

⁷Архив ЦГАЛИ. Ф. 79. Д. 12. Л. 3.

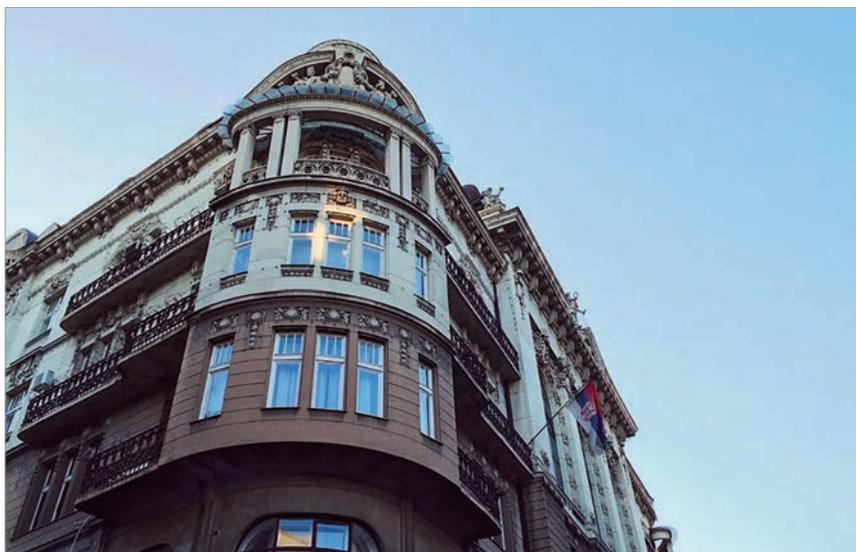
РУССКАЯ НАУКА И ИСКУССТВО В СЕРБИИ

Марина Сорокина

ИСТОРИЧЕСКАЯ рубежность эпох часто осознается современниками ретроспективно. Однако переход от XIX к XX веку почти сразу был воспринят ими как судьбоносный и для Европы, и для России, и Сербии в частности. Этому способствовали не только апокалиптические настроения общества и правящих элит, всегда сопутствующие концу века, но и реальные изменения социально-политической карты Европы, главным из которых стало резкое расширение коммуникативного пространства континента за счет разрушения старых империй и появления новых национальных государств. Одновременное изменение технологической составляющей этого процесса - техническая революция в средствах коммуникации - парадоксально делало это расширяющееся пространство более связанным и взаимозависимым.

Этот общий процесс в полной мере затронул и научное сообщество. Коммуникативная среда европейской науки претерпела существенную трансформацию: активно заявило о себе российское национальное научное сообщество, впервые осознавшее себя в этом качестве на рубеже XIX-XX веков, появился

Марина Сорокина - кандидат исторических наук.

Сербская академия наук и искусств (САНИ)

масштабный славянский научный мир, в научное сообщество стали вливаться специалисты азиатских стран (Японии, Китая и др.), а кроме того, важнейшим фактором развития научного знания и новых научных программ стало взаимодействие и взаимовлияние американского и европейского научных сообществ.

В свою очередь, значительно изменился и характер международных научных отношений. Несмотря на сохранение традиционных инструментов общения (стажировки, конференции, публикации, личные связи, совместные проекты), понимание необходимости полномасштабных преобразований этих отношений выводило на первое место коммуникационные стратегии как практическую проблему мирового научного сообщества. Проблема оказалась тем более важной, что начало XX века ознаменовалось глобальными социально-политическими катаклизмами, вызвавшими значительные миграции населения, в том числе и научных специалистов.

Трансформация коммуникационных стратегий означала появление на национальном и персональном уровнях категорий «вы-

бора» и «перспективы». Оставаться ли в рамках старой традиции или следовать в русле новой и какие инструменты применить для поддержания выбора - решение этих вполне конкретных вопросов нередко определяло как научную карьеру ученого, так и национальных научных сообществ в целом. Как в условиях социально-политических и военных кризисов персональная коммуникативная стратегия отдельного исследователя сочеталась и сочетается со стратегией научных дисциплин, научного сообщества в целом и национального научного сообщества в частности - вопрос целой исследовательской программы. В настоящей статье на материале взаимодействия российской научной диаспоры и научного сообщества Сербии мы только намечаем некоторые подходы к его решению и предполагаем связать этот вопрос с проблемой артикуляции идентичности ученого-беженца.

На протяжении многих десятилетий Белград единодушно, хотя и с разными акцентами, описывается историками разных школ, стран и поколений как один из центров российского научного зарубежья наряду с Берлином, Прагой, Парижем и другими европейскими столицами, принявшими российских беженцев в 1919-1921 годах. Правда, ни один из исследователей специально не разъясняет, каково содержание понятия «центр научного зарубежья» и каковы критерии отнесения того или иного локуса к такому центру. Тем не менее из общего изложения проблемы понятно, что в качестве центров рассматриваются те города, в которых имелось сколько-нибудь значимое количество российских ученых-беженцев и эмигрантских научных учреждений, обществ и периодической печати.

Ограниченность такого подхода сегодня очевидна. Он почти не учитывает результаты собственно научной деятельности эмигрантских институций, которые служили в то время не столько науке, сколько являлись прежде всего инструментом поддержания социальных связей внутри научного сообщества и диаспоры в целом.

Таким образом, понятие «российское научное зарубежье» редуцируется до круга персоналий и учреждений, непосредственно связанных именно с эмигрантскими организациями, в то время как многие российские ученые-беженцы сделали успешную индивидуальную карьеру в научных институтах стран пребывания без непосредственной опоры на эмигрантские ресурсы¹.

Никодим Павлович Кондаков

Достаточно напомнить судьбу самого успешного коллективного научного проекта российского научного зарубежья - Археологического института им. Н.П.Кондакова. Созданный в 1925 году в Праге как Семинарий им. Н.П.Кондакова, а затем продолживший свою деятельность в Белграде, он исходно - материально и статусно - был связан с Министерством иностранных дел Чехословакии, различными зарубежными и международными научными организациями, частными лицами, но никак не с русскими эмигрантскими учреждениями.

Недостаточная разработанность терминологического аппарата для описания истории диаспор - весьма характерная черта современного историографического дискурса. Исследователи по-разному толкуют даже сами термины «эмиграция» и «зарубежье». Так, одни полагают, что «русская эмиграция» - как культурно-исторический феномен - завершила свое существование с концом Второй мировой войны (М.Раев, В.Берелович и др.). Их оппоненты считают ровно наоборот - в первой половине XX века

российская диаспора только начала свое динамичное развитие. Многие исследователи по-прежнему говорят о «трех волнах» эмиграции, хотя, например, исследования Е.И.Пивовара и ряда других историков убедительно и аргументировано развивают и обосновывают более широкую концепцию «пяти волн»².

Судьба российского зарубежья, в том числе и научного, также по-разному трактуется российскими и зарубежными историками. Российские исследователи рассматривают ее как неотъемлемую составную часть внутренней истории Российской империи/СССР, как историю прежде всего потерь и страданий; зарубежные - как часть «своей», акцентируя проблемы «помощи» и «вклада». Только в последнее время стали появляться работы, анализирующие весь спектр амбивалентных отношений любой диаспоры и принявшей ее страны и общества - от вопросов взаимодействия и интеграции до конфликтов и противостояния³.

К сожалению, российская историография не располагает ни одной монографией, анализирующей историю становления российской научной диаспоры как самостоятельный феномен; отсутствуют сводные списки русских научных учреждений и центров за границей, биографические справочники научных работников, полные библиографии их трудов и т. д. Образ «российского научного зарубежья» распадается пока на биографии и достижения отдельных представителей научной диаспоры.

История российской научной диаспоры в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) / Югославии, хотя и не является исключением в этом вопросе, все же описана в целом намного подробнее, чем в других странах. Сформировавшиеся на сегодня исторические нарративы поддерживаются, с одной стороны, разработками представителей российской диаспоры (работы А.Б.Арсеньева, Т.В.Пушкадии-Рыбкиной и др.)⁴ и российских ученых (труды Е.П.Аксеновой, В.Д.Козлитина, В.И.Косика и др.)⁵, а с другой - усилиями югославских/сербских, словенских и других исследователей (М.Йованович, Т.Миленкович, А.Петрович и др.)⁶.

Несмотря на известную разницу в подходах к анализу исторического материала, все они обращают внимание на факт значительного количества российских ученых-эмигрантов, избранных в Сербскую королевскую академию наук / Сербскую академию наук и искусств (САНИ), и интерпретируют его как признание научным сообществом Югославии большого вклада российских мигрантов в развитие национальной и мировой науки.

Действительно, если существенным критерием «научного центра» диаспоры считать количество ученых-мигрантов, избранных в местную академию наук (или аналогичное по значимости общество), то Белград вполне может быть назван одним из главных центров российского научного зарубежья. Только до Второй мировой войны членами Сербской академии разного статуса было избрано восемь российских исследователей; еще больше россиян, покинувших родину в первой половине XX века, получили признание в академии после Второй мировой войны. В пропорциональном отношении ни одна национальная группа Югославии не была столь многочисленна в этом научном центре, как российские эмигранты. Это настоящий историко-научный феномен, особенно, если учесть, что в КСХС в тот период не было русской высшей школы*.

Между тем, несмотря на наличие прекрасного интернет-сайта САНИ⁷, содержащего исчерпывающие сведения о членах Сербской академии, исследователи по-прежнему называют разное количество избранных россиян. Показательно, что часть имен просто игнорируется. На наш взгляд, за этим, казалось бы, незначительным фактом стоит исторически мотивированное концептуальное расхождение в понимании объема и содержания понятия «научная диаспора», а также ее места и роли в современном мире.

В 20-х годах XX века КСХС являлось одним из наиболее крупных российских эмигрантских центров в Европе. По раз-

**По этому показателю с КСХС / Югославией могут сравниваться только США, но там и Академия наук имеет другие функции и совершенно иной статус в научном сообществе.*

ным подсчетам, в этот период в нем проживало от 25 до 35 тыс. русских беженцев. Профессиональная структура российской диаспоры была весьма примечательной: более 60% составляли военнослужащие, более 30% - представители интеллектуального труда и только 5% русских беженцев зарабатывали физическим трудом⁸.

Особенностью российских беженцев в КСХС был их высокий образовательный уровень. По данным переписи 1922 года, более 70% русских, прибывших в КСХС, имели высшее и среднее образование. В страну приехали 88 университетских преподавателей, 836 инженеров, 108 агрономов, 370 учителей средних учебных заведений, 185 врачей, 401 юрист и судья, 133 адвоката, 150 деятелей искусства⁹.

В университетах КСХС, по данным М.Йовановича, преподавали свыше 100 русских профессоров и ученых, только в Белградском университете их было более 70¹⁰. Такой значительный приток российских кадров стал возможен во многом благодаря тому, что проблемы российских беженцев в КСХС решались на самом высоком правительственном уровне в силу устойчивого русофильства значительной части сербской элиты, видевшей в приезжавших большой интеллектуальный ресурс. Поэтому в КСХС, в отличие, например, от западноевропейских стран, свидетельства и дипломы об образовании, научные степени, полученные в России до 1917 года, считались имеющими законную силу.

Российские подданные имели и ряд других преимуществ. До конца 1920 года у них было право свободного выбора места жительства (с лета 1920 г. - за исключением нескольких крупных городов), свободы передвижения по стране, занятия должностей в армии и государственном аппарате. В то же время закон о югославском гражданстве запрещал принимать иностранцев на постоянную работу в государственные учреждения, поэтому российские эмигранты подписывали временные контракты с оговоренной суммой жалованья, а право на гражданство они могли приобрести через несколько лет. Эта тенденция изменилась в

1928 году, когда ученым-эмигрантам, принявшим югославское подданство, в трудовой стаж засчитывались и их служба в России, и контрактная служба в Югославии. Тем не менее многие выходцы из России, несмотря на материальные и социальные потери, предпочитали сохранять российское гражданство.

Академические организации ученых-беженцев также создавались прежде всего для сохранения кадров национальной науки для будущей России. Даже Русский научный институт в Белграде, основанный 16 сентября 1928 года, в первые пять лет своего существования размещавшийся в здании Сербской королевской академии наук, финансируемый правительством КСХС и вскоре ставший ведущим научным центром российской диаспоры, ориентировался прежде всего на «русское будущее» и минимально взаимодействовал с сербскими научными институтами.

Известный американский историк российского происхождения Марк Раев, отмечая высокую активность российских ученых в Югославии, тем не менее считал, что русский научный Белград значительно уступал по созидательности Берлину, Парижу и Праге. С глухой ссылкой на анонимных «приезжавших лекторов» он подчеркивал провинциальность Русского научного института и узость интересов его членов и белградских российских эмигрантов в целом, «интеллектуальный изоляционизм» некоторых известных ученых (например, академика П.Б.Струве) и даже объяснял эти фактами то, что большинство ученых «легко вливались в структуру югославского общества»¹¹.

Пётр Бернгардович Струве

Несомненно, близость языка и веры, а также поддержка властных структур и общественных деятелей КСХС позволили многим российским беженцам-интеллигентам достаточно бы-

стро адаптироваться к новой социальной среде. Но правда и то, что, в отличие, например, от Франции, российская диаспора в КСХС в целом была замкнута на себя и не принимала активного участия в общественной жизни сербов и других югославянских народов. В то же время именно ученые сумели преодолеть известный диаспоральный изоляционизм и были приняты местным научным сообществом, с которым быстро нашли общий язык. Безусловно, профессиональная интеграция способствовала и менее болезненной психологической адаптации к изгнанию, и продуктивному продолжению своих научных исследований, равных или даже превосходивших достижения в России.

Конечно, процесс имплантации в новое научное сообщество был сложным и не обходился без конфликтов. Так, еще в 1919 году руководство медицинского факультета Белградского университета отказалось принять физиолога Б.П.Бабкина и патолога и геронтолога В.Г.Коренчевского, уехавших в Лондон. Два других «отказника» - профессора А.К.Медведев (физиологическая химия) и А.Ф.Маньковский (гистология и эмбриология) - уехали в Софию (Болгария). Российские гуманитарии, прежде всего историки и историки церкви, в письмах очень жаловались на непонимание и недоброжелательность белградской атмосферы¹².

И все же сербская научная элита в целом осознавала позитивное стимулирующее значение прихода российских специалистов, что, в частности, выразилось в выдвижении некоторых из них в Сербскую королевскую академию наук. Избрание российских ученых-беженцев в академию символизировало, с одной стороны, историческую преемственность традиции связи культур и интеллектуальных элит двух стран. В дореволюционный период почетным членом Сербской королевской академии наук был писатель Л.Н.Толстой. Среди избранных в разные категории членов были известные российские ученые и писатели: И.С.Аксаков, Ф.И.Буслаев, В.Г.Васильевский, А.Н.Веселовский и др. Уже в постсоветское время членом академии стал писатель, лауреат Нобелевской премии А.И.Солженицын.

С другой стороны, избрание российских ученых - политических изгнанников в своей стране было демонстрацией корпоративной солидарности и поддержки их со стороны югославянского научного сообщества. Эта солидарность не осталась незамеченной в большевистской Москве и при организации пышного празднования 250-летнего юбилея Российской академии наук (переименованной в 1925 г. в Академию наук СССР), Народный комиссариат иностранных дел СССР дал указание не приглашать на торжества ученых из Балканских стран¹³.

Первым из россиян членом-корреспондентом Сербской академии наук был избран уже в 1921 году известный филолог-славист С.М.Кульбакин (1873-1941 гг.), буквально в момент своего выезда из России в 1919 году ставший членом-корреспондентом Российской академии наук. Несомненно, избрание Кульбакина было во многом обязано его многолетней дружбе и сотрудничеству с профессором А.Беличем¹⁴. Всего через четыре года, в 1925 году, Кульбакин был избран уже действительным членом академии и до 1941 года вел активную научную работу в Белграде. В свою очередь, АН СССР еще 15 декабря 1928 года исключила его из своего состава «ввиду утраты связи». Только в марте 1990 года постановлением общего собрания АН СССР С.М.Кульбакин был восстановлен в звании действительного члена академии.

В 1926 году состав Сербской академии наук пополнился математиком А.Д.Билимовичем (1879-1970 гг.), в 1932 году - геологом В.Д.Ласкаревым (1868-1954 гг.) и правоведом Ф.В.Тарановским (1875-1936 гг.), в 1934 году - математиком Н.Н.Салтыковым (1872-1961 гг.) и правоведом Е.В.Спекторским (1875-1951 гг.).

Количественный пик избрания российских ученых пришелся на 1932-1934 годы, то есть наступил примерно через десять лет их «укоренения» в КСХС, что исключает спекуляции о доминировании исключительно личных связей в практике избрания. По сути, все российские специалисты приехали в королевство уже в ранге профессоров российских университетов, в основном Харькова и Одессы, и пропорционально представляли гуманитарные и естественные науки. Интересно, что в отличие от многих

коллег, осевших в других частях Европы, Китая и Америки и вынужденных неоднократно менять страну пребывания, почти все крупные российские ученые-беженцы навсегда связали свою профессиональную и личную судьбу с Югославией/Сербией, став основателями и директорами академических институтов, и закончили свой жизненный путь там же.

В то же время почти никто из исследователей истории российской эмиграции в Югославии не упоминает, что наряду с указанной группой ученых в довоенный период иностранными членами

Михаил Иванович Ростовцев

Сербской академии стали еще два российских специалиста-эмигранта - выдающийся историк-византист А.А.Васильев (1867-1953 гг.) и правовед Б.С.Миркин-Гецевич (1892-1955 гг.). Каждый из них сделал индивидуальную научную карьеру в зарубежье, не связанную с русскими эмигрантскими учреждениями, но опиравшуюся на их личные международные научные связи.

Профессор всеобщей истории Юрьевского* и Петроградского университетов, выдающийся

специалист в области древнехристианской и византийской археологии и истории А.А.Васильев остался в США в ходеграничной командировки в 1925 году. Он стал «невозвращенцем» уже в статусе члена-корреспондента АН СССР. Так же, как и С.М.Кульбакина, его исключили из академии, но десять лет спустя, уже в годы разворачивавшегося Большого террора**.

*Ныне Тартуский университет в Эстонии.

**Исключен из числа членов-корреспондентов АН СССР 2 июня 1935 г. Президиумом АН СССР. 22 марта 1990 г. постановлением общего собрания АН СССР восстановлен в звании члена-корреспондента.

С 1925 по 1939 год А.А.Васильев заведовал кафедрой древней истории в Висконсинском университете в Мэдисоне. Вместе с академиком М.И.Ростовцевым он принимал участие в создании и деятельности Археологического института им. Н.П.Кондакова в Праге и Белграде, а в 1936 году был его президентом. Членом-корреспондентом Сербской академии наук А.А.Васильев был избран в 1934 году, в 1948 году он был уже назван действительным членом академии. Как видно из этой краткой справки, на протяжении многих лет профессор Васильев являлся своего рода

Николай Антонович Пушин

живым связующим звеном между российскими учеными-эмигрантами и их коллегами из западного и балканского научных сообществ.

Похожая судьба и предназначение были у эмигрировавшего в 1920 году из России во Францию Б.С.Миркина-Гецевича. Помимо преподавания в российских и французских высших учебных заведениях, он был в 1932-1936 годах вице-директором Международного института истории Французской революции, а после отъезда в 1941 году в США - директором Института сравнительного правоведения при Новой школе социальных наук в Нью-Йорке и вице-президентом Международной лиги по правам человека. В 1937 году Миркин-Гецевич был избран членом-корреспондентом Сербской академии наук, а в 1948 году - действительным членом академии.

Сразу после Второй мировой войны, в 1946-1948 годах, в составе Сербской академии наук и искусств появились еще несколько

бывших российских ученых: химик Н.А.Пушин (1875-1947 гг.), инженер-механик В.В.Фармаковский (1880-1954 гг.), византолог Г.А.Острогорский (1902-1976 гг.). В 1955 году в состав академии вошли инженер-механик Я.М.Хлытчичев (1886-1963 гг.) и лингвист Р.О.Якобсон (1896-1982 гг.), в 1958 году - специалист в области прикладной механики К.П.Воронец (1902-1974 гг.), в 1959 году - археолог и историк Андре Грабар (1896-1990 гг.), в 1988 году иностранным членом академии стал историк Д.Оболенский (1918-2001 гг.). Наконец, нельзя не упомянуть и о слависте И.Г.Грицкат-Радулович (1922-2009 гг.) - члене-корреспонденте Сербской академии с 1978 года, действительном члене с 1985 года, которая родилась уже в Белграде, но всегда подчеркивала свое происхождение из семьи русских эмигрантов.

Конечно, с точки зрения формирования профессиональной идентичности послевоенное поколение российских по происхождению ученых существенно отличалось от довоенного. Многие из них выросли уже в общественной и интеллектуальной атмосфере диаспоры и/или зарубежных стран, получили там образование, научный статус и контакты и идентифицировали себя с научными сообществами стран пребывания. Но подавляющее большинство из них продолжали определять свою культурную идентичность как русскую/российскую. В то же время нельзя не согласиться с мнением А.Петровича, что членство русских эмигрантов в Сербской академии наук может служить мерилем их общего значения в сербской культуре, а влияние этой группы - примером удачной интеграции и взаимодействия сербской и русской культур в общем прошлом¹⁵.

Конечно, было бы интересно детальнее изучить процесс выдвижения российских кандидатур в члены академии: кто, когда и с какой аргументацией их предлагал, какие отзывы приходили, кто оппонировал кандидатам и т. п. Немаловажно при этом обратить внимание на то, как в рамках избирательного процесса учитывались вопросы гражданства, а также на то, как складывались судьбы семей ученых. Одним словом, программа изучения бытования российской научной диаспоры в динамическом взаимодействии

с сербским научным сообществом могла бы быть продолжена как позитивный пример формирования новой научной (персональной и институциональной) среды в условиях кризиса.

Характерно, что после Второй мировой войны Сербская академия наук и искусств, наряду с избранием в свой состав представителей научного сообщества СССР, продолжала пополнять свои ряды и учеными российского происхождения, вынужденно покинувшими родину по политическим причинам. Тем самым коммуникативная стратегия академии на поддержание традиционной связи с российским научным сообществом, где бы ни находились его представители, получала полномасштабную реализацию в этот период и способствовала прогрессу славянского научного мира.

¹См.: *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 75-94; *Сорокина М.Ю.* Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». Пилотный выпуск 1: Медицинские науки. XIX - первая половина XX в. М., 2010; *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». Пилотный выпуск 2: Психологические науки. XIX - первая половина XX в. М., 2010; *Сорокина М.Ю.* Указ. соч. Пилотный выпуск 3: Востоковедение. XIX - первая половина XX в. М., 2010.

²См.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

³См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940. М., 2005; *Ронин В.К.* Русское Конго: 1870-1970: В 2 т. М., 2009; *Kröhn C.-D.* Intellectuals in Exile: Refugee Scholars and the New School for Social Research. Amherst, 1993; *Gousseff-Klein C.* L'exil russe. La fabrique de réfugié apatride (1920-1939). P., 2008; и др.

⁴*Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; *Пушкадия-Рыбкина Т.В.* Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007.

⁵См.: *Аксенова Е.П.* К истории русской научной эмиграции в Югославии: (Письма А.Л.Погодина А.В.Флоровскому // Славяноведение. 1995. №4; *Аксенова Е.П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В.Флоровского) // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии.

1919-1945. Харьков, 1996; *Ульянкина Т.И.* Русская академическая эмиграция в Сербии: обзор довоенного периода 1919-1938 гг. // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX - первая половина XX в. СПб., 2009; Русские в Сербии / Отв. ред. А.А.Максаков. Белград, 2009.

⁶*Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии, 1921-1940 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; *Петрович А.* Мост, через который еще предстоит перейти: Русские ученые - члены Сербской академии наук после Октябрьской революции // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX - первая половина XX в. СПб., 2009. С. 77-88.

⁷См.: <http://www.sanu.ac.rs/>

⁸*Денда Д.* Русские беженцы в югославской армии, 1919-1941: к вопросу о деятельности русской эмиграции в Югославии // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009. См. также: В поисках лучшей доли: Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: вторая половина XIX - первая половина XX в. М., 2009.

⁹*Миленкович Т.* Указ. соч. С. 136.

¹⁰*Йованович М.* Указ. соч. С. 332.

¹¹*Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С. 88.

¹²*Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 - начало 1930-х гг.). М., 2004. С. 200.

¹³Подробнее см.: *Сорокина М.Ю.* Двухсотлетний юбилей Академии наук // На переломе: Отечественная наука в конце XIX-XX вв. Вып. 3. СПб., 2005. С. 206-235.

¹⁴*Гудков В.П.* Степан Михайлович Кульбакин и Александр Белич // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 167-173.

¹⁵*Петрович А.* Указ. соч. С. 79.

АЛЕКСАНДР МЕЙЕНДОРФ: УЧЕНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Наталья Масоликова

ДЛЯ ТОГО, чьи интересы, профессиональные или личные, связаны с русской эмиграцией начала XX века, надгробие с православным крестом в другой стране вызывает еще более «точечное» чувство - родства и нескрываемой потребности «знакомства». Впрочем, крест на могилах российских оказывается разным... А вот имя по-русски - практически на каждом захоронении... Поэтому, посещая ли сельские церковные кладбища в Англии, например, или городское Ольшанское кладбище в Праге (Чехия), продолжаешь работать, внутренне успокаиваясь и отдыхая, и отдыхаешь, работая эмоционально. А иногда и физически. Многие могилы уже давно не имеют своих посетителей. Иногда внешний вид захоронений удручает до такой степени, что автоматически берешься за щетку, ведро воды, перчатки и - за работу... Именно такая история-встреча произошла у нас на юго-востоке Великобритании, в графстве Дэвон, в одном из городов Английской Ривьеры - Пейнтоне.

Сегодня на надгробии русского эмигранта Александра Феликсовича фон Мейендорфа (1869-1964 гг.), нашедшего по-

Наталья Масоликова - историк.

следний приют на тихом и уютном кладбище города Пэйнтон, с видом на океан, среди реликтовых сосен и кипарисов, надпись вновь стала хорошо читаемой, а надгробие - по-английски «сухо», но одновременно идеально ухоженным.

Ученый-правовед, специалист по аграрному законодательству России, барон фон Мейендорф принадлежал известному роду балтийских немцев, который многие столетия верой и правдой служил России. Выдающийся общественный деятель, депутат III и IV Государственных дум, заместитель председателя III Государственной думы, один из основателей партии «Союз 17 Октября», он был одним из тех интеллектуалов, коммуникаторов между наукой и властью, между высшей российской бюрократией и профессурой, которые пытались объединить различные группы российской элиты в интересах модернизации России и превращения ее в современную европейскую державу.

Александр фон Мейендорф родился 29 марта / 10 апреля 1869 года в городе Баден-Баден (Германия), где его отец - дипломат Феликс Казимирович Мейендорф (1834-1871 гг.), много сделавший для установления дипломатических отношений между Россией и Саксен-Веймаром и открытия там дипломатической миссии, служил российским посланником в Веймаре (1867-1870 гг.) и Ганновере (1870-1871 гг.).

Мейендорфы принадлежали к одной из ветвей древнего рода лифляндских дворян - баронов фон Иксулей, известного с начала XIII столетия. Как тесно в судьбе этого рода переплелись исторические предания, традиции, символика и современная жизнь, красноречиво говорит тот факт, что до сегодняшнего дня на древних иксульских землях сохранился памятный камень в честь рода Мейендорфов. Он стоит на острове святого Мейнарда, в 28 км от Риги на территории современной Латвийской Республики, на месте древнего селения ливов Икшкле, и предположительно установлен в 1864 году.

В течение многих столетий Мейендорфы состояли на военной, дипломатической и гражданской службе в Российской империи и занимали высокое положение в российской государственной элите.

Их ветвь отделилась от древа Иксулей в конце XV века, а после окончания Северной войны (1700-1721 гг.), когда территории Эстляндии и Лифляндии отошли к России, род фон Мейендорфов был внесен в дворянские матрикулы Эстляндской (1746 г.), Лифляндской (1747 г.) и Курляндской (1793 г.) губерний Российской империи¹.

Военная карьера как основа статусного роста преобладала среди профессиональных приоритетов мужской части рода. Так, Рейнгольд Иоганн фон

Мейендорф (1706-1776 гг.) служил в лейб-гвардии Измайловском полку, участвовал в Русско-турецкой (1735-1739 гг.) и Русско-шведской войнах (1741-1743 гг.), затем был назначен вице-губернатором Риги (1762-1776 гг.). Генерал-лейтенант Казимир фон Мейендорф (1749-1813 гг.) стал лифляндским генерал-губернатором, а затем гражданским губернатором Финляндии и военным губернатором Выборга (1803-1805). Генерал-лейтенант Федор фон Мейендорф (1842-1911 гг.) был комендантом Императорской Главной квартиры, а генерал-лейтенант Александр фон Мейендорф (1848-1907 гг.) - командиром Собственного Его Императорского Величества конвоя в 1893-1906 годах.

Служба на дипломатическом поприще была семейным профессиональным выбором той части рода Мейендорфов, к

Барон Александр Феликсович Мейендорф

которой непосредственно принадлежал Александр Феликсович. Барон Эрнст фон Мейендорф (1836-1902 гг.) служил секретарем российских посольств в Берлине и Риме, посланником в Португалии (1896-1899 гг.). Барон Петр фон Мейендорф (1796-1863 гг.), двоюродный дед Александра, в ранге Чрезвычайного Посланника и полномочного министра Российской империи провел многие годы в Штутгарте (1832-1839), Пруссии (1839-1850 гг.) и Вене (1850-1854 гг.). Как писал известный генеалог князь П.В.Долгоруков, «один русский сановник прекрасно определил барона Петра Казимировича, сказав о нем: «Барон Мейендорф - человек умный и ученый, он знает все в мире, за исключением России, о которой не имеет никакого понятия». Это очень ловкий дипломат, с его собственной точки зрения, но дипломат старой, и даже очень старой школы, ученик и подражатель тех, кто на Венском конгрессе резали на части нации, чтобы дать столько-то и столько-то тысяч душ тому или иному государю. <...> Барон Петр Казимирович - враг идей либеральных: особенно ему противно равенство перед законом. Он - один из тех, кто думает, что одни дворяне - люди...»².

По отзыву «железного канцлера» Германской империи князя Отто фон Бисмарка (1815-1898 гг.), фон Мейендорф был «самое симпатичное, с моей точки зрения, явление среди дипломатов старшего поколения. Он был в свое время посланником в Берлине и по образованию и утонченным манерам принадлежал, скорее, александровскому времени. В ту пору он благодаря уму и храбрости выбился из положения молодого офицера армейского полка, с которым проделал французские походы, до уровня государственного деятеля, к слову которого внимательно прислушивался император Николай. Гостеприимный дом Мейендорфа как в Берлине, так и в Петербурге был местом, куда приятно было прийти, чему немало способствовала его супруга, по-мужски умная женщина...»³.

Другой дед Александра фон Мейендорфа - барон Егор фон Мейендорф (1794-1863 гг.), участник наполеоновских войн 1812-1813 годов, был членом российского посольства в Бухаре в

1820 году и написал об этом знаменитую книгу «Путешествие из Оренбурга в Бухару»⁴. Его дочь Жоржина (1836-1897 гг.) стала матерью другого выдающегося российского дипломата - народного комиссара по иностранным делам СССР Георгия Васильевича Чичерина (1872-1936 гг.), троюродного брата Александра Феликсовича⁵.

Дипломатическую династию Мейендорфов продолжил и отец Александра - Феликс Казимирович фон Мейендорф (1834-1871 гг.). Он начинал свою профессиональную карьеру в Варшаве, где служил у наместника Царства Польского князя Михаила Дмитриевича Горчакова (1793-1861 гг.), деда П.А.Столыпина⁶. В октябре 1857 года Феликс Казимирович женился на дочери своего шефа, 19-летней княжне Ольге Михайловне Горчаковой (1837-1926 гг.)^{*}, и таким образом породнил несколько знатных и древних родов. Горчаковы имели еще более древнее происхождение, чем Мейендорфы, и наследовали Рюриковичам. Выдающийся российский дипломат и государственный деятель, канцлер князь Александр Михайлович Горчаков (1798-1883 гг.) принадлежал той же ветви князей Горчаковых, что и семья Ольги Михайловны.

О.М.Горчакова известна своими многолетними дружескими связями со знаменитым венгерским композитором Ференцем Листом (1811-1886 гг.)⁷, с которым чета Мейендорфов познакомилась в Риме осенью 1863 года⁸. Позднее их знакомство возобновилось уже в Веймаре, где они встречались на музыкальных собраниях итальянской певицы Полины Виардо (фр. Pauline Michelle Ferdinande García-Viardot; 1821-1910 гг.) - близкого друга известного русского писателя И.С.Тургенева (1818-1883 гг.). Ф.Лист находил у Ольги Михайловны незаурядный талант пианистки, считал ее своей музой и посвятил ей два произведения - «Забытый вальс» и «Вальс-экспромт». Переписка Ольги Михайловны с композитором - около 400 писем и записок на французском языке

**О.М. фон Мейендорф похоронена на некатолическом кладбище Тестаччо в Риме (Италия).*

за 1871-1886 годы, многие десятилетия хранившаяся в семейном архиве Мейендорфов, а затем приобретенная архивом Гарвардского университета (США), - была опубликована в Вашингтоне в 1979 году в переводе на английский язык и стала мировой культурно-исторической сенсацией.

Когда 37 лет от роду, в 1871 году, Феликс фон Мейендорф, служивший секретарем русской дипломатической миссии в Риме (1863-1868 гг.), а затем поверенным в делах России в Саксен-Веймаре, неожиданно скончался, он оставил вдову и четверых сыновей. Двухлетний Александр был самым младшим из них. Его братьями были Петр (1858-1918 гг.), Михаил (1861-1941 гг.) и Клеменс (1863-1885 гг.), или Клеменс-Рубенс, как за художественные способности его называл великий Ференц Лист.

Таким образом, семья Александра фон Мейендорфа представляла собой тесное переплетение нескольких старинных дворянских родов - Бахметевых, Горчаковых и Мейендорфов. Его двоюродными братьями были отец Иоанн Мейендорф (1926-1992 гг.), богослов, церковный историк, протопресвитер православной церкви в Америке, труды которого переведены на 12 языков мира, и исследователь Сахары и Большого Эрга геолог Андрей Феофилович фон Мейендорф (1918-1942 гг.).

А.Ф. фон Мейендорф был также и в отдаленном родстве с композитором Сергеем Сергеевичем Прокофьевым (1891-1953 гг.), двоюродный брат которого Александр Раевский (1885-1942 гг.) был женат на Надежде Богдановне Мейендорф (1885-1950 гг.) и за свое аристократическое в глазах советской власти происхождение провел много лет в сталинских тюрьмах (его жена также находилась в заключении и работала в 1929-1932 гг. на строительстве Беломорско-Балтийского канала).

Дитя смешанного русско-немецкого брака, Александр фон Мейендорф был крещен в православие, но всегда называл себя немцем. Дома он говорил по-французски, а учился в немецкой гимназии в Веймаре*, которую окончили и все его братья. Если

**А.Ф. фон Мейендорф учился также в гимназиях Штутгарта и Риги.*

отцовская линия Мейендорфов - военных, дипломатов и путешественников, принесла в его гены своего рода классический образец идеологии рыцарского служения высшим государственным целям, то материнская - Горчаковых - наряду с идеалами верности долгу и служения Отечеству внесла в душевный склад Александра фон Мейендорфа большую долю мягкости и романтизма.

Мальчики Мейендорфы, «Ольгин квартет», по выражению Ференца Листа⁹, фактически выросли на коленях композитора, в атмосфере музыки и любви, поэзии и театра. Сам Веймар - город Гёте и Шиллера, Гердера и Ницше, своей насыщенной духовной атмосферой порождал и стимулировал интеллектуальные и художественные интересы молодых людей. Неудивительно, что в дальнейшем Александр стал собирателем обширной библиотеки и уникальной коллекции китайского фарфора, а его брат Петр служил в Эрмитаже, был членом-учредителем Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и коллекционировал западноевропейскую живопись.

После выпуска из гимназии в 1888 году Александр фон Мейендорф учился на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, а в 1896 году получил там степень магистра права. Интересно, что сразу после окончания университета, в отличие от большинства своих однокурсников и друзей, он отправился на военную службу и в 1892-1893 годах служил вольноопределяющимся в 1-м лейб-драгунском Московском полку, откуда был уволен в запас в чине прапорщика армейской кавалерии.

В последующие годы молодой правовед Мейендорф, приват-доцент Петербургского университета (1902-1905 гг.), со-

Феликс Казимирович фон Мейендорф

средоточил свою научную работу на анализе проблем аграрного законодательства¹⁰, а параллельно занимался и вполне практическими делами: он был членом Курляндского губернского по крестьянским делам присутствия (1897-1899 гг.), служил делопроизводителем в земском отделе Министерства внутренних дел (1899-1903 гг.) и Государственной канцелярии (1903-1906 гг.). Несомненно, большой и многообразный опыт, приобретенный на земской и государственной службе, очень помог барону в определении своей политической позиции в годы Первой русской революции 1905-1907 годов. Активная деятельность в эти годы в Балтийской конституционной партии и партии «Союз 17 октября» привела А.Ф. фон Мейендорфа в парламент Российской империи. В 1907 году он избран депутатом III Государственной думы от Лифляндской губернии, а в 1907-1909 годах являлся товарищем (заместителем) ее председателя.

Пик общественно-политической карьеры барона фон Мейендорфа пришелся на годы премьерства Петра Аркадьевича Столыпина (1862-1911 гг.), его двоюродного брата*. Несмотря на то что Александр на семь лет моложе кузена, они были очень дружны и сотрудничали всю жизнь.

В недавно изданном томе переписки П.А.Столыпина опубликовано восемь его писем А.Ф. фон Мейендорфу за 1900-1910 годы из фонда последнего в Государственном архиве Российской Федерации¹¹. Интересно, что редколлегия сборника поместила их в раздел «Друзья». Действительно, Петр Столыпин обращался к своему кузену исключительно «дорогой Саша», «дорогой друг». «Ты знаешь, - писал Петр Аркадьевич, - какую теплую симпатию мы к тебе питаем и как живо нас интересует все, что тебя касается»¹². Конечно, содержание многих сохранившихся писем очень личное, семейное: так, в январе 1900 года Столыпин поздравлял кузена с помолвкой; в сентябре 1902 года

**Родная сестра матери Александра Феликсовича - княжна Наталия (урожденная Горчакова, 1827-1889 гг.) была замужем за Аркадием Дмитриевичем Столыпиным (1822-1899 гг.).*

просил у него помощи в подборе гувернантки для детей, в августе 1903 года благодарил за поздравление с рождением давно желаемого сына.

Важнейшая сквозная тема, проходящая через все письма Столыпина Мейендорфу, - «подбор кадров», как сказали бы мы сегодня, от гувернанток до министров. С последней четверти XIX века государственная служба и государственная карьера многими из образованных русских людей рассматривались как недостойное для свободно мыслящего человека поприще, что весьма отличало их от западноевропейских современников. Так, например, известный профессор Московского университета минералог Владимир Иванович Вернадский (1863-1945 гг.) был однокурсником и близким приятелем П.А.Столыпина в годы учебы на физико-математическом факультете Петербургского университета¹³.

На старте университетской жизни у молодых людей были общие интересы и приоритеты, общие преподаватели и общая среда общения - все то, что в условиях Европы и США помогало формированию команд политических и/или научных союзников на многие годы вперед. Однако траектории развития профессиональной и общественной деятельности Вернадского и Столыпина быстро разошлись, и, оказавшись во властной элите, Столыпин по-прежнему предпочитал рекрутировать свое «управляющее меньшинство», опираясь прежде всего на родственные связи.

После назначения саратовским губернатором (1903-1906 гг.), а позже министром внутренних дел и председателем Кабинета министров Столыпин постоянно искал единомышленников, соратников и помощников, но в этом поиске он - недостаточно знакомый со столичной бюрократической и научной элитой - был очень ограничен и мог доверять достаточно узкому кругу лиц. Одним из них и был кузен Александр фон Мейендорф. «Как тут дико», - восклицал Столыпин в августе 1903 года, приехав из Гродно в Саратов, и просил совета по подбору чиновников в местную администрацию¹⁴. В марте 1906 года он благодарил Мейендорфа за рекомендации «нужных мне до крайности людей»¹⁵.

В годы премьерства Столыпина Мейендорф как специалист по аграрному законодательству и эксперт по положению остзейского дворянства приглашался им в правительство, однако отклонил это предложение, как и профессор Вернадский, предпочтя заниматься проблемами переустройства современной ему России на общественном поприще. Несмотря на отказ, Мейендорф поддерживал столыпинские аграрные реформы как один из инструментов европеизации России и считал, что все преобразования необходимо основательно подкреплять соответствующим законодательством. Кроме того, он полагал, что на начальных этапах реформирования аграрного сектора нельзя игнорировать правовую традицию и правовую культуру самого крестьянства. В противном случае все попытки преобразовать отношения власти с крестьянством и крестьянства между собой могут окончиться плачевно и даже вылиться в гражданское противостояние. История, к сожалению, вполне подтвердила его прогноз.

Все годы премьерства П.А.Столыпина Мейендорф консультировал своего высокопоставленного кузена по кадровым вопросам, вполне осознанно стремясь развивать и поддерживать горизонтальные связи между различными группами российской элиты и позиционируя себя как коммуникатора между властью и научными специалистами. Так, в частности, именно он предложил на пост министра народного просвещения профессора гражданского права, директора Императорского лицея в память цесаревича Николая Льва Аристовича Кассо (1865-1914 гг.)¹⁶, с именем которого впоследствии был связан известный жесткий министерский курс в отношении либеральной профессуры и студенчества.

Как известно, впервые Столыпин заговорил о Кассо еще в конце 1907 года, когда для проведения реформы народного образования он искал замену министру П.М. фон Кауфману (1857-1926 гг.). Несмотря на то, что в этот момент выбор пал на другую кандидатуру - Александра Николаевича Шварца (1848-1915 гг.), Кассо также оставался в поле зрения Столыпина: «Все мы обязаны готовить людей и иметь помощников, способных

продолжать дело, - писал Столыпин Шварцу в декабре 1907 года. - Поэтому я и позволил себе в качестве кандидата на пост товарища министра упомянуть проф[ессора] Кассо - я его не знаю и никогда не видел, но, задавшись целью выискивать людей, я не мог не обратить внимания на все то, что слышал про настоящую культурность, образованность и благородство этого человека»¹⁷. Последние строки, несомненно, отсылают к отзыву о Кассо Александра фон Мейендорфа, который ценил его как высококвалифицированного и честного профессионала, чуждого занятиям политикой и никогда не стремившегося к карьере государственного деятеля.

Действительно, Л.А.Кассо был высокообразованным правоведом. Он учился во Франции и Германии: сначала в парижском Лицее Кондорсе, затем там же в Школе права (1883-1885 гг.), с 1885 года - на юридическом факультете Гейдельбергского университета, а впоследствии - в Берлинском университете. Здесь в 1889 году он защитил диссертацию по теме «Ответственность наследника по завещанию по римскому и современному праву». В 1894-1896 годах Л.А.Кассо, в то время экстраординарный профессор на кафедре местного права Императорского Дерптского

Михаил Дмитриевич Горчаков

университета, публиковал курс своих лекций, посвященный анализу некоторых аспектов законодательства Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний - «Обзор остзейского гражданского права». Несомненно, А.Ф. фон Мейендорф хорошо знал эту работу, ценил ее и следил за научными достижениями ее автора, что в конечном итоге и выразилось в его рекомендации П.А.Столыпину.

В июле 1910 года Столыпин дважды «доверительно» обсуждал с бароном Мейендорфом кандидатуры академика-математика Николая Яковлевича Сони́на (1849-1915 гг.) и профессора-историка Сергея Федоровича Платонова (1860-1933 гг.) на пост министра народного просвещения. «Так хотелось бы, - писал Столыпин Мейендорфу, - напасть на человека твердого, который не расстроил бы школы, не поддавался бы разным влияниям и ветеркам, и вместе с тем разумного, способного завоевать доверие родителей и общества»¹⁸. Премьер сильно колебался в отношении назначения Кассо: «Я, конечно, помнил Твой отзыв о нем, - писал он кузену, - и при настоящих обстоятельствах вспомнил о нем. Смущает меня очень уж нерусский его вид, воспитание и, кажется, «внутренний мир»¹⁹. Тем не менее в сентябре 1910 года состоялось назначение Л.А.Кассо управляющим, а в феврале 1911 года - министром народного просвещения, которым он и оставался до своей кончины в ноябре 1914 года.

В 1912 году Александр фон Мейендорф был вновь избран депутатом IV Государственной думы, где снискал репутацию активного защитника прав прибалтийских (русских) немцев. В его личном архиве сохранились многочисленные свидетельства его личного глубокого участия в судьбе русских немцев²⁰. Принципиальный и убежденный защитник гражданских прав и свобод, барон Мейендорф часто высказывался в противовес большинству, всегда выступал против «исключительных положений» и любых дискриминационных актов. Особому испытанию его гражданский патриотизм подвергся в годы Первой мировой войны, когда часть русской прессы развернула антинемецкую кампанию, направленную и против «своих» прибалтийских немцев.

Революционные и социальные катаклизмы, потрясшие Российскую империю во время Первой мировой войны, способствовали разочарованию Александра Феликсовича во многих поддерживаемых им политических проектах. Когда в 1917 году Временное правительство Российской Республики предложило ему возглавить российское посольство в Великобритании, он отказался, а зимой 1917/1918 года уехал с женой из Петрограда в Ригу. В январе 1918 года ему, одному из лидеров национального движения российских немцев и бывшему сенатору, пришлось выступить в роли парламентаря при освобождении заложников из дворянства и немецкой буржуазии Ревеля (ныне Таллин) и Юрьева (ныне Тарту). Только благодаря энергии и ходатайствам барона фон Мейендорфа заложники были освобождены, но сам он, понимая, что подобная акция, скорее всего, останется прецедентной, предпочел как можно быстрее покинуть Россию и перебраться в Великобританию.

Вторую половину своей жизни Александр фон Мейендорф провел в эмиграции, преимущественно в Великобритании. Некоторое время он разделял иллюзию многих соотечественников о возможности скорого возвращения в Россию и даже участвовал в совещании членов Учредительного собрания в Париже в январе 1921 года²¹. Однако, в отличие от тех русских эмигрантов, для которых изгнание с родины означало крушение всех жизненных идеалов и профессиональных карьер, Александр Феликсович сумел устроить свою новую жизнь.

В 1927 году он получил гражданство Латвийской Республики, где еще с 1775 года Мейендорфы владели большим рыцарским замком в поместье Кляйн-Рооп (Klein-Roop; ныне Мазстраупе (Mazstraupe). По свидетельству Манфреда Хагена, в анкете на получение гражданства о своей национальности (race) барон написал: «русский немец», а в графе «Знание языков» указал помимо русского, немецкого, французского и английского (в таком порядке) также латышский²². И хотя, по словам того же автора, барон не предпринимал серьезных попыток самостоятельно управлять остатками поместья²³, рискнем предположить, что

одной из главных мотиваций его возвращения в любимый замок была необходимость сохранения семейной усыпальницы Мейендорфов, расположенной на территории поместья. В московском архиве сохранился написанный рукой Александра Феликсовича «Список умерших членов семьи Мейендорф и план семейного кладбища в имении Малый Рооп»²⁴.

Принадлежность к очень известному в Европе роду, а также обширные научные и человеческие контакты с западноевропейскими специалистами, возникшие и поддерживавшиеся еще в России, очень помогали А.Ф. фон Мейендорфу в эмигрантские годы. Еще в 1901 году он познакомился с начинающим тогда сотрудником Прусской академии наук, а впоследствии ведущим немецким историком-русистом, основателем германского Общества по изучению России Отто Хетшем (1876-1946 гг.), который собирал документы по истории курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма I (1620-1688 гг.). При содействии барона Хетш в 1923 году издал в Лейпциге обширную публикацию дипломатических документов российского посла в Берлине и Вене с 1839 по 1854 год Петра Казимировича фон Мейендорфа²⁵. После кончины немецкого историка Александр Феликсович опубликовал теплые воспоминания о нем²⁶.

В Великобритании Мейендорф занимался переводами русских классиков²⁷, интенсивно преподавал, читал курс «Экономическое развитие России» в Лондонской экономической школе; курсы «История русского права» и «История русских окраин» - в Русском народном университете в Лондоне. Он резко критиковал экономическую политику советской власти, полагая, что большевики в своей хозяйственной жизни ориентировались не на объективные законы рынка, а на субъективное коммунистическое мировоззрение, согласно которому производство и потребление всех членов общества возможно свести к одному знаменателю²⁸. В эмиграции А.Ф. фон Мейендорф опубликовал немало научных работ в области истории и экономики России, список которых вошел в знаменитую белградскую «Библиографию русских научных трудов за рубежом»²⁹.

Вообще, интенсивные контакты с бывшими соотечественниками составляли важнейшую сущностную часть жизни семьи Мейендорфов в эмиграции. Когда в 1930 году по инициативе Е. и Н. Саблиных было образовано Англо-Русское литературное общество, стремившееся содействовать культурному сближению и культурному диалогу двух народов, его председателем был избран историк, директор Школы славяноведения сэра Бернард Перс (Bernard Pares, 1867-1949 гг.), а товарищем председателя - барон А.Ф. фон Мейендорф³⁰.

В 1930 году Александр Феликсович был удостоен степени доктора наук *honoris causa* Дарэмским университетом. В 1934 году он вышел в отставку и переехал вместе с женой в Выборг (Финляндия), где провел пять лет, до 1939 года, в имении Монрепо у своих родственников. Ввиду угрозы войны он затем вернулся в Англию, а после окончания Второй мировой войны работал в Британском музее, продолжая исследования в области истории русских революций 1917 года.

В известном Бахметевском архиве Колумбийского университета (США) хранится его небольшой личный архив, в составе которого находятся неопубликованные мемуары о жизни в России и П.А.Столыпине. Большая синяя тетрадь имеет дарственную надпись двоюродной племяннице: «Маше Столыпиной* посылаю на память эту неоконченную работу о ее незабвенном отце. Как хотелось бы, чтобы этот обломок попал к Вам не в столь тяжелое для Вас время. Любящий Вас дядя А.Мейендорф. Канун Пасхи 1949 г. Paignton. S. Dev. Англия»³¹. Эту работу А.Ф.Мейендорф писал в 1932-1947 годах.

Александр Феликсович фон Мейендорф был дважды женат: в первом браке на княжне Нине Цулукидзе (ум. в 1906 г.), во втором - на княжне Варваре Михайловне Шервашидзе (1859-1946 гг.)³². Бабо, как ее называли родные и друзья, родилась в семье послед-

**Мария Петровна фон Бок (ур. Столыпина, 1885-1985 гг.), жена Бориса Бока, морского офицера, военного атташе России в Германии, автор знаменитой книги «Воспоминания о моем отце, П.А.Столыпине».*

*Княжна Варвара Михайловна
Шервашидзе*

него владетельного князя Абхазии светлейшего князя Михаила Шервашидзе. Ее высокое происхождение способствовало тому, что и в Петербурге она жила при Дворе - до замужества была фрейлиной российской императрицы Марии Александровны (1824-1880 гг.), принцессы Гессенского дома, супруги императора Александра II и матери императора Александра III, и компаньонкой принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (1845-1925 гг.). С Александром фон Мейендорфом княжна Шервашидзе по-

знакомилась романтично и очень по-русски - зимой на катке в Петербурге. На лето супруги перебирались в Крым, где в Феодосии у них была дача. В то же время архивный фонд Мейендорфов в Москве сохранил материалы, свидетельствующие об активной общественной и благотворительной деятельности Варвары Михайловны. Список ее корреспондентов включает министров (финансов, земледелия, государственного имущества), настоятелей общин и храмов и различных обществ (Российское общество защиты женщин, Союз молодых женщин и девушек и др.). В 1929 году Варвара Михайловна начала писать мемуары - своего рода «Тифлисскую сагу», повествующую о том, как сложная история Абхазии и Грузии, вплетенная в успех и трагедию Российской империи, прошла красной нитью сквозь истории людей. Написанные по-французски и законченные в 1934 году, эти воспоминания только недавно были опубликованы по-русски³³.

Точку в этих мемуарах, однако, поставил сам барон А.Ф. фон Мейендорф, написав в 1946 году о смерти супруги. Последние годы жизни Александр Феликсович провел в доме для престаре-

лых в Лондоне, где и скончался 20 февраля 1964 года. Он завещал похоронить себя рядом с женой - на тихом и уютном кладбище курортного английского городка Пейнтон, с видом на океан, среди реликтовых сосен и кипарисов, о чем сообщал английский некролог³⁴. Представители двух древних и знатных родов, неразрывно связанных с историей России и служением ей, нашли упокоение вместе на Английской Ривьере, где столь желанные солнечные лучи Туманного Альбиона согревали их последнее пристанище. Однако этим известная до недавнего времени информация о захоронении четы Мейендорфов и исчерпывалась.

Время и отсутствие ухода превратили их могилу в совершенно заброшенное захоронение. Когда во время одной из экспедиций в Великобританию мы предприняли попытку найти могилу барона, ее удалось обнаружить только после многочасовых поисков, так как кириллическая надпись на могильной плите была практически неразличима. Сегодня, после наших усилий по расчистке, надпись на каменной плите надгробия Мейендорфов вновь стала хорошо читаемой.

В заключение отметим, что память о российских Мейендорфах сохранилась не только в архивах и библиотеках, на английских, германских, датских и итальянских кладбищах, но и в современной подмосковной топографии - представительская резиденция Управления делами Президента Российской Федерации находится сегодня в подмосковном замке Мейендорф, который до 1917 года принадлежал родному брату Александра Феликсовича, российскому посланнику в Дании барону Михаилу Феликсовичу фон Мейендорфу (1861-1941 гг.) и его супруге Надежде Александровне. Хозяева жили в замке только летом, а в 1914 году уехали в Данию и после окончания Первой мировой войны остались за рубежом. В первые годы советской власти во дворце существовала колония для детей погибших красноармейцев, а с 1935 года здесь стал функционировать санаторий Совета народных комиссаров (позднее - Совета Министров) СССР «Барвиха». Именно сюда приезжают в поисках консенсуса многочисленные зарубежные и российские делегации, тем самым продолжая традицию обще-

ственно-политического диалога, которой Александр Феликсович фон Мейендорф посвятил свою жизнь.

История жизни А.Ф. фон Мейендорфа - это не только часть истории императорской России и русской эмиграции. Его судьба культурного посредника оказалась драматической. Триада «ученый - общественный деятель - эксперт», воплощенная в его судьбе, оказалась как бы преждевременной и поэтому не понятой коллегами по цеху, но заслужила признание и память общества.

¹Об А.Ф. фон Мейендорфе и его роде см.: *Андреева Н.С.* Политик А.Ф. Мейендорф // Немцы в России: Петербургские немцы: Сб. ст. СПб., 1999. С. 225-231; *Андреева Н.С.* Мейендорфы // Немцы России: Энциклопедия в 3 т. М., 2004. Т. 2. С. 443-444; *Гаврилова О.А.* Барон А.Ф. Мейендорф - защитник российских немцев в IV Государственной думе // Немцы в государственности России. СПб., 2004; Государственная дума Российской империи: 1906-1917. М., 2008. С. 366-367 (авт. А.Б. Николаев); *Масоликова Н.Ю.* Русская могила Английской Ривьеры: Александр Феликсович фон Мейендорф в Пейнтоне // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2011. С. 702-708; *Масоликова Н.Ю.* Вокруг Столыпина: судьба Александра фон Мейендорфа (1869-1964) // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: Международная научно-практическая конференция: Москва, 28-30 сентября 2011 г. М., 2012. С. 364-378; *Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710-1960.* Köln; Wien, 1970. S. 511; *Auerbach I. Alexander v. Meyendorff und die Auswanderung der Baltendeutschen nach dem Zweiten Weltkrieg* // Archivalische Fundstücke zu den russisch-deutschen Beziehungen. Berlin, 1973. S. 185-198; *Auerbach I. Alexander v. Meyendorff und das Nationalitätenproblem im Baltikum* // *Russland und Deutschland* / Hrsg. U. Liszkowski. Stuttgart, 1974. S. 257-264; *Hagen M.* Zwischen Nationalitäten und Fraktionen - Alexander Baron Meyendorff (1869-1964) // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* 1978. Bd. 27. S. 558-615.

²Цит. по: *Федорченко В.И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 2. Красноярск, М., 2000. С. 39.

³Там же.

⁴См.: *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. Изданный в 1826 г. в Париже на французском и в Йене на немецком языках, этот травелог в полном виде на русском языке оставался недоступным читателям больше 100 лет, хотя его отдельные фрагменты печатались в журналах. Только в 1975 г. усилиями известного советского востоковеда Н.А.Халфина книга была опубликована полностью.

⁵*Meyendorff A.* My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // *Russian Review.* Vol. 30. №2 (Apr. 1971). P. 173-178.

- ⁶См.: Генерал-адъютант князь Михаил Дмитриевич Горчаков. СПб., 1872; *Нарбут А.Н.* Князья Горчаковы. М., 2004.
- ⁷*Jung H.-R.* Liszt and the Meyendorff Family / Walker A., Saffle M., Deaville J.A. (eds.) *New Light on Liszt and His Music: Essays in Honor of Alan Walker's 65th Birthday.* Stuyvesant, NY: Pendragon Press, 1997. P. 53-74; *The Letters of Franz Liszt to Olga von Meyendorff, 1871-1886 in the Mildred Bliss Collection at Dumbarton Oaks.* Washington, 1979.
- ⁸См.: Письма Ф.Листа Ф.К. Мейендорфу // ГАРФ. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 1219.
- ⁹См.: *Jung H.-R.* Op. cit. P. 68.
- ¹⁰*Мейендорф А.Ф.* Прусская конституция с объяснениями. СПб., 1905; Крестьянский двор в системе русского законодательства и общинного права и затруднительность его упорядочения. СПб., 1907; Вопрос о толковании закона и компетенция департаментов правительствующего Сената прежнего устройства. СПб., 1914; Материалы к пересмотру законов о печати. СПб., 1915. Вып. 1 и др.
- ¹¹См.: *П.А.Столыпин:* Переписка. М., 2004. С. 614-620. К сожалению, ответные письма Мейендорфа не приводятся.
- ¹²Там же. С. 614.
- ¹³См.: *Сорокина М.Ю.* Линии судьбы: однокурсники Владимир Вернадский и Петр Столыпин // *Природа.* 2013. №3. С. 56-62.
- ¹⁴*П.А.Столыпин:* Переписка... С. 616.
- ¹⁵Там же. С. 618.
- ¹⁶Там же. С. 619-620.
- ¹⁷Там же. С. 186.
- ¹⁸Там же. С. 619.
- ¹⁹Там же. С. 620.
- ²⁰Например: ГАРФ. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 16, 19, 24, 26 и др.
- ²¹См.: *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 46, 153, 227, 429.
- ²²*Hagen M.* Zwischen Nationalitäten und Fraktionen - Alexander Baron Meyendorff (1869-1964) // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* 1978. Bd. 27. S. 608.
- ²³*Ibid.*
- ²⁴ГАРФ. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 12.
- ²⁵См.: *Peter von Meyendorff.* Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien. Politischer und privater Briefwechsel 1826-1863 / Hrsg. und eingel. von Otto Hoetzsch. Berlin, Leipzig, 1923. Bd 1-3.
- ²⁶См.: *Meyendorff A.* Otto Hoetzsch, 1876-1946. Some Recollections // *The Slavonic and East European Review.* 1946/1947. Vol. 25. S. 496-507.
- ²⁷См.: *The Lesson to the Daughters, A Comedy in one Act* by I.A.Krylov / Ed. by A.F.Meyendorff. L.: I.Pitman and Sons, 1945; *Jitova V.* *The Turgenev Family / Intro.* by A.Meyendorff. New York: Roy Publishers, 1954.

- ²⁸*Kohn S., Meyendorff A.* The Cost of the War to Russia. The Vital Statistics of European Russia During the World War 1914-1917. New Haven: Yale University Press, 1932.
- ²⁹Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920-1940) / Под ред. Спекторского Е.В. Т. 1. Белград, 1931. №246. С. 203. См. также: The History of Ownership of Land in Russia and its influence on political developments // Proceedings of the Anglo Russian Society. London, 1919; Англичане XVII и XVIII столетий о русских и России // Сборник статей, посвященных П.Б.Струве. Ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности. 1890 - 30 января 1925. Прага, 1925; The Background of the Russian Revolution. New York, 1929; Gortchakov and Andrassy in 1873 // The Slavonic Review. 1929. №12.
- ³⁰*Грабовый В.* Англия // Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926. С. 191.
- ³¹ВАР. Meyendorf Coll. В. 1.
- ³²Об истории рода князей Шервашидзе - одного из самых древних на Кавказе, «владельцев» Абхазии, см.: *Чиковани Ю.* Род абхазских князей Шервашидзе: Историко-генеалогическое исследование. Тбилиси, 2007. О судьбе В.М. фон Мейендорф недавно появился специальный очерк: *Оболенский И.* Судьба красоты: Истории грузинских жен. Тбилиси, 2010.
- ³³См. также: Мемуары фрейлины императрицы. Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие в семейных дневниках трех поколений. М., 2013.
- ³⁴См.: Slavonic and East European Review. 1964. Vol. 42. №99. P. 440.

СИРИЯ: ВРЕМЯ ПРЕЗИДЕНТА ХАФЕЗА АСАДА

Владимир Говязин

Я ЗАНИМАЛ должность заместителя председателя Бюро молодежного туризма СССР «Спутник», когда в марте 1977 года мне предложили перейти на дипломатическую работу и поехать в Посольство СССР в Сирии в качестве первого секретаря. Наверное, в ЦК КПСС учли мой предыдущий опыт работы: в «Спутнике», мне не раз приходилось ездить в зарубежные командировки, а до этого я еще работал вторым секретарем ЦК комсомола Киргизии и одновременно являлся депутатом Верховного Совета Республики и кандидатом в члены ЦК Компартии Киргизии. Вот и решили меня с советского Востока перебросить на Восток зарубежный - Ближний Восток. Но так как по тем временам на подобную работу направлял ЦК КПСС в лице Отдела заграничных кадров, в Центральном Комитете поощряли такого рода ротацию. В кадровой работе такие факторы учитывались.

Срок предстоящей командировки мне определили в три года. Из Москвы вылетел один. И если советская столица проводила меня зимним холодом, то Дамаск встретил совсем не весенней жарой. Вышел из самолета, осмотрелся, а аэропорт находился где-то в 30 километрах от города, вокруг жаркая пустыня. Такое впечатление, что попал в самое пекло, дышать

*Владимир Говязин - советник Посольства СССР (1977-1983 гг.)
в Сирийской Арабской Республике.*

*Гвоздин В.А. - советник Посольства
СССР в Сирии*

трудно. Поэтому первым желанием было поскорее сменить одежду на летнюю.

В Москве мне определили должность заместителя секретаря парт-организации советской колонии в Сирии. Для сирийцев, чтобы не раздражать их, наша партийная организация тогда именовалась профсоюзной. Через год, когда истечет срок службы действующего секретаря парткома, меня изберут на его место и одновременно повысят в должности до советника Посольства СССР в Сирийской Арабской Республике (САР).

ПРИЕЗД И ЗНАКОМСТВО С ПОСОЛЬСТВОМ И ЛЮДЬМИ

В момент моего приезда Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР был Нуритдин Акрамович Мухитдинов - в прошлом кандидат в члены Президиума (так тогда называлось Политбюро) ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, а ранее еще и председатель Совета министров Республики. Его жизнь и политическая карьера изобиловала крутыми поворотами. В свое время его активно поддерживал Н.С.Хрущев, а в последующем такая поддержка сослужила Нуритдину Акрамовичу не очень хорошую службу. Послом он проработал практически девять лет, с 1968 по 1977 год. Связи у него были очень обширными - как в Советском Союзе, так, собственно, и в Сирии, где он общался со всем ее руководством.

Насколько связи Мухитдинова играли свою роль, точно говорить не берусь, но я сразу отметил близкие отношения, объединяв-

шие его с Президентом Сирии Хафезом Асадом, и такое не могло не броситься в глаза. Они нередко проводили вместе выходные дни - ездили на охоту, на рыбалку, встречались семьями. Близость советского посла с Президентом Сирии влияли на развитие советско-сирийских отношений в пользу обеих стран. В результате довольно успешно развивалось торгово-экономическое сотрудничество, взаимодействие в сфере обороны и безопасности и во многих других областях.

Учитывая сложившиеся дружеские отношения и высокие возможности Н.А.Мухитдинова решать нужные вопросы, Президент Х.Асад добивался от СССР определенных уступок - получения кредитов на льготных условиях. Очевидно, и советское руководство ценило эту близость посла к руководству Сирии, тем более что, когда в 1974 году египетский Президент А.Садат выслал советских советников и специалистов, именно Сирия превратилась в главного союзника СССР на Ближнем Востоке. Заслуги Н.А.Мухитдинова по налаживанию и развитию двусторонних отношений были очень высоко оценены в Дамаске. Когда Нуриддин Акрамович уезжал из этой страны, Хафез Асад наградил его самой высокой государственной наградой Сирии.

Что еще я могу сказать о работе посла? Конечно, он знал о моей работе в Киргизии, отождествлял меня с Киргизией, относился ко мне по-доброму, но при этом так, как узбек относится к киргизу, то есть как старший брат относится к младшему.

Теперь о сотрудниках посольства, с которыми стал знакомиться по долгу службы. Среди них встретил много знающих, компетентных людей, специалистов по Ближнему Востоку высочайшего уровня. Очень запомнился молодой советник посольства Виктор Викторович Посувалюк, который позже станет Чрезвычайным и Полномочным Послом и заместителем министра иностранных дел России, - удивительно разносторонний человек, великолепно владевший арабским языком, которому доверяли устный перевод в ходе переговоров на высшем уровне, спортсмен, музыкант, в общении - обаятельный, остроумный человек. Великолепное знание арабского языка позволяло ему очень легко и органично всту-

пать в контакты с руководителями Сирии разного уровня, за что его очень ценил министр иностранных дел Сирии Абдельхалим Хаддам. Однако, как нам стало известно, А.Хаддам явно опасался профессионализма этого видного эксперта и его информированности. Не случайно такого специалиста впоследствии «бросили на амбразуру» - назначили первым в истории послом России в султанате Оман, правители которого ранее считали Советский Союз одним из зол, и Посувалюк сумел выстроить нормальные отношения с этой монархией. По утрам Виктор Викторович удивлял персонал посольства тем, что в качестве зарядки делал разминку борца-дзюдоиста. И это при том, что с детства он перенес заболевание, в результате чего у него одна нога была повреждена.

Консулом в городе Алеппо работал Александр Владимирович Салтанов, который позже также стал послом и заместителем министра иностранных дел России, - человек очень способный, старательный. В мою бытность советниками посольства работали Андрей Вдовин, Валерий Сухин, Владимир Зенчев, впоследствии занимавшие высокие дипломатические посты, замечательные аналитики, и многие другие. Надо сказать, что, общаясь с такими людьми - профессиональными, доброжелательными, - я проходил «школу дипломата».

С первых дней моего пребывания в Сирии стал знакомиться со страной. На машине с водителем объехал всю Сирию, поскольку ростки нашего экономического сотрудничества прорастали буквально везде. Это разведка и добыча нефти, углеводородов, мелиорация и водопользование, строительство промышленных предприятий, прокладка железной дороги. Ну и вдобавок к этому строили еще и предприятия оборонной промышленности - мастерские для ремонта и обслуживания советской военной техники, завод боеприпасов в районе Алеппо и т. д.

Но самым главным объектом советско-сирийского сотрудничества, конечно же, стало строительство и ввод в строй Евфратской гидроэлектростанции. Когда впервые приехал на строительство ГЭС, была введена в эксплуатацию одна из восьми запроектированных турбин. В дальнейшем я был свидетелем ввода всей станции,

обеспечившей Сирию дешевой электроэнергией. Но мы не ограничились строительством одной ГЭС, в дополнение к ней построили пару небольших гидроэлектростанций. А чтобы обеспечить плавность спуска воды из Евфратской ГЭС и не подвергать размыванию берега реки, ниже по течению была построена еще одна перерегулирующая плотина. Советский Союз также принимал участие в строительстве и реконструкции морского порта в Латакии. Так я окунулся в эту работу, она была интересная и захватывающая.

Каковы были первые впечатления от страны, городов, народа? Передвигаясь по стране, практически повсеместно наталкивались на памятники античности. Известные археологи говорили, что Сирия настолько богата историческими памятниками, что просто бесхозно валяющиеся вдоль дорог фрагменты могли бы составить честь любому крупному европейскому музею. Конечно, страна была не слишком богатая, но людей много, ведут себя шумно. На улицах большое количество автомобилей, причем местные водители, как и везде на Востоке, ездили по своим, мало понятным для европейского человека правилам или вообще без правил, но при этом аварии случались нечасто, умудрялись объезжать друг друга, как-то маневрировать. Магазины в основном представляли собой мелкие лавки, торговля (по-арабски *сук*) велась на рынках. Кругом под ногами шныряли бойкие детишки. Торговля бурно шла и в ночное время, ночами торговцы выкатывали колесные телеги - *арбы*, наполненные разного рода фруктами, овощами, орешками, сладостями, и громкими криками зазывали покупателей.

Но при этом Дамаск в то время выглядел довольно «приземистым» городом, обычным, на его улицах только-только начинали возводить высотки - девятиэтажные дома. Но впечатление менялось, когда мы вступали за стены древнего города. Попадали буквально в восточную сказку, страну Шехерезады с ее торговыми рядами, золотыми россыпями, зазывалами, затаскивающими людей в свою лавку, огромной по размерам древней мечетью Омейядов с ее колоннадами. Поражал и местный рынок - Сук аль-Хамадий пестротой товаров, продавцов и покупателей. Удивляло и то, как

рядом с мусульманскими мечетями мирно уживаются храмы христианских конфессий. По утрам нас будили крики муэдзинов с высоких минаретов, призывающие правоверных к утреннему намазу, что для нас, даже хорошо знакомых со среднеазиатской спецификой, было в диковинку.

Что касается отношения к советским людям, то к ним (их всех называли русскими) оно было просто чудесное, доброе. Любой мальчишка (где бы ты ни появлялся, особенно в сельской местности) кричал: «Русия, привет!», показывая два перекрещенных пальца, что означало дружбу. Причем те совместные советско-сирийские объекты, которые возводились на территории страны, становились настоящими школами по передаче производственного опыта и просто советско-сирийской дружбы. Отношение к советским специалистам и в сфере промышленности, и сельского хозяйства, и военной области было самым теплым и дружеским. Многие прошедшие обучение в СССР сирийцы привозили с собой русских жен, но несколько реже бывали и иные

*Приезд в посольство министра иностранных дел СССР А.А.Громыко.
Справа - посол СССР в Сирии Ю.Н.Черняков*

случаи, когда наши специалисты находили в Сирии свои половинки. Такие перекрестные браки цементировали отношения между странами.

Через два месяца ко мне приехала семья, стало веселее. Два слова скажу и о нашей так называемой профсоюзной организации. На тот момент вся советская колония в Сирии вместе со специалистами и членами их семей составляла порядка 11 тыс. человек. (Более многочисленные колонии советских специалистов находились тогда в Монголии, Ираке и Алжире.) А это значило, что работы у меня было немало - приходилось решать и организационные, и бытовые проблемы.

КАК МЫ ПОМОГАЛИ СИРИИ

Советский Союз и другие социалистические страны очень много и весьма активно работали в Сирии, помогали поднимать экономику этой страны. С их помощью всюду велись работы по строительству новых и наращиванию действующих мощностей предприятий, укреплялась энергетическая база страны, расширялась транспортная сеть, связь, укреплялась материально-техническая база сельского хозяйства. С этой целью в Сирию ввозил самые разнообразные товары - авиатехнику, грузовые автомобили, автобусы, трактора и сельхозмашины, станки, энергетическое оборудование, лесоматериалы, металлы и иную продукцию. Все это ложилось в основу местной промышленности и сельского хозяйства.

Важной для Сирии в деле развития ее торговли и экономического сотрудничества с социалистическими странами являлась возможность приобретать товары в первую очередь за счет предоставленных нами государственных или коммерческих кредитов, как правило, на льготных условиях, на основе межправительственных соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве. На страны Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в разные годы приходилось от 13 до 24% товарооборота Сирии. Всего в мою бытность при техническом содействии стран СЭВ в Сирии было введе-

но в эксплуатацию более 240 промышленных и сельскохозяйственных объектов, а еще 50 находились в процессе строительства.

Конечно, Евфратский гидрокомплекс - это вершина советско-сирийского сотрудничества. ГЭС мощностью 800 тыс. кВт, введенная в строй в 1978 году, на 60% обеспечивала потребности страны в электроэнергии. Скольким городам, деревням, селам, ремеслам он дал жизнь - ведь станки и оборудование, само производство без электроэнергии работать не будут. А в 26 километрах ниже по течению построили еще одну перерегулирующую плотину «Аль-Баас» с гидроэлектростанцией мощностью 75 тыс. кВт. Энергию нужно перебрасывать, поэтому в дополнение к этим сооружениям были построены линии электропередач протяженностью в 2,5 тыс. километров. В конце 1986 года вблизи Дамаска началось строительство ТЭЦ «Тишрин» мощностью 400 тыс. кВт.

Две гидроэлектростанции в Сирии построили болгары, они обеспечивали энергией крупные города Хомс и Хаму. С помощью ГДР были электрифицированы около 500 деревень и населенных пунктов, построены 40 дизельных и 90 трансформаторных подстанций. Иными словами, с нашей общей помощью была создана единая энергосистема страны.

При экономическом и техническом содействии СССР создавалась и нефтегазовая промышленность Сирии. С 1968 года было введено в эксплуатацию восемь месторождений нефти с годовой добычей 8-10 млн. тонн топлива. Экспорт нефти давал Сирии 60% всех валютных поступлений. СССР поставил в Сирию буровую технику и запчасти к ней.

Значительно была расширена транспортная сеть страны. С нашей помощью введено в строй 1460 км железных дорог, в 1980 году - дорога Камышлы - Латакия протяженностью 758 км, в 1983-м - Хомс - Дамаск (208 км), в 1984 году - Хомс - Алеппо (180 км). Были начаты строительство железной дороги Тартус - Латакия (100 км), проектные работы на дорогах Дейр-эз-Зор - Абу-Кемаль (150 км) и Дамаск - Дераа (130 км). Построены подъездные железнодорожные пути к предприятиям, мост через реку Евфрат, пассажирская станция в Дейр-эз-Зоре, локомотивные и вагонные депо в Дамаске,

Алеппо и Хомсе. Расширен морской порт в Латакии, что позволило увеличить его грузооборот с 1,6 до 3 млн. тонн в год. В плане развития инфраструктуры государства с помощью СССР были построены четыре автомобильных моста через Евфрат.

Не меньшую лепту внес СССР и в развитие аграрного сектора экономики страны. В мою бытность были развернуты работы (и большей частью реализованы) по ирригационному строительству и освоению новых сельскохозяйственных земель на площади 85 тыс. га. Сначала введены земли в районе Мескены вблизи Евфратского гидроузла площадью 17 тыс. га, затем последовала реализация проекта по орошению еще 50 тыс. га ранее не использовавшихся земель. При содействии советских специалистов в Хомсе был введен в эксплуатацию первый в стране завод азотных удобрений мощностью 150 тыс. тонн в год. Советские геологи разведали запасы фосфатов, железной руды, бурого железняка, каменной соли и многое иное.

Другие социалистические страны также активно участвовали в подъеме сирийской экономики. Всего в мое время в стране работали около 3 тыс. специалистов из стран Восточной Европы. В мои функциональные обязанности входило поддержание контактов с посольствами, торгпредствами социалистических стран. Мы организовывали совместные мероприятия, приглашали их на свои приемы, они нас - на свои. Особенно хорошие отношения у меня сложились с руководителем торгпредства Чехословакии, который нередко приглашал меня в гости после того, как получал из страны очередную бочку пльзеньского пива. В ходе таких посиделок решались и многие организационные дела. А мы с женой приглашали его с супругой на русские пельмени.

Болгары строили в Сирии элеваторы, участвовали в создании ирригационных систем, плотин и водохранилищ. С помощью венгерских специалистов были созданы швейная фабрика, электроламповый завод, телефонная станция, консервные заводы, нефтехранилища. При содействии ГДР в Сирии построены крупные цементные заводы, хлопкопрядильная фабрика в городе Хасеке, мукомольные предприятия, крупная мастерская по ремонту сель-

скохозыятственной техники. Польские организации оказали содействие в строительстве завода мелкосортного проката в Хаме, литейного завода в городе Алеппо, двух скотобоен. Чехословакия, помимо содействия в сооружении тепловых электростанций, линий электропередач, оказала помощь в строительстве сахарных и пивоваренных заводов, обувных фабрик и др.

И, конечно, этот огромный, а подчас и технологически сложный комплекс нужно было обслуживать. Советским Союзом готовилось огромное число сирийских специалистов для народного хозяйства страны. Только в высших и средних учебных заведениях СССР и на объектах сотрудничества в Сирии обучились свыше 55 тыс. квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. В период 1985-1986 годов в странах СЭВ прошли обучение 6,5 тыс. сирийцев.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ФОКУСЕ

В ноябре 1977 года на Ближнем Востоке произошло знаковое событие: Президент Египта А.Садат объявил о своем желании поехать в Израиль, с которым его страна находилась в состоянии войны. На удивление он получил от израильтян мгновенный ответ: будем рады! Так египетский президент совершил свой исторический визит в Тель-Авив, выступил в израильском парламенте - Кнессете. Фактически он расколол единый арабский фронт, противостоящий Израилю, оставив в стороне проблему оккупированных сирийских Голанских высот.

Это напрямую касалось Сирии, которая отныне оказывалась с ним один на один. Тогда все арабские страны разорвали дипломатические отношения с Египтом, и Сирия в том числе. Возмущение сирийцев было неподдельным, но присутствовало у них еще и внутреннее недовольство от того, что их как бы оставляют в стороне от арабо-израильского урегулирования. Сирии необходимы были новые гарантии безопасности, вследствие чего наши отношения с этой страной получили дополнительный импульс в военной сфере.

*Группа советских генералов - военных советников в Сирии.
В центре - генерал-полковник Г.П.Яшкин с супругой и В.А.Говязин*

Аппарат советских военных советников и специалистов - представителей сухопутных сил, авиации, сил ПВО - составлял тогда около полутора тысяч человек. Тогда мне почему-то запомнились слова сирийского министра обороны Мустафы Тласа, что мы с советскими военными советниками и специалистами «находимся в одном окопе против Израиля». Но наши люди нередко шутили по этому поводу, задавая риторическим вопросом: в одном окопе, а кто у кого за спиной? Но, на мой взгляд, это был тот момент, когда оборонная промышленность Сирии получила толчок к развитию.

Однако хорошие и относительно мирные времена, тем более в условиях Ближнего Востока, не бесконечны. Посла Н.А.Мухитдинова отозвали в Москву, а на его место приехал Юрий Николаевич Черняков - опытный дипломат с высоким уровнем подготовки, в прошлом советник-посланник СССР в Соединенных Штатах, в МИД он занимал должность заведующего Отделом печати, генерального секретаря МИД СССР, а кроме того, он был еще и участником Великой Отечественной войны. Помнится, он рассказывал о своей встрече на Малой земле с начальником по-

литотдела 18-й армии полковником Л.И.Брежневым, высоко отзывался о нем как о человеке. Он переводил ему с немецкого на русский. В работе Юрий Николаевич был человеком строгим, требовательным и организованным. Интересы своей страны - Советского Союза - всегда ставил во главу угла, а иногда занимал бескомпромиссную позицию в отстаивании этих интересов.

Видимо, последнее обстоятельство сослужило ему не очень хорошую службу на должности посла в Сирии. Президент Х.Асад сразу же ощутил разницу между двумя послами, естественно, в пользу первого. Ю.Н.Черняков проработал в посольстве не полный срок. Дипломаты рассказывали, что во время очередного визита Х.Асада в Москву и его переговоров с Л.И.Брежневым генеральный секретарь ЦК КПСС поинтересовался у своего «сирийского друга», как он оценивает развитие отношений между нашими странами. И Х.Асад, рассказывали, якобы ответил, что эти отношения могли бы быть много лучше, если бы в Дамаске был другой посол. Это свидетельствовало, что у Чернякова не сложились отношения с Президентом Сирии, возможно, что он не был готов исполнять все его пожелания, тем более, что некоторые из них, скажем, были для СССР обременительными. Поэтому их взаимоотношения ограничивались в основном протокольными и официальными мероприятиями.

Хотя, с другой стороны, в дипломатических кругах было распространено и иное мнение: в Москве сочли, что взаимоотношения советского посла Н.А.Мухитдинова и Президента Х.Асада стали чересчур близкими и нужно было обозначить дистанцию. Х.Асаду не очень понравилось такое обозначение. Но поскольку Сирия продолжала оставаться очень близким, возможно самым близким, союзником СССР на Ближнем Востоке, глава советского государства не мог не реагировать на пожелания своего сирийского *визави* и пошел ему навстречу без смены содержания самой политики. Проработав в Сирии два года, Ю.Н.Черняков возвратился в МИД на прежнюю свою должность заведующего Отделом печати и члена коллегии министерства.

В 1979 году новым послом Советского Союза в Сирии был назначен Владимир Иванович Юхин - тоже очень опытный ди-

пломат. Он после демобилизации как участник войны поступил в Дипломатическую академию МИД СССР, прошел по ступенькам служебной лестницы, работал в Румынии, Франции, Алжире, был послом СССР в Мали, а непосредственно перед поездкой в Сирию возглавлял Консульский отдел МИД. Но Владимир Иванович был знаком с ситуацией в стране пребывания и сумел проводить более сбалансированную политику в отношении сирийского руководства.

Поскольку между нашими странами было налажено военнотехническое сотрудничество, я неоднократно присутствовал на встречах с министром обороны Мустафой Тласом. С его стороны отношение к нам было очень добрым, хотя однажды он нас всех поразил. Когда в 1980 году мы отмечали 35-летие Победы в Великой Отечественной войне, в Сирии по инициативе Министерства обороны была издана книга Гитлера «Майн кампф». Как так могло получиться? Во время очередного посещения посольства министром обороны ему был задан вопрос на эту тему.

Тлас пытался что-то объяснить. В завязавшемся разговоре тогда выяснилось, что Германия, дескать, разгромив Францию, нанесла удар и по ее колониальной империи. Благодаря этому толчку в Сирии началось национально-освободительное движение, завершившееся обретением независимости. Во всяком случае, его обоснования носили такой характер. Хотя, надо сказать, фашистская Германия пользовалась симпатиями среди многих арабских стран именно по причине того, что она боролась против империй - Британской и Французской. А с другой стороны, учитывая близость министра к президенту страны, можно было предполагать, что делалось это не без его ведома.

Но, думаю, причины такой публикации много глубже. Не нравилось сирийцам что-то и в нашей политике, особенно то, что мы их склоняли к так называемой социалистической ориентации, не нравилось, что мы параллельно с выстраиванием официальных отношений поддерживали еще и местные компартии, которые арабские правители считали если не «пятой колонной», то, по крайней мере, распространителями чуждой им идеологии. Хотя политическая программа

Размах ирригационных работ поражал воображение

партии «Баас» мало чем отличалась от программы КПСС, разве что за исключением построения коммунистического общества, сирийцы все время подчеркивали, что у «Баас» - ее собственная уникальная программа. Вот и проверяли они нас «на прочность», давали понять, что в идейном плане они самостоятельны и не будут с нами безоговорочно солидарны. Вот такая вот ближневосточная специфика.

Примерно через год после моего приезда в Сирию положение русских специалистов в этой стране стало меняться в худшую сторону, и связано это было с активизацией деятельности организации «Братья-мусульмане», перешедшей на экстремистские позиции. Скорее всего, их побудили занять такую позицию, поскольку съезд исламистов, взявший курс на вооруженную борьбу методами террора, состоялся в 1978 году в Германии, где за ними следили и их контролировали соответствующие спецслужбы.

В чем специфика возникшей ситуации? Именно Президент Хафез Асад взял курс на так называемую социалистическую ори-

ентацию. Он понимал, что на этом пути у него будет немало противников и для их нейтрализации потребуются союзники как внутри страны, так и за ее пределами. Последние рассматривались им как доноры, которые помогли бы ему перестроить экономику. В первую очередь в качестве такового виделся Советский Союз и остальные страны СЭВ. Ими в основном создавались промышленные предприятия с рабочей силой, многие относились к легкой промышленности. Масштабы такого сотрудничества внушали «Братьям-мусульманам» опасения, что экономика страны поднимется и стабилизируется на таком уровне, что не будет места социальному протесту, а им самим не за что будет уцепиться. Они испугались, что такого рода процесс может стать необратимым.

На самом деле все было много сложнее. И наша советская политика, и наши варианты помощи, которые предлагали сирийцам советские схемы хозяйствования, часто не давали желаемых результатов. Имели место и ошибки социального характера. Когда с помощью СССР строились огромные ирригационные комплексы в районе Мескены вблизи Евфратской гидроэлектростанции, способные охватить 80 тыс. гектаров земли, представлялось, что на месте новых орошаемых земель будут созданы так называемые госхозы по типу наших совхозов. Акцент делался именно на создании этих структур хозяйствования. С подачи А.Н.Косыгина Советский Союз даже построил там один госхоз на свои собственные средства и передал его сирийским хозяевам. Года через два наши специалисты посетили этот госхоз и обнаружили неприятную для себя картину: общественные производственные постройки частью были заброшены, частью перепрофилированы совсем под иное, жилые дома также использовались не по первоначальному назначению, а землю передали феллахам (крестьянам), использовавшим ее по своему усмотрению.

Иными словами, СССР допускал ошибку, когда взамен традиционных, существовавших столетиями форм хозяйствования на земле пытался внедрить на сирийской почве свои. Обычные сирийские крестьяне молчаливо или явно противились созданию госхозов - то есть в Сирии того времени шел мучительный про-

цесс, аналогичный тому, который шел на Тихом Доне в 1920-х годах, который так ярко описал в своих книгах Михаил Шолохов. Сирия не была готова, скажем, к коллективизации, а с нашей стороны на сирийцев оказывался нажим, мол, переходите к передовым методам, вы не понимаете их преимущества. Смутное недовольство среди сельского населения также было на руку «Братьям-мусульманам», давало им повод к ведению пропаганды среди населения и шансы для пополнения рядов своих сторонников. Позже СССР в какой-то степени повторит этот не столь удачный опыт в другой стране - Афганистане. Но, надо сказать, сирийское руководство, учитывая настроения людей, не особенно нажимало на них с созданием госхозов.

К сожалению, такие моменты иногда заслоняли огромные достижения, которых Сирия добилась с помощью СССР в области энергетики, и то, что с советской помощью в дома сирийцев пришли «лампочки Ильича». Но, даже несмотря на неудачу с созданием госхозов, на орошаемых землях выращивали и огромное количество овощей и фруктов, зерновых, развивали и животноводство и птицеводство с использованием уже традиционных для Сирии методов хозяйствования.

Второй целью «Братьев-мусульман», конечно же, был подрыв военно-технического сотрудничества СССР и Сирии, которое, по их мнению, также укрепляло режим в военном отношении. В большей степени их беспокоило поступление современного вооружения для сирийской армии, в меньшей - для сирийских силовых структур. Реализацию такого рода контрактов они стремились торпедировать в первую очередь методами диверсий.

Своего рода переходом к действию стала череда нападений на советских военных специалистов, организация провокаций против них. Финансы и вооружение для экстремистов поступали из-за границы, в том числе из стран Персидского залива, из Саудовской Аравии. Объективно в срыве советских военных поставок в Сирию был заинтересован и Израиль. Появлялось слишком много желающих подорвать процесс укрепления экономики и правящего режима.

Первой ласточкой стало неожиданное для многих нападение на наших военных специалистов. Утром возле дома, где проживали советские советники и специалисты, собрались военные летчики, авиационные техники, чтобы как обычно поехать на работу. Едва они сгруппировались, как их расстреляли из автоматического оружия из проезжавшей мимо машины.

Реакция была быстрой - усилили охрану советских военных, в том числе во время передвижения, но нападения продолжились. Характерно, что в это время начали реализовываться контракты на поставку в Сирию современного по тем временам боевого самолета Су-25, средств радиоэлектронной борьбы и на аэродромах, и в воинских частях шло обучение сирийского контингента работе с новой для вооруженных сил страны техникой. И именно те люди, которые были связаны с этой техникой, становились главными объектами нападения, что могло свидетельствовать об определенной осведомленности экстремистов.

Затем последовали нападения и на гражданских лиц. В посольстве, торгпредстве, консульстве - везде провели мероприятия относительно того, как людям себя нужно вести в критических ситуациях - уроки бдительности. В этих условиях сирийская сторона, естественно, взяла на себя и внешние функции по обеспечению охраны. Если наши специалисты выезжали на объект, то теперь их обязательно сопровождал вооруженный автоматчик. Террористы отреагировали на это по-своему. При движении транспортного средства такой охранник сидел обычно впереди вместе с водителем и следил за дорогой, нападавшие стреляли в первую очередь в охранника, потом - в шофера, а заканчивали стрельбой по нашим специалистам или бросанием гранат.

Апофеозом такой бандитской деятельности стало нападение на штаб главного советского военного советника в 1981 году. Оно случилось около трех-четырех часов пополудни. Погибли советский представитель охраны штаба и подошедшая из школы девочка. Несколько человек получили осколочные ранения. Нам повезло, что взрыв мотоколяски, управляемой водителем-смертником и начиненной взрывателями и фрагментами, произошел на расстоя-

нии трех десятков метров от здания штаба и не затронул хранилище горюче-смазочных материалов (ГСМ). Заряд был мощным: на месте взрыва образовалась воронка диаметром три-четыре метра.

Мы тогда с временным поверенным в делах СССР В.Посувалюком по поступившему сигналу немедленно прибыли в штаб. Картина была ужасной: пол был липким от пролитой крови, раненых перевязывали тут же, в соседнем помещении на бильярдном столе. Также немедленно в штаб главного советника прибыл сирийский куратор силовых структур - брат Президента Сирии Рифат Асад для выяснения ситуации и принятия ответных мер по поиску и наказанию виновных.

Словом, ситуация накалялась. Тем не менее наше сотрудничество с Сирийской Арабской Республикой не было свернуто, продолжало развиваться, люди трудились на своих местах, соблюдая меры осторожности.

Официальные сирийские власти развернули борьбу с этими бандитами. Они исходили не только из необходимости защиты наших советников и специалистов, деятельность экстремистов угрожала их собственному положению в обществе. Свои удары «Братья-мусульмане» нацеливали не только против советских людей, но и против сирийских властных структур, организаций партии «Баас». Например, ими был убит генеральный прокурор САР, покушение также было совершено на ректора Дамасского университета.

Наконец, это уже было в феврале 1982 года, сирийские власти решили нанести «Братьям-мусульманам» решающий удар. Особой зоной активности этого братства являлся древний город Хама, так вышло, что в нем группировались как лидеры экстремистов, координирующие террористическую деятельность, так и группировки боевиков-исполнителей. Сирийская разведка - мухабарат - выяснила расположение основных объектов экстремистов. Распространено такое мнение, будто в городе имело место какое-то восстание, организованное «Братьями-мусульманами». Но у нас была иная информация. То есть восстания как такового не было, а была войсковая операция.

В один из дней по «Братьям-мусульманам» нанесли удар авиацией, артиллерией - всеми средствами, которыми располагала сирийская армия. Одновременно город блокировали армейскими частями, окружили танками и БТР, чтобы никто не мог покинуть жилые кварталы. Лидеры были уничтожены ценой немалых разрушений, и одновременно началась зачистка города Хамы. Искали как самих боевиков, так и выявляли их сообщников, дававших им приют. До сих пор неизвестно, сколько боевиков было уничтожено, цифры попадают разные - от 3 до 20 тыс. человек.

Мне удалось увидеть результаты этой работы. Буквально через два дня после проведения войсковой операции мне понадобилось выехать по делам в наше генконсульство в Алеппо. Поехали на автомобиле, а дорога как раз шла через Хомс и Хаму. Подъехали к городу и натолкнулись на вооруженное оцепление, которое поначалу нас не пропустило. Стали демонстрировать дипломатические номера, документы работников советского посольства. После переговоров с начальством нас все-таки пропустили, в результате чего мы увидели те немалые разрушения в городе, к которым при-

В Сирии античность всюду. Посещение окрестностей г. Алеппо, весна 1978 г.

вела войсковая операция. Город чем-то напоминал Сталинград, хотя, конечно, в разрушенном Сталинграде мне побывать не доводилось. Но вот когда через три дня мы возвращались из Алеппо в Дамаск, дорога была уже открыта, разрушенных зданий мы не увидели - их то ли сумели разобрать, то ли чем-то прикрыть, а на их месте буквально «зеленели поляны». Следы военного удара убрали оперативно.

Надо сказать, что после разгрома главарей группировки «Братьев-мусульман» обстановка в стране стала много спокойнее, но провокации против советских специалистов и членов их семей продолжались хотя и не с прежней эффективностью.

Развернувшаяся в 1982 году война в Ливане коснулась Сирии в полной мере. Израиль начал боевые действия против базировавшихся в южной части страны палестинских военных формирований, которые наносили удары по его территории. Операция получила название «Мир для Галилеи». Сирия имела очень серьезные позиции в этой соседней стране, близкие связи с ливанским руководством, договорные отношения с ним. С началом боевых действий сирийцы также ввели в Ливан свои военные формирования, включая средства ПВО, хотя в прямые столкновения с израильтянами они поначалу не вступали. А потом и такие случались, война развивается по своим непредсказуемым сценариям.

Многими израильско-сирийские столкновения преподносятся как ошеломительная победа израильского оружия (большей частью американского) над сирийским (читай - советским). Но так ли это было? Тогда израильтяне вывели из строя сирийскую систему ПВО в Ливане, персонал которой допустил ряд очевидных технических и чисто человеческих ошибок. Последние состояли в том, что дежурные на станциях излишне много переговаривались между собой, что позволило израильтянам запеленговать эти точки и уничтожить их. Ракетные установки, которые в свое время хорошо проявили себя во Вьетнаме, лишились систем наведения. Возникло ЧП.

Реакция СССР была мгновенной. В Сирию прилетел начальник Генерального штаба маршал Н.В.Огарков вместе с разработчиками систем, чтобы на месте изучить ситуацию. Как случилось,

что наша надежная система была вскрыта и выведена из строя? Но прибывшая из Союза делегация моментально нашла решение: стали выставлять две рядом расположенные станции, с одной из которых допускались переговоры персонала, а с другой - нет. Тут уже израильяне купились на нашу уловку, повторным ударом вывели из строя подставные РЛС наведения. Но когда их авиация поднялась в очередную атаку, к их большому удивлению, несколько самолетов были сбиты.

В 1982 году СССР поставил Сирии первой зенитно-ракетные комплексы С-200, они в это время не стояли на вооружении даже армий стран - участниц Организации Варшавского договора. Эффект от поставок был сильным. До поставок израильские самолеты летали буквально над улицами сирийских городов, а с поставками С-200 первое же применение ракетных комплексов отрезвило руководство и командование ВВС Израиля. Буквально засуетились все. Специальный посланник Президента США Р.Рейгана по Ближнему Востоку Филип Хабиб, сам арабского происхождения - христианин-маронит, немедленно прилетел в Дамаск для встречи с Х.Асадом, потом вылетел в Иерусалим для встречи с руководителями Израиля, а после этого в Москву. Там они дали слово прекратить боевые действия, которые в скором времени были свернуты.

Что еще характерно для войны 1982 года? Тогда сирийское руководство впервые решило опробовать в Ливане поставленную нами в Сирию боевую систему «Град». Удар был нанесен по выдвигавшимся на позиции израильским танкам. В предыдущих арабо-израильских войнах обычно израильяне захватывали у арабов советские танки, а затем устраивали своего рода парады захваченной техники. Там вышло наоборот. Опять же впервые арабы, в данном случае сирийцы, захватили несколько израильских танков М1 «Абрамс» американского производства и «Меркава» - израильского, подремонтировали их и в течение двух дней водили эти танки по улицам сирийской столицы под ликование толпы и выстрелы в воздух. А затем образцы обоих танков были подарены нам и отправлены в Советский Союз для изучения советскими

специалистами. Хотя фактически это был для сирийцев не военный успех, а скорее сугубо моральная победа.

В это время главным советским военным советником при Президенте Х.Асаде был генерал-полковник Григорий Петрович Яшкин - человек внешне жесткий, строгий, но при этом доброжелательный к людям. За эти качества подчиненные, а позже и дипломаты за глаза называли его Чапаевым. Он - участник Великой Отечественной войны, по прежней должности - заместитель главнокомандующего Группы советских войск в Германии (ГСВГ). Про него поговаривали, что он два раза «брал Прагу» - сначала в 1945-м, а потом - в 1968 году. А на практике он считался одним из наиболее компетентных военных советников, поскольку все успехи сирийцев в Ливане связаны с учетом его опыта.

Все-таки мне довелось увидеть Президента Хафеза Асада близко и вживую. Это случилось в ноябре 1982 года после известия о кончине Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнев. Тогда все сирийское руководство, включая Рифата Асада, министра обороны Мустафу Тласа, посетило советское посольство, расписалось в книге соболезнований. А сирийский президент тепло поздоровался со всеми нами за руку, включая и меня.

Через два месяца заканчивался срок моего пребывания в этой интересной и сложной стране, и я вместе с семьей отбыл на родину. Что еще можно сказать? Работа в Сирии стала для меня, как и многих моих сослуживцев, хорошей жизненной школой.

ПЕРВЫЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ СКАНДАЛ НА КИТАЙСКОМ ПРИЕМЕ ИЗ ВЬЕТНАМСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Анатолий Зайцев

РОВНО 50 лет назад, 1 октября 1968 года, мне, в ту пору третьему секретарю Посольства СССР в Демократической Республике Вьетнам, довелось стать очевидцем, если не сказать «виновником», дипломатического инцидента, получившего в то время широкую огласку в СМИ ряда стран ЮВА, но неизвестного нашему читателю.

Произошло это на приеме, устроенном Посольством КНР по случаю их национального праздника. Готовились к нему и в Посольстве СССР в Ханое, запросив указания Центра насчет нашего участия или неучастия в этом протокольном мероприятии.

В тот период набравшая обороты острая идеологическая полемика и резкое ухудшение межгосударственных отношений с Китаем заметно охладили атмосферу наших, прежде тесных, дружеских связей с коллегами из китайского посольства, привнося в них все больше взаимной настороженности и недоверия.

Подобные настроения подкреплялись личными наблюдениями. У меня, как и у других дипломатов нашего посольства,

Анатолий Зайцев - Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат экономических наук.

побывавших в годы «культурной революции» дома в отпуске (единственный тогда «установленный» для отпускников маршрут пролегал через Китай с ночевкой в Пекине), надолго сохранились в памяти красочные картинки пребывания в столичном аэропорту и гостинице. (В первое время мы останавливались на ночь в жилом комплексе посольства, но после его осады, в январе 1967 года, нам запретили выходить в город и стали размещать в гостинице пекинского аэропорта.) Помню, как в аэропорту вплоть до выхода на посадку нас буквально по пятам преследовали задиристо настроенные группы хунвэйбинов с транспарантами «Долой советских ревизионистов!» в руках, шумно выкрикивавших под барабанный грохот затасканные обличительные лозунги.

Не менее памятны живописные эпизоды, связанные с многочасовыми перелетами из Ханоя в Пекин и обратно с двумя посадками, в Ухане и Наньнине, на самолете ИЛ-14 китайской авиакомпании. После взлета и набора высоты повторялся один и тот же ритуал: две стюардессы с обеих сторон узкого прохода салона - в то время как пассажиры с нетерпением посматривали в сторону, откуда исходили щекочущие ноздри запахи ароматной китайской кухни - демонстрировали доселе неизвестный нам фольклорный жанр.

Под бравурные мелодии с красными книжками в руках они, танцуя, распевали цитаты от великого кормчего. И только после раздачи красных книжечек с его изречениями на иностранных языках и разноразмерных значков с изображением его профиля наконец следовало долгожданное угощение. За все полеты у меня собралась изрядная коллекция цитатников и значков, напоминающая о не виртуальности увиденного и пережитого в те не столь уж далекие годы. (С 1969 г. во избежание новых инцидентов наши граждане стали летать из Ханоя в Москву по новому маршруту - в обход Китая с посадками в Калькутте и Ташкенте.)

В Ханое при попустительстве городских властей, никак не реагировавших на неоднократные письменные и устные

обращения с нашей стороны и официальные ноты в местный МИД, у здания нашего посольства проходили шумные демонстрации проживающих во Вьетнаме этнических китайцев с лозунгами враждебного содержания.

Наши контакты с китайскими коллегами в те годы практически прекратились, двусторонние мероприятия больше не проводились, виделись с ними,

обоюдно стараясь избегать общения, только на протокольных мероприятиях, устраиваемых вьетнамской стороной или посольствами третьих стран. На них, правда, случались мелкие стычки, когда, например, советский и китайский послы, невольно соприкасаясь, обменивались дипломатическими колкостями.

Впрочем, протокольные мероприятия проводились все реже. Из-за воздушных налетов по соображениям безопасности их количество было сведено к минимуму. Однако ежегодные приемы по случаю своих национальных праздников посольства старались проводить, как и в мирное время. Для этой цели обычно арендовали у местного МИД просторный зал Дипломатического клуба.

Накануне китайского приема из Москвы пришел ответ на запрос посольства. Предписывалось направить на прием второе лицо посольства и в случае прямых выпадов с китайской стороны в адрес нашей страны в знак протеста его покинуть. Меня вызвал советник посольства и передал указание посла сопровождать его на это мероприятие в качестве переводчика с вьетнамского языка.

На приеме в Дипломатическом клубе у микрофона председатель Совета министров ДРВ Фам Ван Донг, третий слева - посол СССР в ДРВ И.С.Щербаков, за ним - автор статьи

На прием мы пришли одними из первых. С напряженными лицами обошли еще пустой зал. Внимательно вчитываясь в развешенные по стенам транспаранты и лозунги, я переводил их содержание советнику. Ничего неожиданного в них не обнаружили: привычными клише они клеймили современных ревизионистов, обвиняя их в пособничестве мировому империализму, и т. п. Не обнаружив упоминания нашей страны, решили остаться и дожидаться речи китайского посла.

Шло время, уже в который раз начинались и заканчивались знакомые китайские мелодии, а начало приема все затягивалось. Ожидали главных гостей. Наконец с заметным опозданием (ни разу прежде вьетнамская сторона не позволяла себе выказывать столь явно неуважение к своему главному союзнику и донору) в зал вошли и встали по ранжиру за длинным столом для почетных гостей вьетнамские партийные и государственные руководители.

К установленной впритык к главному столу трибуне подошел и приготовился читать свою речь посол Китая, рядом с ним у микрофона встал знакомый мне переводчик посольства с вьетнамского языка. Чтобы лучше слышать, мы с советником продвинулись поближе, в первый ряд стоявших напротив главного стола приглашенных на прием.

Обратившись к гостям на китайском, посол сделал паузу, и в дело вступил переводчик, который начал зачитывать по абзацам заготовленное. Напряженно вслушиваясь в его беглую речь, старался не пропустить самое важное. Начав с оценки международного положения, посол сразу же перешел к трафаретным нападка на современных ревизионистов и вдруг - неужели ослышался?! - заклеил советских ревизионистов, обвинив их в попытках навязать свою волю странам третьего мира, и добавил что-то еще в том же духе.

Помня о полученных инструкциях, я наклонился к советнику и перевел ему услышанное, добавив от себя: «Ну что, пошли?» - «Пошли!», - после минутного, как мне показалось, колебания отреагировал он. Под напряженные взгляды собравшихся мы напра-

вились к выходу. Предстояло пройти через весь зал вдоль главного стола по узкому проходу, отделяющему его от основной группы приглашенных на прием. Мельком скользнул по знакомым лицам высоких вьетнамских гостей - они оставались по-восточному непроницаемыми.

Не успели мы выйти из зала в примыкающую к нему комнату, в непогоду служившую гардеробной, как услышал за собой нетерпеливые голоса. Обернувшись, вздрогнул от неожиданности.

За моей спиной стояла большая группа дипломатов. Вслед за нами прием покинули дипломаты всех, за исключением Румынии, восточноевропейских социалистических стран и, насколько помню, Монголии. Обступив меня плотным кольцом, они наперебой повторяли один и тот же вопрос: «Что он сказал?» Оказалось, среди них на приеме не было никого из владеющих вьетнамским языком.

(Большинство в ханойском дипкорпусе обходилось французским и английским, а немногочисленные владеющие вьетнамским коллеги, закончившие Ханойский университет, на тот момент по завершении командировок вернулись домой или находились в отпуске.)

«Советские ревизионисты...», - повторял я все менее уверенно запомнившуюся фразу. Некоторые записывали. Все

У входа в российское посольство в Ханое

МАО ЦЗЭ-ДУН

- СЛУЖИТЬ НАРОДУ
- ПАМЯТИ Н. БЕТЮНА
- ЮЙ-ГУН ПЕРЕДВИНУЛ ГОРЫ
- ОБ ИСКОРЕНЕНИИ
ОШИБОЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ
В ПАРТИИ
- ПРОТИВ ЛИБЕРАЛИЗМА

быстро разошлись, торопясь поскорее «отписаться» в свои столицы.

Вышли на улицу с советником. «Доложите послу, он ждет у себя в кабинете», - сказал он прощаясь, оставив меня наедине со своими мыслями. Оказавшись у ворот посольства, расположенного неподалеку в том же квартале, и повторяя про себя заветную фразу, которую предстояло донести до посла, я увидел свет в его кабинете на втором этаже, наверное, единственный во всем здании в столь позднее время.

«Напишите, что было сказано в речи и о лозунгах в зале. В Москву сообщу я сам», - выслушав меня и не отрывая головы от кипы бумаг на рабочем столе, коротко бросил он. Выполнив поручение, протянул исписанный листок послу. «Вы свободны», - только и сказал он, прощаясь в обычной для себя сдержанной манере.

Вернувшись из посольства домой, остаток вечера и часть ночи провел в раздумьях о превратностях дипломатической карьеры. Посреди ночи мое полусонное воображение рисовало картины скорой встречи с Москвой. Отгоняя невеселые мысли, утешал себя неожиданно представившейся возможностью повидаться с родителями.

Утро следующего дня в посольстве начал со сбора информации о происшедшем накануне в дипломатическом клубе. С напряженным вниманием вслушивался в новостные выпуски радиостанций, вещавших в основном из Сайгона на Вьетнам и Юго-Восточную Азию, пробежал глазами

странички «радиоперехвата» на французском (краткие выдержки из сообщений западных информационных агентств, рассылаемые в то время вьетнамским МИД в посольства соцстран). Конечно же, те не упустили случая посмаковать, и не без доли злорадства, вчерашний инцидент, снабдив свои корреспонденции из Ханоя броскими заголовками: «Дипломатический скандал в Ханое», «Сенсационное происшествие на китайском приеме», «Впервые в дипломатической практике Ханоя» и т. п.

Только к концу рабочего дня, когда посольству удалось заполучить полный текст речи китайского посла, я наконец вздохнул с облегчением. В ней прямая критика в адрес Советского Союза была не только в начале текста, но и повторена позже, когда мы в знак протеста уже ушли с приема.

ОНИ СОХРАНИЛИ РУССКИЙ ДУХ

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ОСОРГИНЫХ

Александра Осоргина

ОСОРГИНЫ происходят из древнего русского дворянского рода. В пятом разделе «Гербовника» сказано: «Фамилии Осоргиных многие Российскому Престолу служили дворянские службы в разных чинах и жалованы были от Государя в 1501 и других годах поместьями».

Мой прадед Михаил Михайлович Осоргин был видным государственным и общественным деятелем конца XIX - начала XX века. После окончания военной службы он выходит в отставку и становится земским начальником и предводителем дворянства в Калужском уезде. Далее он служит вице-губернатором в Харькове, губернатором в Гродно, и последняя его должность перед революцией - губернатор Тулы. На государственной службе в Калуге он состоял десять лет - с 1887 по 1897 год. При нем был открыт первый детский сад и Народный дом, он также боролся с туберкулезом и тифом в губернии.

Герб рода Осоргиных

Александра Осоргина - публицист.

В статье сохранены стиль и манера изложения автора.

Осоргины в родовом поместье Сергиевское. 1905 г.

У Михаила Михайловича и Елизаветы Николаевны, урожденной Трубецкой, родилось семеро детей. Семья была очень сплоченная и дружная. В ней царил большая любовь друг к другу и почтение к старшим. Они всегда были великими тружениками и подвижниками. В период процветания нашего родового имени Сергиевского открылись шесть школ, одна из них - в самом имении. Во время Первой мировой войны появился лазарет, в котором трудились его дочери Ульяна и Мария.

Но смутные времена революции все перевернули. Осоргиных изгнали из родового гнезда в 1917 году. Большевики прислали из Калуги указ на выселение всех помещиков из своих усадеб. Уже осенью комиссары потребовали выселения и дали им три

*Лазарет в Сергиевском.
Рисунок М.М.Осоргиной*

дня на размышление. В 1918 году имение Сергиевское национализировали.

Началась новая полоса жизни Осоргиных. После изгнания из Сергиевского пришлось всем приложить большие усилия на выживание. Прадед Михаил Михайлович преподавал Закон Божий и математику, а его младшая дочь Антонина вела уроки русского языка, литературы и др.

Сын Георгий (мой дедушка) потребовал себе выделение трудовой нормы, и крестьяне ему отвели кусок земли из 15 десятин, трех лошадей и двух коров, семена. Он сеял, пахал, собирал урожай, возвращался домой с большими корзинами, наполненными всякой едой, которую крестьяне отправляли Осоргиным. Все равно средств на существование не хватало и приходилось продавать разные вещи.

*Конный гренадер Георгий Михайлович Осоргин.
Акварель М.М.Осоргиной*

В 1924 году мой дед был арестован и приговорен к пяти годам заключения. В 1927 году он был отправлен на Соловки, а через два года расстрелян.

И вот остались старики Осоргины с дочерьми, невесткой и внуками. Михаил Михайлович, несмотря на свою огромную любовь к России, понял, что обстоятельства складываются так, что ему уже невозможно устраиваться на какую-нибудь работу и надо уезжать, чтобы спасти детей врага народа (детей Георгия Осоргина). Трое старших детей уже находились за границей, и прадед

стал хлопотать об отъезде - обратился к Екатерине Павловой-Пешковой, которая их очень поддерживала в момент ареста сына Георгия.

Только в 1931 году благодаря Пешковой через Красный Крест удалось получить разрешение на выезд. Уезжали 13 Осоргиных

сначала поездом в Германию, а дальше во Францию. Там их приютили Григорий Николаевич и Мария Константиновна Трубецкие в поместье в городе Кламаре. Это поместье превратилось в русский центр для родственников, где все собирались, общались, ходили в храм.

Скоро мой прадед Михаил Михайлович принял сан священника. Отец Михаил стал служить в домовом храме святых равноапостольных царей Константина и Елены в поместье в Кламаре. Все его дети были прихожанами. Старшие сыновья Осоргины были регентами, младшая дочь Антонина - псаломщиком. Мой папá, мальчиком и молодым человеком, там алтарничал.

Позже, в 1960-х годах, когда родственники Трубецкие и Бутеневы переехали жить в Америку, мой отец выкупил это поместье.

Все наше детство было связано со встречами и общением с русской дворянской эмиграцией, с церковными службами и праздниками, детскими играми в красивом большом саду. Для меня эти люди были живым источником информации и свидетелями истории России.

Мы все выросли и учились во Франции. Мы знали, что мы - из русской белой эмиграции. И помнили это всегда. Иногда шутили по поводу того, что у нас дома неустроенность, потому что не хотелось обосновываться до конца, думали вернуться. Многие из представителей первой волны надеялись, что родина образумится и все наладится.

Я родилась в конце 1950-х годов. В то время уже было очевидно, что никто не вернется, однако у нас дома царил эмигрантский дух. Висели портреты царя Николая II и Александры Федоровны, гравюры и портреты белых офицеров. Русских эмигрантов многое объединяло: православная церковь, русские организации и учебные заведения.

В Париже действовала русская гимназия, которая существовала благодаря финансовой поддержке очень щедрой русской женщины - Лидии Павловны Детердинг (княгиня Донская), которая была замужем за очень богатым англичанином, работающим в нефтяной отрасли, лордом Детердингом. В течение многих лет он суб-

сидировал все нужды школы. Лидия Павловна выкупила большой особняк с большим садом в лучшем районе Парижа и построила дополнительные здания.

В течение десяти лет математику там преподавал Борис Андреевич Дуров - внучатый племянник знаменитой кавалерист-девицы Надежды Дуровой, а затем с 1931 по 1961 год был ее директором. Он одним из первых в 1920 году откликнулся на призыв организовать при российском посольстве русскую гимназию. В гимназии преподавали и дочери Бориса Андреевича Дурова. Ее закончили свыше 900 учащихся. Школьные программы включали учебные предметы местной системы образования, которые, как правило, преподавались на языке страны проживания. На русском языке велись уроки по истории, литературе, географии, религии. Надо сказать, что гимназия высоко котировалась. Ее аттестат был не менее престижен, чем аттестат французских учебных заведений. В основном она существовала за счет частных пожертвований, например балерины Анны Павловой. Мои родители тоже там учились. Мама до сих пор раз в год собирает одноклассников (их теперь очень мало) на праздничный обед.

В нашей большой диаспоре мы все много общались. Образовалась какая-то вторая маленькая Россия. Причем, что самое интересное, там были тоже два слоя людей: дворяне и очень простые русские, но в эмиграции все общались. Не так тесно, может быть, как дворяне или офицеры, которые собирались, устраивали собрания и юбилейные ужины. Все ходили по воскресеньям на литургию, а потом общались.

Дети ездили в детские скаутские православные лагеря. До сих пор существуют два лагеря - Русское студенческое христианское движение (РСХД) и русский православный Суворовский лагерь Витязей. Помню, как мы ждали летних каникул, чтобы оказаться со своими сверстниками и прожить два месяца в совершенно русской православной обстановке. Кроме нарядов, дежурств по кухне и по лагерю, устраивались вечера поэзии, костры с капустниками, преподавание русской истории и географии, литературы. Были также уроки Закона Божия. Проходили

спортивные олимпиады - весь лагерь делили на две команды - белые и синие. И еще очень много разных игр. Все было предусмотрено для здорового отдыха. Мы там провели лучшие детские и юношеские годы и, не подозревая, общались с очень известными людьми из литературных, философских и богословских кругов. Среди них, например, были Струве, Ельчанинов, Ковалевский, Нерсесиан и др.

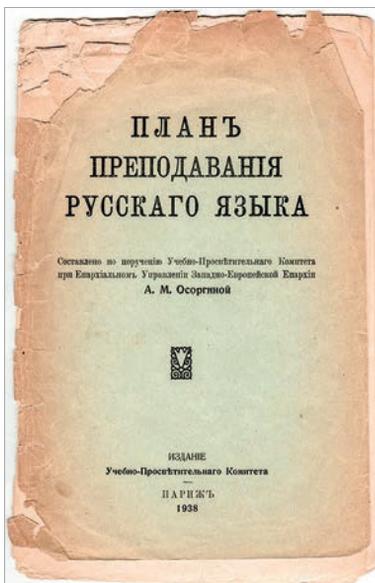
Как жили и как воспитывали меня с сестрами и братом? В детстве у нас были русские нянечки. Родители не были богатыми, но было очень много нуждающихся русских, которые были счастливы стать нянечками, чтобы иметь кров, еду и получать карманные деньги.

Воспитание детей в эмиграции направлялось на сохранение православной веры, русского языка, любви к России и памяти предков. Это касалось не только нашей семьи, но и большинства дворянских русских эмигрантских семей. А самое главное воспитание мы получили в нашей большой семье.

Мы слышали исключительно русскую речь. Когда в семь лет меня послали во французскую школу, я была шокирована: никого не понимала, не могла читать и писать, и никто со мной не общался. До сих пор помню, как мне было тяжело этот первый месяц в школе. Потом все наладилось. Как и все маленькие дети, я быстро заговорила по-французски, а дома говорили только по-русски.

Все мы получили основное образование во французской школе (русский лицей был уже закрыт), а по четвергам, свободный день для школьников, мы ходили в «четверговую школу», которая была основана нашей тетей - Антониной Михайловной Осоргиной. Думаю, что не солгу, если скажу, что 90% детей, родившихся в эмиграции, в Париже ходили в эту школу - «Школу тети Тони». Там нам преподавали Закон Божий, русскую литературу, русскую историю и географию, русскую грамматику. Мы там научились писать по-русски, а читать мы уже умели.

Лично для меня имя тети Тони связано не только со школой, но и с воспоминанием о милейшей и улыбчивой тете. Вспоминаю, как

она спокойно и очень ласково говорила, терпеливо объясняла все, а ее глаза были всегда, когда мы с ней общались, сияющие и любящие, но с маленькой печалью, которая мне стала понятна только теперь.

В 1931 году Антонина Михайловна Осоргина эмигрировала с родителями во Францию, где уже находились старшие братья и сестра. Здесь она начала свою деятельность педагога.

В эмиграции школа Антонины Михайловны сначала была скромной, располагалась в доме, снимаемом семьей Осоргиных. Тетя Тоня стала давать уроки своим племянникам, чтобы сохранить русский язык. Учеников было сначала двое-трое. Потом прибавились дети родственников и знакомых. Отец Антонины к тому времени уже стал священником и начал помогать дочери.

В 1939 году разразилась война, появились большие материальные трудности, тем не менее Антонина Михайловна продолжала учить детей, воспитывать православную веру, интерес и любовь ко всему русскому.

Антонина Михайловна по поручению Учебно-воспитательного комитета при Епархиальном управлении западноевропейской право-

славной епархии составила «План преподавания русского языка». Было издано ее учебное пособие «Грамматика с упражнениями». Позже она издала книгу «История русской литературы с древнейших времен до Пушкина».

После войны, в 1945 году, школу отдали под покров прихода отца Сильвестра Харунса в Париже. Там преподавали самые лучшие учителя. Надо тоже упомянуть, что тетя Тоня ставила прекрасные спектакли на рождественские елки: все дети участвовали. Есть даже несколько произведений, написанных ею, которые мы ставили на елках в русской школе.

Кроме того, она организовывала вечерние лекции для взрослых. Выступали блестящие люди, среди них - отец Василий Зеньковский, Павел Николаевич Евдокимов, Петр Евграфович Ковалевский, Владимир Васильевич Вейдле, Сергей Евгеньевич Трубецкой.

В 1970 году Антонина Михайловна передала руководство школой Наталье Борисовне Соллогуб (урожд. Зайцева), дочери писателя Бориса Зайцева, и смогла осуществить свою давнюю мечту - уйти в монастырь. Она была пострижена под именем матери Серафимы, но труд и деятельность не оставила. Когда был основан «Голос Православия» в 1979 году, она включилась в группу сотрудников и стала составлять передачи, собирала материал, оставаясь преданной церкви и России.

В начале 1960-х годов связь с родственниками Голицыными в Советской России восстановилась. Конечно, с большими предосторожностями, но тем не менее мы получали детские книжки с замечательными иллюстрациями. Мы прочли всю класси-

ческую русскую детскую литературу нашего поколения. Тогда в иллюстрациях проскальзывали пионерские красные галстуки и в текстах упоминались личности Советского Союза. И вот бабушка тщательно заклеивала эти имена и заменяла другими, а галстуки зарисовывала синим цветом. Нас, любопытных детей, эти наклейки очень интриговали, и, конечно, мы пытались их аккуратно отклеивать, чтобы узнать, что от нас таят. Но мы все равно не понимали, что это за люди, а бабушка нас ругала за наше любопытство.

Мы не ездили в Советский Союз, потому что папà нас не отпускал к родственникам. Меня это тяготило много лет, так хотелось увидеть все эти края, о которых бабушка нам рассказывала с такой любовью, наконец познакомиться с родственниками Голицыными. И вот, когда мне минуло 18 лет, я объявила отцу, что мне надо съездить к родственникам. Я была еще студенткой, но уже немного подрабатывала, что позволило мне оплатить свой первый железнодорожный билет Париж - Москва.

Я получила от Екатерины Михайловны Перцевой (урожд. Голицыной), родной сестры моей бабушки, официальное приглашение через ОВИР, чтобы оформить визу. Двое суток ехала на поезде через Германию, Польшу до Москвы, а в Москве меня встретили родственники. На перроне их было 40 человек - из всех трех поколений. Какое было событие! Это был очень значительный и великий эмоциональный момент в моей жизни. Тогда очень захотелось увидеть и узнать все о России. Такое путешествие осталось у меня в памяти на всю жизнь, как и осталась на всю жизнь любовь к России, где я не родилась.

Я стала очень часто ездить в Москву к родным, по два-три раза в год. Ездила и по России, родственники нас часто возили по Московской области. Тогда я увидела русские пейзажи - те самые, о которых мне бабушка рассказывала. Это было очень волнительно.

Почувствовала что-то родное даже в этом советском, чужеродном для меня пространстве. Надо сказать, что я жила у своих родственников и у них еще хранился иной дух. Что мне тогда понра-

*Александра Михайловна Осоргина (замужем Тутунова)
с детьми Юрием, Елизаветой, Екатериной, Марией и Константином. 2013 г.*

вилось, так это теплое общение, знакомство с родственниками. Вот эту кровную ниточку, которая всех нас связывала, несмотря ни на что, не порвалась, я чувствовала.

Как я восприняла реальность советской жизни? Во-первых, у меня не было прошлого, связанного с этой страной. Я ее открыла первый раз как Советский Союз. Потом стала больше интересоваться, что на самом деле было до революции, какая была настоящая жизнь.

В советские времена я ощущала бедность моих родственников. Пустые магазины, большие очереди. Я научилась стоять в очередях с авоськой. Но самое грустное впечатление - закрытые и разоренные храмы. Это было мне не понять. Всех тайно крестили. Некоторые тайно венчались. И вот очень интересный факт. Я вышла замуж за россиянина (тогда советского гражданина) в 1982 году. Мы венчались в храме пророка Божия Илии в Обыденском переулке на Остоженке. И первое венчание, которое было официально зарегистрировано в храме после революции, было наше.

Своих пятерых детей я воспитала в русском духе, и дома мы говорим только по-русски. Очень старалась передать моим детям все, что я в детстве получила от своих родителей и родных. Водила их в русскую приходскую школу, основанную моей любимой тетушкой Антониной Михайловной Осоргиной. Им преподавали грамматику, литературу, историю, Закон Божий. Дети учили стихи, а раз в год на Рождество устраивали рождественский спектакль, где все дети выступали. Летом они ездили на целых три недели в русский лагерь. Они жили у бабушки в России.

В 2002 году я с детьми получила российское гражданство. Теперь я себя чувствую полноценным гражданином и переживаю все события в нашей стране в единении с соотечественниками. Но каждый раз, когда самолет садится в Шереметьево, душа ликует, как 44 года назад в мой первый приезд.

